

Моя Фонтанка

Ольга
Марголина

Ольга
Марголина

Моя
Донтанка

УДК 556.53(09)

ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

М25

Марголина О.

М25 Моя Фонтанка / О. Марголина. — СПб. : Алетейя, 2010. — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-91419-431-1

Я — гидролог, гидролог по призванию, гидролог с рождения. Одна из любимых рек — петербургская Фонтанка, которая вот уже более трехсот лет вдохновляет жителей великого города. На ее застроенных архитектурными шедеврами берегах жили и работали выдающиеся люди России.

Жизнь всех моих родственников, некоторых друзей и знакомых случайно или намеренно связана с этой удивительной водной артерией города. С ней связана и моя жизнь. Детство и юность прошли в среднем течении реки, часть замужней жизни — в нижнем. Большая часть зрелости проходит в верхнем течении — у истока Фонтанки, в самой красивой, аристократической части Санкт-Петербурга.

Фонтанка — река моей судьбы и судьбы моих родных и друзей. К такому выводу я пришла недавно, о чем и хочу рассказать.

Но все по порядку...

УДК 556.53(09)

ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-91419-431-1

© Марголина О., 2010

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010

© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

Я люблю реки. Если честно, люблю не только реки, но любую водную среду — от ручьев до океанов. Много их повидала на своем гидровеку (интересное слово придумала!). Одна из любимых, даже, скорее, родных рек — петербургская Фонтанка. Она не входит в крупные справочники и кадастры, но, тем не менее, вот уже более трехсот лет вдохновляет жителей великого города. На ее застроенных архитектурными шедеврами берегах жили и работали выдающиеся люди России, о чем можно прочесть в очерках, справочниках и монографиях *. Жизнь всех моих родственников и некоторых друзей и знакомых случайно или намеренно, но тоже связана с этой удивительной водной артерией города. С Фонтанкой связана и моя жизнь. Детство и юность прошли в среднем течении реки, часть замужней жизни — в нижнем. Большая часть зрелости проходит у истока в самой красивой, аристократической части Санкт-Петербурга.

То, с чем вы познакомитесь на страницах этой книги, — не краеведческий очерк и не экскурс в прошлое. Фонтанка — река моей судьбы и судьбы моих родных и друзей. К такому выводу я пришла недавно, о чем и хочу рассказать.

Но все по порядку...

* отрывки из различных источников выделены курсивом.

*Памяти моего мужа, верного друга,
с которым мы 50 лет совершали
прогулки по набережным Фонтанки*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У ИСТОКОВ

Река Фонтанка – длина 6,7 км, ширина 35–70 м, глубина 2,6–3,5 м.

Берега Безымянного ерика (ерик – проток, вытекающий и впадающий в одну реку) обжиты были давно. В XVII в. здесь были деревни: у истоков – Усадица (по другим источникам Враловщина), в нижнем течении – Калина. В истоке ерика из Невы царь Петр для своей резиденции облюбывал сад одного шведского майора. После того, как через ерик были перекинуты трубы, которые питали водой из Лиговского канала фонтаны Летнего сада, его (ее) стали называть Фонтанной, а позже – Фонтанкой, что звучит проще, но нежнее. До середины XVIII в. река Фонтанка была границей Петербурга, после чего границу передвинули южнее, к сегодняшнему Загородному проспекту. За Фонтанкой в лесах укрывались разбойники, которые грабили прохожих и проезжих. Леса кишели волками, которые забежали в только что построенный город, нападали и загрызали людей, пожирали трупы из захоронений (на месте улицы Рубинштейна находилось кладбище в первые десятилетия XVIII в.). «Дабы обезопасить жителей от волков и вора́м пристанища не было» леса велено было вырубить. Вся территория за Фонтанкой называлась Московской стороною, первый проект ее был намечен главным зодчим города Доменико Трезини в 1712 г.

Я долго не понимала, вытекает Фонтанка из Невы у Летнего сада или впадает в Неву. Не так давно во время прогулки с собакой бросила в воду маленькую бумажку. Конечно, течение отнесло ее вперед – к Михайловскому замку. Значит, здесь исток, а устье находится где-то за площадью Репина, у Адмиралтейского объединения.

Через реку Фонтанку перекинута 14 мостов.

Первый мост – Прачечный, он горбится над истоком из реки Невы – на набережной Кутузова. Когда-то на углу улицы Чайковского находился Прачечный двор или, попросту, дворцовые прачечные. Сегодня по мосту идет поток автомобилей. Когда после подъема машина на скорости мгновенно спускается с моста как раз у начала ажурной чугунной решетки Летнего сада, внутри что-то ухает. В праздничные вечера, которых у нас много, на мосту стоит и движется к Троицкому мосту толпа. Отсюда отлично видны и фейерверк над Невой, и парусник «Алые паруса», и корабли в дни Военно-морского флота. Да мало ли торжественных мероприятий проходит на набережных Невы? Всеми ими можно любоваться с Прачечного моста!

На углу Фонтанки у Прачечного моста в казенном прачечном доме жил генерал-поручик Федор Виллимович (!) Бауэр (1734–1783), известный как ученый инженер. В истории Петербурга он славен тем, что первый начал углубление Фонтанки и устроил на ней набережную {Петербургский листок 15 (28) мая 1903 г.}.

– Скажите, пожалуйста, где находится дом Гауди? – как-то раз спросила меня в летний день на четной стороне набережной Фонтанки интеллигентного вида женщина.

– Гауди? Вы не путаете? Я знаю, что он творил в Барселоне.

– Нет, нет, мне говорили...

И тут я вспомнила. В лабиринте дворов и садилов дома № 2 по вечерам я любила гулять с собачкой. Один безлюдный двор имел зеленую горку с буйной растительностью, поэтому можно было не бояться окрика, когда Блэзи пристраивалась «по большим делам». В другом дворе следовало опасаться кошек, наших врагов номер один, и держать собаку на коротком поводке. А вот в третьем дворе я получала эстетическое удовольствие. Не знаю, когда возникла эта художественная школа, ни разу не видела рядом учащихся, но, действительно, длинная без окон стена школы, вход в нее, садик рядом со скамейками, фигурками, фонтанчиками – все было украшено веселой пестрой мозаикой. Как у Гауди, мозаичные поверхности были плавны и скруглены. Чем не парк Гуэль?

С тех пор прошло несколько лет. Блэзи умерла, я потеряла прежнюю прыть и не хожу гулять с ее сыном, стремительным псом по имени Рыжий. И в доме № 2 за последние годы изменилось многое. Во-первых, все подворотни закрыты на кодовые замки, проникнуть во дворы можно только вместе с жильцами. Во-вторых, получившие ныне статус элитных перестроенные дома, глядящие окнами-стеклопакетами на набережные Кутузова и Фонтанки, украшены не только цветами, железными дверями и чугунными оградами. Примета времени и элемент декора – будки охраны.

– Вы куда, гражданка? К кому? Вас ждут? Документы!

– Нет, не ждут. Просто любопытно, когда-то я здесь гуляла.

– Тогда идите дальше...

Любителям прекрасного не увидеть теперь нашего Гауди.

В доме № 6 находилось Училище правоведения, в котором девять лет учился Петр Ильич Чайковский. «Рассадник просвещения, добросовестных и надежных слуг престолу и отечеству», – так назвал это учебное заведение, основанное принцем Ольденбургским в 1835 году в память матери – Екатерины Павловны, император Александр II.

Улица, примыкающая к училищу, после нескольких переименований была названа в честь великого композитора. Впрочем, история эта не так проста.

Жил некоторое время в Петербурге мало кому известный русский политический деятель – народоволец Николай Васильевич Чайковский (1851–1926). В 1874 году он эмигрировал, долго жил в Лондоне, в 1906 году, примкнув к движению социалистов-революционеров (эсеров), вернулся в Россию. Николай Васильевич участвовал в политической жизни, с приходом к власти большевиков стал активным врагом советской власти, после разгрома Деникина уехал в Лондон, где и умер. На некоторых экскурсиях по городу рассказывают легенду, что Сергиевская улица в 1923 году была названа именем народовольца, так как в этот год (вплоть до 1993 года) параллельным улицам были даны имена народовольцев-террористов Ивана Каляева и Петра Лаврова. Однако это всего лишь легенда, иначе как объяснить, почему в 1993 году этим улицам вернули их исторические названия – Захарьевская и Фурштадская, а улице Чайковского, якобы названной в честь народовольца, нет? Да и не могла одна из красивейших улиц города много лет носить имя врага советской власти: не допустили бы коммунисты такого кощунства. Так что будем считать, что своим именем бывшую Сергиевскую улицу осеняет Петр Ильич.

Училище изначально было задумано как привилегированное заведение, готовящее выпускников к службе в высших эшелонах власти. После европейской революции 1848 года вольнодумство было вытеснено муштрой, нежный и впечатлительный ученик младшего класса Петя Чайковский с трудом выносил почти армейскую дисциплину. На его счастье в доме № 8 на углу Косого переулкa жила семья любимой тети Кати, родной сестры его «мамашеньки». Учеников отпускали на выходные к родным, и Петр Ильич с удовольствием проводил время в музыкальной семье тетушки, под влиянием которой формировались его музыкальные вкусы. Екатерина Алексеевна обладала красивейшим контральто, и племянник с удовольствием ей аккомпанировал. В то время Училище правоведения, которое закончили также музыкальный критик Стасов и композитор Серов, вообще было наполнено звуками музыки. Соученик Чайковского поэт Апухтин писал:

Ты помнишь, как, забившись в «музыкальной»,
Забыв училище и мир,
Мечтали мы о славе идеальной,
Искусство было наш кумир?

В 1892 году уже знаменитый композитор П. И. Чайковский последний раз дирижировал в Училище правоведения оркестром учащихся.

Жизнь Чайковского в периоды его приездов в Петербург была связана с Фонтанкой. В доме № 24 жил его брат Модест Ильич, воспитывавший глухонемого мальчика Колю Конради. Петр Ильич часто

останавливался у брата, тем более что Модест был либреттистом его опер. В 1884 г. уже во время репетиций «Евгения Онегина» Модест с Колей переехали в большую квартиру в доме на углу Фонтанки и Итальянской (№ 25), где прожили пять лет. В этом доме впервые у Петра Ильича появилась собственная комната, большая и, по воспоминанию современников, роскошно убранная. Посередине стоял большой старинный письменный стол, украшенный бронзой и портретами, заваленный письменными принадлежностями. По стенам стояла мягкая мебель с темно-зеленой обивкой, слева от входа находилось изящное пианино.

Сегодня в доме № 6, если судить по прикрепленным у главного входа табличкам, находятся «Ленгражданпроект» и Ленинградский областной суд. Но не в эти уважаемые организации ежедневно подъезжают красивые интуристовские автобусы, из которых высыпает разношерстная толпа и, едва взглянув на воды Фонтанки и на Летний сад, что напротив, устремляется в небольшую дверь. Я их понимаю. После массы впечатлений и продолжительной ходьбы по незнакомому городу лишь одну мысль способно удержать сознание туриста: когда же покормят? В доме № 6 постоянный аншлаг по одной простой причине: здесь находится ресторан для интуристов. Он не афиширует себя, как говорят, не пиарит, но процветает. А ребята и девчата в поварской и официантской формах в ожидании гостей покуривают у бокового выхода.

Между домами № 6 и № 8 для подачи воды в Литейную часть от Фонтанки в 1719 году по приказу царя Петра прорыли Косой канал, правда, быстро его засыпали. В 1770 году улица стала называться Косая. В середине XX века ей дали название «улица Оружейника Федорова» в честь жившего здесь когда-то в доме № 2 Владимира Григорьевича Федорова (1874–1966) – советского ученого-оружейника, создателя автоматического оружия. Улицу называли не в честь знакомого всем Калашникова, а незнакомого Федорова, возможно, его учителя. Признайтесь, кто из вас знает его? Когда мы переехали в дом на пересечении Соляного переулка и улицы Оружейника Федорова, друзья шутили, что оружейник полковник Марголин переехал к оружейнику Федорову (чтобы не путали пистолет и автомат).

В доме № 8 по набережной Фонтанки, куда навещался Петр Ильич, небольшом, трехэтажном, не так давно жила забавная «дама с собачкой». Я выходила гулять с нашей собакой Блэзи, «дама» выбегала из парадной с мохнатым бело-черным Малышом. Пока я старалась сдерживать порывы лезущей в драку эрделихи, маленькая спортивная старушка неслась во всю прыть вокруг садика за веселым песиком.

– Малыш, ко мне! – взывала она, но он не обращал на хозяйку внимания, занят был своими делами, а именно погоней за крупными сучками.

— Малыш, не приставай! Сейчас получишь, и они будут правы. Совсем загонял меня, паразит!

Так продолжалось пару лет, а потом вдруг и Малыш, и старушка пропали. Кто-то из них, видимо, умер. Дом надстроили четвертым мансардным этажом. Лет тридцать назад в реку напротив этого дома я опустила в сумке труп нашего любимого кота Пуши, который радовал семью долгих восемнадцать лет. Может, и не стоило загрязнять воды любимой Фонтанки, но тогда казалось, что лучшего места погребения — напротив Летнего сада — для Пушеньки не найти. Да простят меня люди!

Длинное красивое здание за **№ 10**, которое простирается до улицы Пестеля, на самом деле не здание, а передний фасад Соляного городка. История его, как и архитектура, очень интересны.

9 сентября 1706 г. в Петербурге произошло наводнение, река поднялась на 289 см выше ординара, царь писал Меншикову: «У меня в хоромах вода была сверху пола на 21 дюйм (50 см), и по городу, и по другой стороне по улице свободно ездили на лодках. И зело утешно было смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели не точию мужики, но и бабы».

Чтобы население по рекам и ерикам могло передвигаться не только во время стихийных бедствий, но и ежедневно, на левом берегу реки Фонтанки напротив Летнего сада еще при Петре I была возведена партикулярная (гражданская) верфь для постройки судов и суденышков жителям Петербурга. Позднее вошли в моду вечерние катания по Неве — тоже на речном транспорте. По периметру П-образного двора с внутренней стороны корпусов прорыли канал, от него отходил короткий поперечный — до Фонтанки. В центре главного корпуса башню увенчивал шпиль, совсем как на Адмиралтействе. На краю верфи воздвигли для мастеровых церковь в честь святого Пантелеймона, так как именно в день этого святого в 1714 году при участии Петра была одержана победа над шведским флотом.

В 1784 г. при Екатерине II верфь была упразднена, на ее месте построили каменные амбары — склады соли и вина. Соль считалась собственностью государства и государей, поэтому добыча и продажа соли должна была подчиняться особому правительственному контролю, который осуществляла соляная контора вплоть до 1880 г., почти сто лет. Название Соляной городок, появившись в те давние времена, сохранилось до наших дней. 15 мая 1870 г. на территории Соляного городка открылась XIV всероссийская мануфактурная выставка (типа ВДНХ по сути и размаху), где создали огромный выставочный комплекс с почтой, телеграфом, отделением полиции, пожарным

депо, рестораном, трактиром и развлекательной зоной, из которой по наплавному мосту можно было перейти в Летний сад. Архитектор Фонтана (создатель Европейской гостиницы, Малого театра на Фонтанке и ряда доходных домов) создал эффектную парадную композицию средней части здания, выходящего на Фонтанку, с аркадой, колоннами, скульптурной группой в стиле русского ренессанса и барокко. Выставка произвела на петербуржцев сильное впечатление не только богато представленными отделами науки, техники и искусства, но и пирамидой из сибирского золота, сахарной головой в три человеческих роста, свечами-колоннами... Под навесами стояли паровозы и вагоны, доставленные по специальным путям с Николаевского вокзала.

После закрытия выставки было решено организовать в Соляном городке культурно-просветительный центр, равного которому в России еще не было. Формирование его повлекло переделку старых корпусов и возведение новых. Так на берегу Фонтанки возникли музеи: сельскохозяйственный, технический, педагогический военных заведений, кустарный музей и постоянная выставка Центрального училища рисования барона Штиглица.

Сельскохозяйственный музей был переведен сюда в 1881 году из Лесного института и занимал большую часть территории со стороны Рыночной (ныне Гангутской) улицы. Каких коллекций там только не было! «По исследованию почвы и удобрений», «Произведения животного царства», «Произведения растительного царства», машины, орудия, приборы и модели, отделение Никольского рыбоводного завода... Можно было ознакомиться с устройством дренажей для осушения почв, с лучшим удобрением почв – навозом. Отдел «Произведения царства растительного» можно сравнить с ВДНХ по богатству экспонатов земледелия, полеводства, огородничества, лесоводства, встречающихся в разных странах мира, включая Китай. Витрины «Произведения царства животных» напоминали современные краеведческие музеи: коровы, свиньи, овцы, курицы, голуби, рыбы, пчелы, дельфины, моржи... Не только чучела, но и продукты их переработки, их враги (паразиты) и уход за ними. Краткое описание экспонатов музея (он существовал до самой Великой Отечественной войны) вызвало у меня реакцию: «А слабо воссоздать сельскохозяйственный музей на прежнем месте?»

Музей барона Штиглица, построенный по проекту архитектора Месмахера рядом с Центральным училищем рисования, основан в 1896 г. и насыщался на завещанные бароном миллионы. В училище Штиглица готовили художников и скульпторов в области декоративно-прикладного искусства, а также учителей рисования и черчения для общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. Первым директором училища и музея был

архитектор Месмахер, преподавали там среди прочих художников Куинджи и Савицкий, а учились – Петров-Водкин, Остроумова-Лебедева, Шухаев, Манизер, Верейский и др. Деятельность барона Штиглица, в частности по организации училища технического рисования в Соляном городке вблизи Пантелеймоновской церкви и позже музея, император Александр II охарактеризовал словами «подвиг просвещенной благотворительности». Эти слова десять лет назад были выбиты на асфальте по периметру чугунного круга напротив входа в музей. Самое забавное, что наши люди часть букв из асфальта выковырили, что было довольно сложно. Уверена, что так же сложно было злоумышленникам, за год до того сумевшим все же увезти громадный уличный чугунный декоративный фонарь со скульптурной группой – один из двух, стоявших долгие годы перед главным входом в музей.

Цель, которую поставил основатель музея, была познакомить учащихся с лучшими образцами прикладного искусства. Грандиозный выставочный зал (1200 кв. м.), перекрытый металлическо-стеклянной купольной крышей, не имел себе равных в Петербурге. К моменту открытия музея в нем было собрано около 15 тысяч экспонатов, преимущественно древних и средних веков. Каждому залу были приданы черты той исторической эпохи, произведения которой в нем представлены. Залы древне-русского искусства с образами, складнями и иконами; античного – с гипсовой статуей фараона и деталями саркофагов; восточного – с персидскими коврами и индийскими тканями; итальянского – зал Медичи со шкафами с фаянсовой посудой; венецианского – с тончайшим стеклом; китайского и японского – с веерами, лакированным деревом; готического французского – с фарфором и гобеленами; голландского – с изразцовыми изделиями... Всего не перечислить!

В Соляном городке был один из важнейших культурных центров Петербурга, где устраивались благотворительные концерты, выставки, заседания и съезды общественных организаций, например, первых профсоюзов. В 1905, 1906 и в 1917 гг. на заседаниях Петербургского, а затем Петроградского совета профсоюзов выступал Ленин.

Постепенно из Соляного городка все культурно-просветительные учреждения исчезали, уступая место производственным и военным организациям. Не совсем счастливой была судьба единственного в своем роде Музея обороны Ленинграда, развившегося из выставки трофеев, экспонировавшихся на улице перед зданием с 1943 года, в потрясающую коллекцию – свидетельство героической жизни и борьбы граждан блокадного Ленинграда в течение девяти сот дней в первые годы Великой Отечественной войны. Сталин усмотрел в воспевании героизма сепаратистские планы ленинградской партийной организации на особую роль города. Музей был разгромлен, а руководство музея

и города, как и все неугодное вождю народов, физически уничтожено в со-
стряпанном «Ленинградском деле».

Через сорок лет Музей обороны и блокады Ленинграда продолжил свое
существование, но и залов, и экспонатов стало меньше. Пока что музей де-
лит территорию с Военно-математическим институтом, который должен
освободить музейный корпус, но пока еще не сделал этого.

К святому для жителей блокадного города (я тоже к ним принадлежу)
месту народная тропа не зарастает. В день начала блокады (8 сентября) и
в день снятия блокады (27 января) под звуки военного оркестра здесь про-
ходят митинги и встречи ветеранов, в прочие дни группы школьников про-
ходят по пустым скорбным залам. Превзошел все устраиваемые до сих пор
праздник 8 сентября 2008 года. На улице перед музеем на возвышающихся с
трех сторон трибунах сидели ветераны, перед ними выступали руководи-
тели города и артисты (картинка проецировалась на громадный экран). Свет-
лана Крючкова проникновенно читала стихи в паузах между музыкальными
номерами. Между рядами сновали девушки в военной форме блокадных
лет, разносившие на подносах стопочки с водкой и кусочки черного хлеба
весом 125 граммов. От жалости к старым людям защемило в душе. Хорошо
это было сделано или плохо? Не поняла.

Что касается бывшего художественно-промышленного училища им. Му-
хиной, моего ближайшего соседа, ныне это художественно-промышленная
академия им. Штиглица, то оно развивается, разрастается, занимает кроме
старого здания большое красного кирпича пятиэтажное здание, выходящее на
три улицы: Соляной переулок, улицы Чайковского и Оружейника Федорова.
Первое время после переезда в квартиру в Соляном, глядя темными вечера-
ми в безжизненные глазницы окон напротив, я не могла понять, кто там оби-
тает. Оказалось, что громадный дом не жилой, а учебно-производственный,
студенты с большими планшетами деловито снуют по Солянному из этого
корпуса в главный и обратно. Художники-прикладники, студенты и выпуск-
ники академии регулярно демонстрируют свои изделия и способ их произ-
водства желающим не только в дни рождения Петербурга (26–27 мая), когда
разворачиваются мастерские «Города мастеров», но и в другие специальные
праздники. В эти дни вдоль Соляного переулка устанавливают свои стенды
гончары и стеклодувы, ткачи и художники; выносят столики с книгами по ис-
кусству, вывешивают ткани и рисунки, показывают, учат, дарят и продают.

В самой академии стало хорошей традицией ежегодно раза четыре в
год проводить грандиозные выставки изделий прикладного искусства «Мир
камня». Вот куда питерцы и гости города спешат в течение трех-четырех
дней за подарками себе, родным и друзьям. В первые годы главный под

дивным сводом зал «Мухи», как нежно называют академию, заполняли геологи, которые на столах и столиках раскладывали богатства земных недр — от обработанных камней до украшений из них в виде бус, серег, колец, колье и браслетов... Со временем к этим выставкам-продажам примкнули все прикладники питерских городских сообществ и гости из многих краев и областей России: например, из Карелии везут изделия из дерева, с Урала — из камня, с Алтая везут мед, откуда-то — амулеты и живую воду. Продавцы оккупировали кроме большого зала и залы поменьше, лестницы, коридоры, переходы, аудитории, а между ними, колоннами и скульптурами протискиваются сотни зрителей и покупателей, прицениваются, примеряют, выбирают и наконец через пару часов уходят, унося с собой пакеты с купленным. К вечеру последнего дня выставок художественного вида продавцы укладывают в автомобили, тесно припаркованные тут же, в пешеходной зоне Соляного переулкa, остатки непроданных изделий и разъезжаются до следующей выставки, которая обязательно будет через три месяца.

В мае 2007 года на проезжей части Соляного переулкa (все-таки машины проникают даже через столбики на тротуаре) несколько дней устанавливали довольно оригинальные бронзовые скульптуры. Лица у типажей были разные — красивые, неприметные или просто уродливые. Но не это было главное в скульптурах: особенно выделялись руки — то вздымающиеся вверх, то сжатые в кулак, то стиснутые в любовной истоме... Перед входом в музей установили высокий бронзовый стул, на который и стар и млад норовил вскарабкаться, чтобы увековечить себя на фото. Вдоль фасада на больших полотнах красовались рисунки вздыбленных коней? Что бы это могло быть?

В теплый солнечный воскресный день под звуки оркестра у Пантелеймоновской церкви в конце Соляного собрался народ. Я в это время проходила мимо и остановилась, удивленная. Не прошло и пяти минут, как из училища (академии) им. Штиглица вышла группа мужчин и дам, поднялась на импровизированную трибуну и...

— Дорогие петербуржцы и гости нашего города! С большой радостью я объявляю открытие уникальной выставки...

Открыла выставку известного московского художника и скульптора академика Бурганова приятная моложавая дама, глава администрации Центрального района. За ней выступил ректор Академии художеств, потом ректор нашей Академии, завершал торжественную часть московский гость. Каждый выступивший отметил «уникальность проведения такой солидной выставки на открытом городском пространстве», а именно на одной из красивейших улиц Петербурга. Хозяева предлагали отныне повторять подобный опыт, гость благодарил за честь демонстрировать свои шедевры в течение двух месяцев. Под

шум лопающихся хлопушек с конфетти молодые люди в балахонах сбросили покрывала со скульптур, и пред удивленными очами публики предстали уже виденные мной «руки». После торжественной части устроители пошли в музей на банкет, зрители попытались запечатлеть на пленку диковинные объекты, а я продолжила путь к любимой Фонтанке... Через два месяца лицецерения фигур я сделала вывод: жить среди скульптур, даже пусть талантливых, тяжело, психика не выдерживает.

Последние пару лет в летние теплые вечера жителей окрестных домов и прогуливающихся по красивому Соляному городку стали привлекать громкие звуки танго, или румбы, или самбы, идущие из припаркованного у входа в сквер автомобиля. Если подойти поближе, можно увидеть слаженно двигающиеся в ритме латиноамериканских танцев молодые пары. Удивительно! В северном Питере, не на дискотеке, а на улице, и не пошло, а страстно и, пожалуй, красиво! Похожую картину я лицезрела тоже около сквера на улице, но в итальянском городке Ориенто. На меня происходящее произвело сильное впечатление: танцевали люди «третьего возраста», те, кому за семьдесят, и танцевали они танго и фокстроты под музыку из неореалистических фильмов пятидесятых годов! «Эта песня за два сольди, за два гроша...» Но чтобы у нас?! Невероятно!

Да, о Соляном городке можно написать отдельную книгу! Может быть, я когда-нибудь и осмелюсь, а пока что представляю вам двух жительниц моего дома, без которых картина современной жизни городка была бы неполной.

С милыми дамами Валентиной Григорьевной и ее дочерью Натали я познакомилась совершенно случайно. Началось все с того, что наше относительно небольшое семейство, проживавшее в одной квартире, однажды пришло к выводу, что дальше так жить нельзя: почему-то мы все умудрялись время от времени мешать друг другу. Мой муж, поэт-любитель, даже выразил свое состояние в стихе:

Отличная у нас квартира —
Над креслом редкая картина,
На кресле спит эрдельтерьер,
И двигается стройно
Моя жена. И все достойно:
Беседа, кофе, интерьер.
Но почему-то, почему-то
Я среди этого уюта

Не чуял почему-то ног.
Мне не сиделось, не лежалось,
Все почему-то мне казалось,
Что в ванной спрятан осьминог.

В срочно купленном справочник по недвижимости на странице по продаже и покупке двухкомнатных квартир были подчеркнуты четыре возможных варианта на ближайших улицах и тут же сделаны звонки в соответствующие агентства. В течение двух дней три квартиры были осмотрены и одна из них выбрана. На четвертый день состоялось знакомство с владельцами: педагогом английского языка Натали, женщиной предпенсионного возраста, и ее старушкой мамой Валентиной Григорьевной.

— У нас удивительная аура в квартире! Вы сразу почувствуете, как она положительно влияет на настроение. Спросите любого моего ученика.

Ученики шли в квартиру косяком.

— Кто там?

— Это я, Джордж.

Валентина Григорьевна проверяла физиономию Джорджа на экране телевизора, что висел над входной дверью, и тогда только открывала дверь: сначала парадной, потом квартиры. Чтобы обезопасить себя от воров и бандитов помимо видеокамеры, сигнализации, включаемой при выходе из квартиры и отслеживаемой в отделении милиции, металлической массивной двери с несколькими запорами хозяева установили в дверном проеме кованую металлическую решетку и повесили на нее амбарный замок.

— У вас как в укрепленной крепости, разве что рва нет, — съязвила я, войдя первый раз в квартиру.

— Если бы на вас столько раз нападали, и не так бы защитились.

Эти две довольно хрупкие дамы жили в Питере недавно, всего двенадцать лет. В 1991 году они бежали из Сухуми, где их квартиру разграбили. В Абхазию они унесли ноги из Грозного, где к тому времени потеряли все что можно. С тревожного Кавказа вынуждены были лететь на Дальний Восток: там жил и работал сын Валентины Григорьевны и брат Натали. Но уже вскоре перебрались в Ленинград, где с отцом, бывшим мужем Натали, жили сыновья, которые в те годы учились в школе и институте. Напуганное сумятицей перестройки и перестрелок семейство как могло забаррикадировалось в старой петербургской квартире. Но и тут их не оставили в покое: на лестнице на них напали наркоманы и жестоко побили.

Во всем виновата была неугомонная Валентина Григорьевна: она не могла оставаться равнодушной к несправедливости в любых проявлениях. На

новом месте пожилая женщина возглавила борьбу со слесарями, которые использовали помещение в первом этаже для пьянок, втянула в нее жильцов, участкового милиционера, жилищный комитет РЭУ и через год победила. Комнату у мужиков отобрали, отремонтировали и определили в качестве «швейцарской», а ключ отдали победительнице. Она же хранила ключи от отремонтированного под ее натиском подвала, от ворот, с большим трудом оборудованных замками и сигнализацией. Это Валентина Григорьевна придумала и осуществила установку на лестнице видеокамеры, организовала ремонт и регулярную уборку лестницы и двора, это она следила за качеством работы почтальона и дворника, собирала деньги на общественные нужды, помогала больным и сирым. Обо всех своих подвигах на бытовой ниве старушка поведала новой хозяйке квартиры самолично. Глядя прямо в глаза, закончила убежденно:

— Я Вас очень прошу, выполняйте, пожалуйста, мои функции старшей по лестничной клетке. Народ привык, что в этой квартире живет человек, который следит за всем, не дает никому спать спокойно.

— Нет, нет! — вскрикнула я, испуганная такой настойчивостью. — Я совсем не такая заботливая и упорная, к тому же работаю.

— Очень обидно! Я только все с таким трудом наладила. Осталось найти консьержа и посадить в комнату.

— Зачем в небольшом доме с десятью квартирами нужен консьерж?

— Вы бывали за границей? Там этот вопрос не возникает.

— За границей я была, но мы не в Чикаго, моя дорогая!

— А я была только во время войны, когда служила переводчицей при штабе 3-го Украинского фронта. Перед войной я с родителями жила в Москве и училась в педагогическом институте. С третьего курса ушла переводчицей на фронт. Проехала сначала по освобожденной территории Союза, потом по разгромленной Европе до Берлина. На фронте и замуж вышла за будущего Наташиного отца. А уж после войны закончила институт и много лет преподавала в школах. И дочь заразила любовью к этой благородной профессии.

— Валентина Григорьевна, Вы часто ходите гулять в Летний сад?

— Признаться, не была там ни разу.

— Как ни разу? Вообще ни разу? За девять лет жизни рядом с садом?!

— Я же гуляю с собачкой! В Летний сад с животными не пускают.

— А без собачки? Просто, чтобы отвлечься от домашних дел и книжечку почитать?

— Вы знаете присказку: «Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж чрезвычайно чисто»?

— Конечно. И другую знаю: «Отец Онуфрий, отслужив обедню, обошел

окрест, обнаружил отроковицу Ольгу...», но какое отношение эти присказки имеют к Вашим прогулкам?

— Мой день можно описать тоже присказкой — слова с буквы «п»: про-снулась, помылась, приготовила поесть, пошла прогулять песика Пэрика, пришла, позавтракала, пообщалась, повернула по проторенному пути покупать пищу, после прихода покряхтела, попотчевала потомков, присела, потом подумала, полчаса полежала, пошла прогулять Пэри повторно, перекусила, поспорила по поводу переезда, почитала, помылась, прилегла поспать... Как видите, я или покупаю, или готовлю еду, или гуляю с псом — и все в пределах микрорайона. А сад на другом берегу Фонтанки, до него не дойти. Если серьезно, конечно, стыдно — стыдно учительнице литературы не побывать в таком литературном уголке Петербурга. Вот переедем в Москву, там, в городе юности, буду всюду ходить, вспоминать.

Монолог свой Валентина Григорьевна произносила по-учительски назидательно, но иногда улыбалась, видимо, чувство юмора было ей не чуждо.

В течение недели, пока дамы собирали вещи, я приходила к ним выяснять разные квартирные нюансы: где что включается, от чего ключи, как работает сигнализация, где удобно покупать продукты, платить за квартиру, получать письма, как зовут соседей, что остается из мебели и утвари.

— Поверьте, совсем не хочется уезжать из квартиры. Правда, у нас хорошо? Я ее обожаю! Но ребята ждут. Я вам оставляю кроме светильников, электробытовой техники и прочей мелочи адреса массажистки, нотариуса, косметолога, врача-кардиолога. И, конечно, ауру, лучшую в Питере. Оставила бы своих pupils, но вам с мужем они не нужны, верно?

А pupils — и молодые ребята, и солидные дядьки и дамы, — приходили, брали последние уроки у Натали, со слезами прощались. Они действительно жалели, что она их покидает. Телефон звонил без конца, Натали отвечала: «Yes, не забуду, yes, приезжайте, помогу». Она многим за последние годы помогала при поступлении в вуз, готовила россиян к деловым встречам и в Питере, и за рубежом. Крепко сбитая, невысокого роста, с напористым характером, знающая себе цену деловая дочка деловой мамы. На мой вопрос, будут ли у нее новые ученики в столице, Натали без лишней скромности твердо отвечала:

— О, yes, без них не останусь! Уже звонят, ждут.

У Валентины Григорьевны в этой почти восьмидесятиметровой квартире была своя комнатка в шесть квадратных метров, обставленная мебелью возраста ее хозяйки, а той исполнялось восемьдесят лет.

— Машинка фирмы «Зингер» моя ровесница, я на ней шила все: внукам — костюмчики, когда они были маленькие, Наташе — выпускное платье, себе — туалеты, не такие уж и страшные, Пэрику — попонку, чтоб не

мерз. Последнее, что соорудила с ее помощью, — именно эта занавеска на кухне. Правда, красиво? Я вам ее оставляю, все равно в новой квартире она не пригодится. Там уж внуки купят новое, заграничное барахло, хотя мое не хуже.

Самодельная занавеска на кухонном окне, выходящем на противоположную стену дома, скрывала защищенное крепкой решеткой окно. (Кстати, о решетке. От бандитской пули она нас, как ни странно, защитила, а вот хулиганов прошлым летом привлекла. Подумав, что в квартире хранятся несметные богатства, они взломали дверь и устроили настоящий погром. Вывернув содержимое всех шкафов и потайных ящиков, унесли... пару женских сапог и бутылку вишневого ликера. Больше ничего для себя ценного не нашли.) Занавеска и правда была красивая — цвета новорожденного цыпленка с ярко-синей отделкой поверху и двумя крупными такими же синими карманами, из которых торчали в разные стороны колосья пшеницы. Занавеска гармонировала с синими и желтыми стенами кухни, лишая покоя и создавая деловое настроение. Во всяком случае, согласно присказке Валентины Григорьевны, «появлялось пожелание поработать, пошуметь, попрыгать по пестрому паркету при появлении *riples*, приготовить пирог, продать помещение, переехать»...

Первыми покинули обжитую и современно отделанную квартиру мальчики. Старший, закончив финансово-экономический институт, стал банкиром и переехал в столицу. Знал языки (от мамы), работал в международном банке, удачно женился, подолгу жил в Швейцарии. Младший шел по стопам старшего брата: тоже банкир, тоже Москва, тоже удачная партия.

— Мои сыновья — лучшие в мире! Shuarly! Правда, хороши? Умные, красивые, нас с бабушкой любят. А жены у них, смотрите, какие девушки! У старшего — топ-модель, у младшего — банкирша, с ним вместе работает, просто кинозвезда, супер! И квартиру нам купили супер, больше ста метров. Зачем такая? Но раз ребята купили, будем жить. Мама наконец начнет гулять по местам своей юности, а то дальше магазина на улице Чайковского никуда не ходит. А мне все равно где жить: я почти не выхожу из дома — уроки, уроки, не могу остановиться...

А пока что в ожидании машин — грузовой и легковой, которые им организовали признательные ученики, отъезжающие дамы отмечали торжественную дату в жизни Валентины Григорьевны. Именно сегодня, в день переезда, ей исполнилось восемьдесят лет. По этому случаю, сидя на пакетах в заполненной сумками кухне, они подняли за ее здоровье стаканы с шампанским, а песик лаем выразил любовь к хозяйке и волнение по случаю отъезда. Глаза женщин были полны слез, а душа жила надеждой. На встречу с мальчиками, на новые впечатления, на новых учеников, на прогулки по местам юности,

на красивую обеспеченную жизнь, на положительную ауру в новой квартире. Все-таки, что не говорите, а создают ее люди. В Москву, в Москву! Так они и запомнились мне.

На противоположном берегу реки напротив Соляного городка находится **Летний сад**, где стоит **Летний дворец Петра I** — одна из древнейших построек Петербурга, любимое место проживания царя с 1711 года. Во дворце двадцать комнат: десять, в первом этаже, — Петра, десять, во втором, — Екатерины и детей. Издали, особенно с моего берега, домик в деревьях кажется маленьким, но когда ходишь по нему, видишь, сколько необходимых и даже лишних предметов там помещалось в далекую от нас эпоху. Поражает скромность первой в России особы, особенно если сравнить его с «домиками» новых русских конца XX века. Один из таких современных дворцов возвышается на высоком берегу Оредежи в поселке Вырица под Петербургом и принадлежит бывшему криминальному авторитету, ставшему «крутым» бизнесменом, которого на службу ежедневно вздымает вертолет. Бело-голубой в барочном стиле ансамбль с колоннадами портика, золоченым куполом, увенчивающим дворцовую церковь с иконостасом девятиметровой высоты, с ажурной чугунной решеткой, скульптурными группами в саду, павильонами и беседками, будто создан великим Растрелли, не меньше! Знай наших! А что? Может, так и надо! Пусть от эпохи дикого капитализма тоже останутся шедевры!

Домик царя Петра был построен голландскими мастерами в любимом хозяином стиле — с изразцовыми печами и расписными потолками. Каждый мог войти в первую от входа комнату и передать прошение царю или лично изложить просьбу. Самодержец со всеми говорил, дела решал немедленно. (Вот бы наши «цари» так!) В покоях жены Екатерины на кухне стоит большая с изразцами русская печь. Императрица собственноручно пекла любимые пироги мужа.

Летний сад разбивал и засаживал деревьями сам государь. Сад примыкал к Неве, а в оставленном луговом «потешном» поле, позже Марсовом, устраивались игры-потехи и фейерверки, любимые Петром. Отделялось поле каналом с лебедями (Лебяжьим). Сад площадью 11,7 га украшали фонтаны, уничтоженные наводнением 10 сентября 1777 г. и из-за дороговизны так и не восстановленные. Около искусственного грота стояли столы и скамейки, во время празднеств гвардейские солдаты на носилках вносили ушат с простым вином и подносили по ковшу каждому за здоровье полковника, т. е. царя. Отказываться от питья никто не смел, заливали насильно, сад на это время запирали. Позже, в Екатерининское время в саду устраивались концерты роговой

музыки придворных егерей, прекратились они после 1812 г. Украшением сада помимо статуй и групп вымышленных античных и реальных героев (числом более 90) служит бронзовая фигура дедушки баснописца Крылова, окруженная персонажами его басен, отлитая бароном Клодтом. У пруда на площадке перед входом со стороны реки Мойки стоит урна, ваза-плакательница из порфира, подаренная Николаю I шведским королем в 1833 г.

Чугунная со стороны Мойки решетка была выломана за минуту лихой машиной, врезавшейся в нее осенью 2007 года. Хорошо хоть, что не та, между гранитными колоннами, которую при Екатерине устанавливали шесть лет. Закрывать дыру пока не собрались. Удивительное дело, но в наше время в охраняемом милицией и грозными овчарками саду вандалы несколько раз умудрялись разбить и украсть скульптуры, после чего их заменяли (или не заменяли) копиями. Летом 2008 года треснула и была убрана ваза.

Я сгустила краски, не все так плохо в саду. Лебединая пара в недавно почищенном и углубленном пруду не каждое лето, но живет. Цветочные клумбы и рабатки у Лебяжьей канавки, вокруг пруда и у выхода на Неву радуют глаз. Музыка духового оркестра по воскресеньям у Кофейного домика звучит как прежде и собирает любителей, в основном, пенсионного возраста. Запомнился мне концерт, который вел частый ведущий подобных мероприятий драматический артист Иван Краско. Концерт состоялся через несколько дней после смерти его сына Андрея. Старший Краско был грустен, но мужественно вел программу, маленькие детишки облепили его ноги и приплясывали под звуки вальса Штрауса, от них не отставала какая-то бойкая пенсионерка, похоже, подшофе.

В прошлом году программу открытия летнего музыкального сезона решили разнообразить. По плану устроителей военный оркестр в 16 часов должен был появиться с Невы, подплыть на катере с маршем и фейерверком. Довольно много народа в ожидании чуда нетерпеливо прогуливалось по аллеям у выхода на набережную. Среди ожидающих была и я, постоянная посетительница концертов. В 17 часов у нас дома был семейный праздничный обед, опаздывать не хотелось, поэтому я думала присутствовать только на первых маршах. Но за десять минут до появления плавсредства с душами военными на голубом небе начали сгущаться облака, потемнело, задул холодный ветер, и по закону подлости ровно в 16 часов полил дождь. Я, будучи без зонта, быстрым шагом, переходящим в бег, рванула по Фонтанке к дому. И тут как раз услышала бодрый марш, а потом и увидела приближающийся от Дворцового моста катер с оркестром. Слушатели с зонтами, конечно, не расходились, ждали любимцев.

В Кофейном домике несколько лет продажу сувениров осуществляла супружеская пара художников-прикладников, хороших знакомых моей институтской подруги. У них мы приобретали неплохую авторскую керамику и виды Петербурга, а главное для меня — диски с приятной музыкой, которая негромко звучала около павильона: Цезария Эйвора, переборы испанских гитаристов, темпераментные танго Пьяццолы, записи концертов «романтическое фортепиано». В последние годы музыкальные сувениры перестали продаваться, но музыка в Летнем саду по-прежнему звучит разная. Помимо традиционного военного духового оркестра несколько раз я слушала джазовую группу, наигрывающую мелодии в стиле ретро, классический джаз тридцатых годов и свинговый — шестидесятых. Однажды рядом с дедушкой Крыловым встал молодой виброфонист и наигрывал что-то меланхоличное, начиная от «Аве Марии» и кончая песнями Нино Рота. Слушатели сидели на скамейках, потом подходили к исполнителю и бросали деньги в коробочку на земле. Иногда он прерывался и продавал диски, на которых было указано имя исполнителя — Алексей Чижик.

— Скажите, пожалуйста, это Ваша афиша висит на дверях павильона?

— Да, мой концерт будет через неделю в Малом зале Филармонии. Приходите.

Мы с подругой удивились.

— А зачем Вы играете в Летнем саду?

— Я вообще живу и работаю в Лондоне, в родной город приезжаю летом не надолго. Хочется поиграть для публики. Мне мало одного концерта.

— Ох, как он мне надоел со своей жалостливой музыкой. Представляете, по пять часов слушать такое! — бурно реагировала стоящая рядом продавщица мороженого.

Мелодии в мажоре собирают детскую аудиторию. На центральной аллее сада пара кукольников к радости детей под веселые мелодии дергает за ниточки папу Карло с Буратино.

Появились в укромных уголках сада новые экспонаты, например, «12 стульев» — по контуру небольшой круглой площадки вкопали резные чугунные отделанные цветным витражным стеклом стулья, на которых при желании можно отдохнуть.

Летний сад был огородом для Пушкина, когда поэт жил на Пантелеймоновской улице. «Летний сад — мой огород. Я, вставши ото сна, иду туда в халате и в туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома». Это из письма поэта.

Анна Андреевна Ахматова, которая жила по соседству в Фонтанном доме, тоже любила поэтичное место, вдохновлявшее ее. Так она обратилась к Летнему саду в 1959 году.

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственный скрыт.

Для меня Летний сад — источник вдохновения. Разве можно, например, равнодушно взирать на дивную группу «Амур и Психея» у Лебяжьей канавки? Кого не растрогает поэтический миф о Психее, супруге бога любви Амура, которой не разрешено было видеть его лицо, а встречаться надлежало лишь в темноте. Узнав от сестер о его уродстве, однажды ночью она зажгла светильник, чтобы взглянуть на мужа и поразить его кинжалом. Но на брачном ложе она увидела прекрасного юношу, и ненависть уступила место любви. Этот момент был схвачен и запечатлен неизвестным скульптором.

В саду обычно я хожу по дорожкам и во время ходьбы что-нибудь придумываю, дома остается лишь записать. Концерты духового оркестра по выходным и редкие концерты джазистов у входа в сад со стороны Невы навевают ностальгические мысли об ушедшей юности. Встречи с подругами и поклонниками, прогулки с внучкой в колясочке, любованье цветочными клумбами весной и летом, сбор желтых и красных листьев в октябре, игры в снежки редкой теперь уже зимой, знакомство гостей города с очаровательной скульптурой, чтение книги около кофейного домика под тихое звучание гитары, наблюдение за двумя милыми лебедями в пруду, несколько лет ежедневных в любую погоду прогулок по периметру сада с собачкой... Ох, и не вспомнить всех минут удовольствия и не найти одного слова, чтобы им назвать, что такое для меня Летний сад с его вековыми деревьями, безлюдными в будние дни

дорожками, строгой красотой. И вот его закрыли, как раньше Михайловский, на многолетнюю реконструкцию. В саду выкорчуют вековые деревья, заменят копиями скульптуру...

От улицы Пестеля по четной стороне набережной до улицы Белинского идет ряд особняков. Дом № 14, бывший дом Олсуфьева (из двух похожих домов с гербом бывших владельцев), был перестроен в 1902–1910 годах молодым тогда архитектором Щусевым в стиле барокко.

В доме № 16, особняке князя Кочубея, жила двоюродная бабка Н. Н. Гончаровой – Наталья Кирилловна Загряжская. Она была дочерью Кирилла Разумовского, гетмана Украины и президента Российской Академии наук. Загряжская состояла при дворе пяти императоров, Николай I опасался ее грозного нрава. Пушкин часто бывал у нее и слушал рассказы и анекдоты 90-летней старухи о князе Потемкине. Она – прототип графини в «Пиковой даме». В 1834 г. Наталия Николаевна сняла квартиру недалеко от бабки, в доме № 5 по Пантелеймоновской улице. Именно живя в этом доме, Пушкин ходил в Летний сад, когда писал поэму «Медный всадник», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне...», историю Пугачевского бунта.

Через сто шестьдесят лет после упомянутых событий мы чуть не купили квартиру во внутреннем флигеле этого дома № 5. Квартира с анфиладой солнечных (в день осмотра) комнат показалась симпатичной, и близость духа Александра Сергеевича, естественно, радовала. Но главным плюсом для меня был вид из окон квартиры на крышу Михайловского замка и верхушки деревьев. Правда, из-за главного минуса: пятый этаж без лифта – покупка не состоялась. Кстати, в этом доме № 5 жила несколько месяцев еще одна интересная семейная пара, по следам которой я неоднократно шла то в Шушенском*, то в Женеве, а то и у Фонтанки, – товарищ Ленин с Надеждой Константиновной. Что ж, им тоже не сиделось на одном месте, все время кочевали, как и Пушкины.

В доме № 16 уже после смерти поэта, начиная с 1838 г. расположилось «Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии» во главе с графом Бенкендорфом. В этом ведомстве собирались и множились досье на многих петербуржцев, иногда с наиболее интересными кроме начальника отделения знакомился сам царь. На донесение по поводу наказания одному мужику за его выражение: «А мне на твоего царя наплевать!» (не снял шапку в кабаке, стоя под портретом царя), Николай I отреагировал так: «Дело прекратить! Царских портретов в

* Марголина О. Г. «Женщина и плотина» (СПб.: Алетейя, 2008).

кабаках не вешать! Передайте мужику, что и мне на него наплевать!»
Здорово ответил!

На доме № 16 укреплена доска: «В этом здании в 1906–1911 гг. работал Столыпин». Наверно, над экономической реформой раздумывал? Вот бы его сейчас сюда! До сих пор в особняке находится городской суд, в советские времена прославивший себя громким несправедливым делом – судом над тунеядцем и впоследствии Нобелевским лауреатом поэтом Иосифом Бродским, строки которого, написанные в 1966 году, до сих пор актуальны:

Сегодня ночью я смотрю в окно
И думаю о том, куда зашли мы?
И от чего мы больше далеки:
От православья или эллинизма?
К чему близки мы? Что там, впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?
И если так, то в чем наш общий долг?
И что должны мы принести ей в жертву?

Дом № 18 – дом (или особняк) Пашковых. В 1890-х годах здесь жил Петр Францевич Лесгафт, ученый анатом и педагог, организатор развития физической культуры в Санкт-Петербурге. Это его имя носит Академия физической культуры. Не оттого ли городской врачебно-физкультурный диспансер, продолжающий традиции Лесгафта, расположен именно в доме, где жил «основоположник врачебно-педагогического контроля в физической культуре»?

Осенью прошлого года, когда меня начали одолевать недомогания опорно-двигательной системы, вдруг вспомнились слова хозяйки квартиры, в которую мы въехали пять лет назад: «Очень советую посещать занятия в диспансере, особенно плавание. Так здорово! Оставляю фамилии и телефоны инструкторов, скажите, что от Наталии Константиновны, вас сразу запишут на занятия. Не пожалеете».

Действительно, почему бы не попробовать?

Трехэтажный особняк по вечерам и выходным был безлюден, но однажды я все-таки выяснила у вахтера, что записаться на занятия можно, к тому же человеку любого возраста. Бассейн, правда, пока не работает, он на ремонте, но через месяц его должны открыть. Прекрасно.

Через месяц я пришла, объяснила врачу по лечебной физкультуре, что хоть я и пенсионерка, но молода духом и спортивна телом. Врач испытала мою прыть – приседаниями, наклонами и проверкой частоты пульса.

– Хорошо, ходите на занятия. Хотите с бассейном? Записываю в группу здоровья для тех, кто имеет нарушения опорно-двигательной системы.

Правда, в группе занимаются молодые. Попробуйте, если будет тяжело, переведем.

На первом занятии с молодежью мне пришлось несладко: в зале руки-ноги плохо слушались, спина не гнулась, команды я понимала с трудом. Зато в бассейне старалась прыгать и дрыгать конечностями наравне с молодыми девчонками. К концу второго часа (час на коврике, час в бассейне), чуть живая, с улыбкой обратилась к тренеру:

– Правда я не отставала?

– Да, Вы молодец, но нашей группе не подходите. Попробуем Вас определить в группу с народом постарше.

Другой инструктор – Анна Владимировна, высокая симпатичная спортсменка, отнеслась к пожилой физкультурнице с большим пониманием. К тому же, кроме меня и двух молодых девиц, в группе на коврике изгалялись три грации среднего возраста весом каждая около центнера. Я не уступала им в ловкости и прыти, а после бассейна мы с толстушками дружно шли в сауну, где моя стройность компенсировала мою неспортивность. Словом, занятия в диспансере оказались очень приятными. А сам диспансер с чистыми светлыми залами, современными тренажерами, голубым бассейном и симпатичными инструкторами напоминал зимой приятный оазис здоровья и отдыха. Надо же, в пяти минутах от дома человек может позаниматься физкультурой, поплавать, посидеть в сауне, выпить кислородный коктейль и по красивой набережной вернуться к домашнему очагу! Где я была раньше?!

Дом № 20 был построен в 1780–1800 гг., после 1811 г. принадлежал министру народного просвещения князю Голицыну. В квартире на третьем этаже проживали братья Александр и Николай Тургеневы – современники Жуковского, Карамзина и Пушкина. Александр Иванович, занимавший пост главы департамента духовных дел иностранных исповеданий, известен как старший друг и наставник Пушкина. Это он способствовал поступлению Пушкина в лицей, ввел молодого поэта с прозвищем Сверчок в литературное братство арзамасцев (сам Тургенев носил в нем прозвище Эолова арфа). Старший товарищ следил за молодым повесой: «Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Да спасут его музы и молитвы наши!» Пушкин написал здесь первые строфы оды «Вольность»:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Когда над поэтом в 1820 году нависла угроза ссылки на Соловки, друзья — Чаадаев, Жуковский и Александр Тургенев пошли за помощью к влиятельному Карамзину, с его помощью приговор был смягчен: Соловки заменили Кишиневом. Надежный друг и советчик Пушкина — Александр Тургенев сопровождал гроб с телом поэта к последнему жилищу на Псковскую землю.

У брата Николая Ивановича собирались все желающие принять участие в издании политического журнала, будущие декабристы. Здесь в 1819–1824 годах проходили совещания тайного декабристского общества (в 1821 году создано Северное общество, члены которого приняли активное участие в событиях 25 декабря). Николай Иванович после восстания декабристов должен был быть казнен, но, поскольку находился за границей, был заочно приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь.

В доме № 22, согласно памятным доскам, жили писатель и историк Михаил Иванович Пыляев, увлекательные книги которого о Петербурге и пригородах нынче издаются и пользуются популярностью у читателей, и русский купец и меценат Василий Федулович Громов (не герой ли пьесы Островского?). К красивым снаружи и внутри особнякам постепенно возвращаются их прежние функции — нести доброе и вечное. Сегодня дом № 22 занимает художественно-эстетический лицей, а в соседнем — № 24 (том самом, в котором когда-то останавливался у своего брата Петр Ильич Чайковский) открыты антикварный салон и художественная галерея.

В доме № 26 жили родители Пестеля, у них Павел Иванович останавливался, у них после ранения при Бородине в 1812 г. провел несколько месяцев. В выходящем на Моховую флигеле этого дома прошли последние годы жизни Н. М. Карамзина. Надо сказать, что все особняки выходили на Моховую улицу, которая первоначально называлась Хамовая (хамовники — ткачи). На Хамовом дворе изготавливалась парусина (голландское название), неблагозвучное название улицы по просьбе трудящихся изменили на созвучное в 1826 г.

В последние годы большинство проходных дворов закрыли, но из нескольких домов с набережной пока еще можно пройти на улицу Пестеля.

В одном из таких проходных дворов в годы перестройки заседал комитет самоуправления (КОС) Дзержинского района, членом которого я тогда была. О, какое это было интересное время! Как мы, общественники восьмидесятых, упивались возможностью влиять на пусть не государственную, но районную политику, как бурно обсуждали вопрос: быть или не быть в неблагоустроенной квартире первого этажа или в сыром подвале обувной (переплетной, столярной, швейной или еще какой-нибудь) мастерской индивидуально-

го производства! На еженедельных заседаниях решали, как помочь детям пьющих родителей, как накормить бесплатно избирателей в дни выборов, как обустроить первый дом для престарелых на улице Чайковского, 61, как организовать досуг детей в помещении дома № 29 по улице Пестеля, стоит ли пускать театральную труппу в зал дома № 3 по улице Моховой. Вместе с несколькими солидного возраста дамами и парой активных мужчин я занималась организацией социальной помощи незащищенным людям, то есть детям, больным и старым. Для этого мы в районном паспортном столе долго выписывали адреса и фамилии подопечных, составили толстый grossбух и начали планомерно каждый вечер после работы обходить дома микрорайона, чтобы выяснить, кто в чем нуждается. Сказать, что я увидела в коммунальных квартирах недостойную жизнь ленинградцев, переживших блокаду, это ничего не сказать. Нас встречали с довоенных времен неремонтируемые квартиры, тесные темные комнаты с окнами в колодцы и, главное, плохо одетые озлобленные люди, безнадежно смотрящие в будущее. Когда наступит это светлое будущее для больных одиноких стариков, или беспризорных ребят, слоняющихся по дворам с пьяными родителями, или для бомжей, роющихся в помойках? От всего этого становилось грустно и опускались руки. Было ясно, что наши усилия — капля в море человеческого горя, но хотелось помочь хотя бы раздачей пакетов с гуманитарной помощью, которую слали бедным ленинградцам граждане из стран Европы. Районные КОСы централизованно из городского штаба (кажется, этим заправляла знаменитый тогда деятель Марина Салье) получали пакеты с продовольственными товарами и одеждой и по спискам раздавали жителям, которые в назначенный день и час приходили к специальному помещению, а старым и больным на чьей-то машине развозили по домам. Моя сестра, тоже большая активистка-общественница, занималась раздачей гуманитарной помощи («гуманитарка», как она ее называла) жителям набережной Мойки, где в одном из домов жила. Надо сказать, что «гуманитарка» в течение нескольких тяжелых голодных лет конца восьмидесятых — начала девяностых явилась хорошим подспорьем для многих людей в уже не блокадном городе Ленина. Другие комиссии КОС тоже работали с энтузиазмом, а наш председатель, научный сотрудник института астрономии, даже вошел при Собчаке в правительство города.

Дом № 30, последний на углу улицы Белинского, принадлежал графине Игнатьевой, матери генерала и писателя, автора «50 лет в строю». Около церкви Анны и Симеона (на углу улиц Пестеля и Белинского), одной из старейших в Петербурге, находился когда-то зверовой двор (две львицы, леопарды, лисы, белые медведи и др.).

В доме № 30 в большой квартире много лет жила мама близкая подруга с семьей дочери. Будь это в наши дни, ее дочь, возглавлявшая экономическую службу процветающего тогда «Ленфильма», и муж дочери, профессор финансово-экономического института, имели бы все возможные блага. Но в пятидесятые – шестидесятые годы главное богатство этой симпатичной жизнерадостной пары составляли многочисленные друзья: люди искусства и науки, спортсмены и военные. Друзья с удовольствием приходили на веселые сборища в большую отдельную квартиру, с аппетитом вкушали приготовленные разносолы, хохотали над профессорскими скабрёзными анекдотами, а на закуску слушали нетрадиционную музыку, которой угощал сынишка, будущий композитор. После окончания консерватории сын уехал с концертами в Бельгию и там остался. Единственной роскошью, которую позволила себе эта милая чета в те небогатые годы, была дача в поселке Лисий Нос. Эту дачу супруги возводили своими руками несколько лет. Буквально через год после окончания строительства друзья передавали друг другу ужасную новость: «Вы слышали, дотла сгорела Ромкина дача?!»

Мужественные люди, будучи в солидном возрасте, без участия сыночка, но с посильной подмогой друзей, вторично отстроили двухэтажный дом с хозяйственными постройками, где продолжали принимать гостей. Я навестила их как-то и своими глазами увидела последствия трудового подвига – красивую дачу, цветущий сад и двух пожилых, нездоровых уже людей. К сыну они отказались переезжать, ушли из жизни один за другим: сначала парализованная Жанна, потом от инфаркта умер профессор.

Два берега Фонтанки между домами № 12, 14 и Летним садом соединяет мост Пестеля (Пантелеймоновский). Первоначально в XVIII в. он имел деревянный акведук для подачи воды к фонтанам Летнего сада. В 1823 г. мост был заменен на цепной богато украшенный орнаментами и вызолоченными масками, но в 1906 г. разобран и переделан на арочный однопролетный. И снова мост был украшен металлической арматурой из воинских доспехов с позолотой и фонарями с головой медузы-горгоны.

Совсем недавно мост подкрасили, позолотили, теперь, по моему мнению, он один из красивейших в самом красивом месте Петербурга. С моста открывается роскошный вид: если повернешься лицом к Неве, то увидишь следующие один за другим великолепные особняки, напротив которых – густая зелень Летнего сада; если повернешься по течению Фонтанки, то непременно залюбуешься панорамой не менее великолепных особняков до самого Шереметевского дворца, напротив которой – Инженерный замок. Дух захватывает!

На пересечении рек Фонтанки и Мойки у парапета почти всегда толпится народ и свесившись разглядывает что-то.

– Чижик-пыжик, где ты был?

– На Фонтанке водку пил.

Выпил рюмку, выпил две,

Зашумело в голове.

Узнаете? Любимая песня студентов училища правоведения еще с XIX века стала городским фольклором. Дальнейший текст существует во множестве вариантов, наверно, поэтому известны всем лишь первые строки.

«А почему бы и в самом деле не полюбоваться маленькой птичкой на набережной Фонтанки?» – подумал режиссер и художник Габриадзе. Подумал и сотворил фигурку чижики в натуральную величину, то есть размером в несколько сантиметров. И прикрепил к стенке набережной реки у Пантелеймоновского моста, там, где закругляется серый гранит. Ну, не сам автор прикрепил, рабочие, конечно, и не просто так, а поближе к воде на небольшой полочке-постаменте. Случилось это в 1995 году к фестивалю «Юморина». С тех пор уже успел появиться и черный кот – на фасаде одного из домов Малой Садовой, и пес – сначала в одном из дворов той же улицы, а потом словно канул в воду (где он сейчас, знают немногие, я в их число не вхожу). Но чижики – первая подобного рода достопримечательность города и, бесспорно, самая популярная.

Маленькую птичку показывают при проведении всех экскурсий по историческому центру: автобусных, пешеходных и водных. Гости города в окна автобусов пытаются разглядеть чижики, пассажиры речных суденышек, вдруг на повороте увидев его, начинают улыбаться. Пешеходы идут мимо, наклоняются, внимательно рассматривают металлическую скульптурку и обязательно стараются бросить на полочку монету любого достоинства. Бросают монетку, как в любом знаменитом городе в фонтан, или в реку, или в море, дабы туда вернуться. И как водится, одни бросают монетки, а другие, местные мальчишки, монетки достают. Достать легко магнитом, если его прикрепить к палке и опустить. А чаще парнишки просто залезают в воду, ведь у парапета довольно мелко, и руками шарят по дну. Словом, монетки исчезают быстрее, чем накапливаются. И чижики исчезают с ними вместе. Прикрепленный, казалось бы, навечно, он пропадал уже раз пять, если не больше. Но на пьедестал быстро водружали новую птичку.

Около моста стоят продавцы скульптурок из гипса или металла: «Дорогие гости нашего города! Перед вами знаменитый Чижик-пыжик, герой песни... Смотрите! Покупайте!»

*В месте пересечения Мойки и Фонтанки на искусственном острове в последние годы XVIII в. император Павел повелел возвести для себя **замок-крепость, названный в честь архистратига (высший чин ангела) Михаила, первым поразившего сатану, Михайловским.***

«Дому твоему подобает святыня господня в долготу дней». Это словосочетание, трудно запоминаемое современным человеком, на фронтоне южного фасада появились совсем недавно, при последней реставрации в XXI веке. И слова, и облицовка фасада со стороны Кленовой аллеи, и водоем под ним с непроточной водой – все согласуется с желанием моих современников вернуть Инженерному замку первозданный вид. Замок, действительно, стал красивее, но вода, лишенная возможности подпитываться из пруда Михайловского сада, помутнела. Остается удивляться, почему не попытались вернуть замечательному творению Баженова и Бренны, полному мрачных, порой мистических историй, островной характер? Ведь достаточно было окружить замок рвами и подъемными мостами. Трудно представить, что при строительстве замка ежедневно трудились до шести тысячи рабочих и что создали ансамбль за три с половиной года. А еще трудней представить, что после смерти императора Павла, отъезда царской семьи и воцарения в замке Инженерного училища, Инженерного управления и Инженерной Академии там еще устроили квартиры для простых смертных. В одной из квартир поселилась семья начальника архива Инженерного управления, которая на три года предоставила кров Модесту Петровичу Мусоргскому, оставившему к тому времени военную службу. Возможно, привидения, разгуливающие ночами по мрачным переходам, навяли композитору кровавые сцены, которые он вставил в «Бориса Годунова»: «И мальчики кровавые в глазах! Чур, чур меня!» Мистические картины и сложные психологические выверты всю жизнь не давали покоя Достоевскому, который учился в Главном инженерном училище. Вы не верите? А почему бы нет?!

Даже меня, человека с крепкими нервами, дрожь пробирала, когда несколько лет назад в мрачных, еще не отремонтированных покоях Инженерного замка довелось посмотреть пьесу Мережковского «Павел I». Из обшарпанного вестибюля по лестнице, грязным неосвещенным помещениям, которые не ремонтировались, кажется, с павловских времен, зрители шли к небольшой спальне императора, где того мучительно убивали в ночь на 12 марта 1801 года. В спальне были поставлены несколько рядов стульев, в ней же без особых декораций разыгрывался спектакль. Я легко представила, как из темноты соседних комнат крадучись вошли заговорщики в масках, накинулись на спящего в походной кровати маленького Павла (маленького, как скульптура во дворе замка) и ну его душить! Страшно было ему тогда,

а нам, зрителям, страшно стало на представлении. Текст Мережковского, нервная, на грани истерики игра актера Яковлева в интерьерах замка создали сильное впечатление, усиленное по окончании дождливым ветреным осенним вечером.

Сегодня замок выглядит светло и прекрасно. К 300-летию Петербурга во дворце была проделана громадная работа по реставрации крыши, великолепной парадной лестницы и покоев императрицы Марии Федоровны во втором этаже. Покои включают в красных тонах тронный зал с портретами ее мужа, сына и Петра Великого; зал «антик», где из большой коллекции античных произведений осталось не более десятка экспонатов, лучшие из них – две небольшие греческие вазы (вот бы мне в покоях такие!). В лоджиях Рафаэля о великом маэстро напоминают плафоны на тему строительства замка, в одном из руководителей строительства можно узнать самого маэстро Бренну. В очаровательном столовом зале с террасой, выходящей к Летнему саду, сегодня почти все еще голо, начиная от проемов стен без зеркал и кончая отсутствием мебели. Оказывается, императрица-матушка оберегала мальчиков (их высочеств) от падения в отверстия балюстрады и обкладывала балясины подушками. Покои сыновей Марии и Павла реставрированы не все. По другую сторону парадной лестницы на втором этаже в покоях Константина из восьми комнат экспонируется интересная выставка картин иностранных живописцев, гостей императорского двора. Естественно, среди царствующих особ или их приближенных я увидела массу знакомых красивых лиц, владельцев особняков (как сейчас бы сказали, соседей по набережной Фонтанки): графы Шуваловы, Шереметевы, Юсуповы, Воронцовы, их жены и чада. В загородных дворцах наших «новорожденных графов и графинь» – Пугачевых, Лужковых и иже с ними уже отрываются картинные галереи с портретами домочадцев и соседей. Почему нет? Разве они не заслужили титулов, дворцов и портретов?

В нижнем этаже находились покои самого императора Павла (злосчастная спальня!) и его сыновей Александра и Николая. Кое-кто из нынешних обитателей дворца пока что не выехал: так, Морской архив, занимающий два этажа восьмигранника, не торопится покинуть роскошные апартаменты, находящиеся, правда, в жутком состоянии. В небольшой очаровательной голубой церкви с иконостасом из лазурита, порфира и черно-белого мрамора ютятся сотрудники Архива Русского музея, их выселили на период ремонта из круглых корпусов.

Мой обычный путь из Соляного городка на Невский проспект проходит мимо Инженерного замка. Днем туда можно забежать на временную выставку – выставки регулярно проводятся в уже отреставрированных залах.

Вечерами мимо замка я тороплюсь на концерты в Филармонию или в театры на площади Искусств.

Один раз зимой, когда мы с дочкой возвращались домой, нас обогнала грузовая машина. На повороте с набережной у горбатого мостика она остановилась, оттуда высыпали солдаты, вытащили ящики и придвинули их к парапету. Мы не поняли, каким образом из этих ящиков в небо стали вырываться ракеты. Ракет было много, взлетали они все выше, прочерчивали в темном небе разнообразные разноцветные фигуры, хлопали, гремели. Мы оглядывались вокруг, но кроме нас и солдат на набережной никого не было. Продолжалась красота минут десять. Мы стояли в обалдении. Для кого этот потрясающий фейерверк? Неужели для нас? Невероятно.

На парадной лестнице, украшенной статуями Флоры и Геркулеса, или непосредственно перед ней иногда устраивают концерты. Возможно, о них кому-нибудь бывает известно заранее, но для меня каждый раз концерт неожиданный.

Сквозь листву деревьев мелькало что-то белое. Приблизившись, я разглядела женские фигуры в белых хитонах. Фигуры под медленную музыку то сходились, то расходились, поднимали руки, разводили их в стороны, наклонялись, изгибались. Движения выполняли в замедленном темпе, но очень красиво и слаженно. Я присела на крайнюю лавочку из тех, что стояли перед подиумом. Зрителей были единицы.

— Скажите, пожалуйста, это кто? — спросила я шепотом у сидящей рядом дамы.

— Греческие танцовщицы. Они показывают античные танцы.

Сразу вспомнилась арена театра Асклепия в Эпидавре*. Как здорово смотрелись бы там эти девушки! За год до того я побывала в Греции, тур назывался «Божественный рай Эллады». В мягкие солнечные сентябрьские дни окруженная синими морями страна, ласковые холмы которой были покрытая оливковыми лесами, показалась настоящим раем. Несколько раз видели мы в тавернах и на площадях танцы типа сиртаки, которые под громкую музыку отплясывали, взявшись за руки, греческие мужчины. Таких плавных движений не видела, а ведь они чрезвычайно хороши, навевают благостные мысли.

Последний раз про мероприятие перед замком я узнала тоже случайно. В конце вечерних новостей по первому каналу TV показали сюжет, который ведущая прокомментировала следующими словами: «В Петербурге у Михайловского замка в эти минуты проходит юбилейный вечер любимого петербуржцами композитора Андрея Павловича Петрова».

* Марголина О. Г. «Есть ли жизнь за бугром?» СПб.: Алетейя, 2009.

«Слабо?!» – сказала я сама себе ивыскочила из дома под насмешливые реплики мужа. Еще от Соляного городка я увидела праздничные букеты фейерверка, взрывающиеся в небо со стороны замка. Обычно фейерверк, который мы регулярно выходим смотреть на набережную Невы, устраивается от Петропавловской крепости. На этот раз, в честь Андрея Павловича, стреляли, похоже, от Инженерного. Пока я, наслаждаясь теплой южной погодой и разноцветьем огоньков, дошла до замка, фейерверк закончился, а народ с концерта начал расходиться. Последними собирали инструменты оркестранты.

– Скажите, пожалуйста, тут проходил концерт композитора Петрова? – спросила я одного из стоящих у ограды молодых милиционеров.

– Петрова не знаем, но губернатор Матвиенко была, выступала, видели. Народ стоял за оградой, в сад никого не впускали.

Стало не так обидно, что опоздала, все равно бы не пустили. А симпатичный скромный человек и замечательный композитор Петров, которого я несколько раз видела в Филармонии и чьи мелодичные произведения с удовольствием слушала, вскоре после своего 75-летия умер.

На месте площади парадов и разводов караула перед главным фасадом в позднейшие века были организованы зеленые уголки и аллеи, окружающие памятник «Прадеду правнук» и идущие до набережной. По аллеям иногда бегут красивые собаки, которых выгуливают артисты рядом расположенного цирка. Проходя мимо цирка по набережной, я иногда представляю себе медленно идущего на поводке льва, именно его – царя зверей. А почему бы и не подышать свежим питерским воздухом жителю знойной пустыни? Не все же сидеть в клетке за манежем. Во время прогулки он, кстати, может заглянуть в большие стекла нового здания, отлично вписавшегося в михайловскую зелень, но без признаков человеческого духа.

Цирк появился на набережной давно, до него на этом месте в первой половине XVIII в. был Слоновый двор. Когда в 1741 г. из Персии прибыл караван из 14 слонов, им расчистили площадку для прогулки и сделали настил со спуском в реку для купания. Поблизости в караван-сарай жили персы «слоновые мастера», теперь там Караванная улица. На этой улице издавна возводились постройки для цирковых представлений. В 1827 г. антрепренером и цирковым артистом Жаком Туринером было построено деревянное здание Симеоновского цирка, названное по имени моста через Фонтанку напротив – Симеоновского. В 1842 г. обветшавшее здание разобрали и спустя 25 лет стали строить новый цирк, одним из совладельцев земельного участка стал Газетано Чинизелли. Открылся цирк Чинизелли в декабре 1877 г.

Непосредственно к цирку примыкает небольшое здание подстанции, на флигеле которого висит памятная доска: «Подвигу трамвайщиков, обеспечивающих на тягловой подстанции работу трамвая зимой 1941–42 гг.».

Не знаю, как ты, мой читатель, а я люблю цирк. Люблю, но странною любовью, так как посещаю цирковые представления один раз в пять-семь лет. Каждый раз радуюсь, как ребенок, яркости света и костюмов, смелости и ловкости артистов, холеному виду животных. В памяти надолго остаются представления, увиденные в разных цирках, почему-то особенно дрессированные звери. Например, в пермском цирке, где умные мишки дрессировщика Филатова, мальчики в штанишках и девочки в юбочках, очень забавно выезжали из-за кулис на велосипедах. Красавцы-тигры и ленивые львы Запашных и Бугримовой позволяли дрессировщикам класть головы к себе в пасть (а если от щекотки сомкнулись бы клыки?!), прыгали через горящие кольца на спину другим четвероногим (не помню кому) – ужас, кошмар! От бешеной джигитовки северокавказских наездников на дивных лошадях замирал дух – мне бы так! Ухоженные мохнатые красавцы-верблюды в немецком цирке своим гламурным видом просто повергали в шок (немцы славятся великолепным содержанием четвероногих, интересно, чем кормят?). Радости в цирке добавляет музыка: она окрашивает в разные тона выступления – от нежных, когда работает воздушная гимнастка, до бравурных во время вольтижировки; музыка замирает при смертельном номере под куполом и гремит после удачного приземления смельчаков на ковер.

Музыкальным оформлением спектаклей в ленинградском цирке в конце пятидесятых годов несколько лет ведал друг юности моей мамы Поль Марсель. Младший сын французского эмигранта, он вместе с сестрой и братом был репрессирован в 1937 году, отсидел в ГУЛАГе до 1956 года и вернулся домой, но уже один. Остальные члены семьи погибли. Когда Поль пришел к нам в гости после возвращения из лагеря, мама его не узнала: некогда цветущий полный молодой музыкант превратился в пожилого одутловатого больного человека. Консерваторское образование помогло Марселю в лагерях трудиться – пусть за проволокой, но все-таки в театре, так что профессией он владел. Ему повезло, в непростое время взяли дирижером в ленинградский цирк. Несколько раз мы с мамой по его приглашению ходили на интересные представления, сидели напротив оркестра, причем я не отрывала глаз от арены, а мама внимательно следила за дирижерской палочкой. На глазах ее блестели слезы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФОНТАНКА МОЕГО ДЕТСТВА

Первые свои шаги я делала по четной стороне набережной между Невским проспектом и улицей Ломоносова. Улица моего детства Рубинштейна идет параллельно набережной. По этим двум длинным для меня магистралям я гуляла с няней, которую крепко держала за руку, — у артистки мамы на ребенка времени катастрофически не хватало, ведь в довоенные годы она была занята на репетициях и концертах. В сознательном возрасте знакомство с Фонтанкой продолжилось. Не последнюю роль в этом сыграла школа. Женская школа десятилетка № 218, в которой я провела десять ярких и насыщенных событиями лет, находилась на улице Рубинштейна. Отсюда самостоятельные с раннего возраста школьницы отправлялись по делам.

Дом № 32, — бывший особняк Кушелева-Безбородко, реконструирован знаменитым архитектором Штакеншнейдером. К этому зданию с интересным декором — чего стоят одни только чугунные резные решетки на балконе — примыкает непримечательное в архитектурном отношении здание, в котором когда-то находился районный Дом пионеров и школьников (ДПШ). К моему величайшему изумлению, он и сейчас существует, только называется теперь Дом детского и юношеского творчества «Фонтанка». Когда-то я, второклассница Оля, с нотной папочкой два раза в неделю чинно переходила Невский проспект и шествовала в ДПШ — в кружок фортепиано. Занималась, честно признаться, без всякого удовольствия, исключительно из боязни расстроить родителей. Мама мечтала, чтобы дочь пошла по ее консерваторским стопам. Папа не мог допустить, чтобы дочь опозорила его в глазах педагога, поскольку в роли педагога выступала теща любимого аспиранта профессора. А ребенок дома не занимался вовсе, благо родители отсутствовали, и играл все хуже и хуже. Дело кончилось провалом на выпускном концерте, когда, играя с подругой в четыре руки, дите забыло свою партию басов и просто невпопад ударило кулаком по клавишам.

Под № 34 значится усадьба Шереметевых.

За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,

И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Сын киевского воеводы Шереметева Петра Большого Васильевича, Борис Петрович, сопровождал в походах царя Федора Алексеевича, при восшествии на престол Ивана и Петра в 1682 г. был пожалован в бояре, вел переговоры, а потом воевал против турок, затем шведов, за что получил титул фельдмаршала. Указом Петра в новом zaloженном на берегах Невы граде ему были пожалованы земли под загородную усадьбу на левом берегу Безымянного ерика. К 1719 г. на этих землях были возведены каменное и деревянное строения с мальтийскими крестами на фризах и сделаны ворота для выезда к церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Так возникла усадьба Шереметевых. Хозяина усадьбы, носившего на груди мальтийский крест, современники считали самым культурным и вежливым человеком в России, украшением страны.

Покровитель искусств Шереметев Петр Борисович, начав службу при Петре II, дожил до 1788 года. Он организовывал школы для обучения крепостных, устраивал театральные представления и концерты, а главное, создал певческую капеллу, положившую начало знаменитому Шереметевскому хору. После внезапной смерти жены и дочери он переехал в Москву. Особняк несколько лет сдавался внаем.

Шереметев Николай Петрович вернулся в столицу в 1796 году вместе с женой Прасковьей Ивановной Жемчуговой. Император Павел, восхищенный пением актрисы на первом домашнем концерте в феврале 1797 года, подарил ей свой перстень, а Николай Петрович был назначен обер-гофмейстером. Горячо переживая скорую смерть любимой молодой жены, последовавшей через три недели после рождения сына Димитрия, Николай Петрович уехал в Москву и всецело посвятил себя благотворительности. В память о хозяйке во внутреннем саду усадьбы сегодня стоит розового гранита крест с нежным мраморным профилем молодой женщины: «П. И. Ковалева (Жемчугова), графиня Шереметева».

Сыну его Дмитрию Николаевичу было 6 лет, когда умер в 1809 г. отец, в воспитании мальчика приняла участие вдовствующая императрица Мария Федоровна. Богатый кавалергардский офицер, он поселил в Фонтанном доме художника Ореста Кипренского, который работал над портретом хозяина, а потом и своего приятеля Пушкина. Жена Дмитрия Николаевича, графиня Шереметева, в ранней юности два года прожившая в Париже, где училась музыке у Шопена, приглашала в Фонтанный дом лучших исполнителей. Знаменитая Шереметевская капелла под руководством потомствен-

ного певчего Гавриила Ломакина много лет репетировала и выступала в особом певческом зале дворца. После смерти отца продолжил его дело сначала старший сын Сергей Дмитриевич, а после избрания его предводителем московского дворянства и отъезда в Москву младший — Александр Дмитриевич, который получил блестящее музыкальное образование и сам сочинял музыку.

Сергей Дмитриевич после революции передал ключи от дома в Смольный уполномоченному охраны памятников. 1 июня 1918 г. дворец был объявлен национальным достоянием.

В советские времена национальные достояния использовались не по назначению. Во дворце среди многих учреждений до войны размещался уникальный Дом занимательной науки, а с 1945 года дворец занял научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики, где работали некоторые выпускники моего гидрометеорологического института.

Мои соседи по даче — симпатичная супружеская пара Лев Валерианович и Людмила Николаевна, полярники со стажем, рассказывали о лабораториях, размещенных в дворцовых интерьерах (там был даже ледовый бассейн для испытания прочности ледовых судов!), о строгой пропускной системе в институте. Однажды молодая сотрудница, забыв, что карты, помеченные грифом спецхрана, нельзя выносить, вышла на обед с авоськой, из которой торчали именно эти секретные материалы. Ее увидели из окна коллеги и с ужасом ожидали, что с бедной женщиной сделают охранники на выходе на набережную. Но, к всеобщей радости, она вдруг развернулась и побежала назад, видимо, сообразила.

В этом уважаемом институте готовились и отсюда отправлялись научные экспедиции на покорение сначала Северного полюса (СП), а затем Южного — земли Антарктиды. Людмила Николаевна больше десяти лет выезжала в полугодовые экспедиции в бухты Тикси и Певек, где в любую погоду в периоды навигаций по Северному морскому пути вела наблюдения за гидро- и метеобстановкой. Лев Валерианович был начальником станций СП-15, СП-22, позже — «Русской» и «Молодежной» в Антарктиде. О работе на полюсах мы много слышали и читали, но одно дело — читать, а другое — жить и трудиться по году-полтора в условиях льдов движущихся (на Северном полюсе) или вечных (на Южном полюсе). На такие подвиги способны лишь героические личности.

В последнее десятилетие к дворцу Шереметевых вернулась былая красота и музыкальная слава. Восстановлены парадные залы, в правом флигеле функционирует музей музыкальных инструментов, а в белом зеркальном зале проводятся музыкальные концерты.

Для меня дворец Шереметевых прежде всего дом музыки, так как вот уже несколько лет я держу абонемент на «Музыкальные пятницы барона Штакельберга». Генерал-лейтенант барон Константин Карлович Штакельберг был организатором первого профессионального государственного оркестра и создатель уникальной музейной коллекции музыкальных инструментов, которая является основой нынешней коллекции музея музыки. Он мечтал найти и заставить звучать все существовавшие на Земле редкие, даже самые ранние инструменты, голосов которых никто из современников не слышал. Именно ему принадлежит идея устраивать концерты на тех инструментах, для которых была написана музыка, или на их точных копиях.

Концерты барона проводились в начале XX века, а спустя столетие идея возродилась. На «пятницах» исполняется камерная музыка европейских композиторов XV–XIX столетий или на инструментах старых мастеров из музея, или на их точных копиях. Исполнители цикла – ансамбль старинной музыки «Новая Голландия», известный не только в Петербурге, но и в европейских странах, где старинную музыку любят и откуда приезжают коллеги музыкантов ансамбля поучаствовать в том или ином тематическом вечере-концерте. Профессионалы аутентичного исполнения музыки барокко и классицизма играют на барочных скрипках и виолах да гамба, флейтах траверсо и клавесине, зачастую извлеченных из витрин музея только на время концерта. Солисты ансамбля располагаются нетрадиционно – в центре красивого белого зала, с трех сторон окруженные слушателями. Исполнение каждой вещи предваряется небольшим пояснением: об авторе музыки (Корелли, Куперен, Маре, Рамо, Бибер, Витали...), о содержании (истампита, или ричеркара, или канцона, или соната...), об инструменте (скрипка мастера Страдивари, скрипка композитора Глинки...). Пояснение иногда дает руководитель ансамбля – флейта траверсо и мастер инструментов Павел Андреев, но чаще это делает главный идеолог и скрипка-виола – Юлия Лурье. Юля дочка моей школьной подруги, наверно, поэтому музыкальная карьера ее и друзей-ансамблистов мне близка, восторг слушателей на каждом концерте особенно приятен. А послушайте, как симпатично звучат названия «пятниц»: «Золотой век клавесина», «Музыкант королевских покоев», «Рождение скрипки», «Семь последних слов», «Рождественские вечера»! Музыканты подбирают интересный репертуар и играют вдохновенно, после каждого концерта унося цветы, аплодисменты и благодарность слушателей.

Не подумайте, что в этом зале звучит только старинная музыка. Нет, здесь проводится много разных концертов, а в парадных залах дворца устраиваются временные выставки. Одна из них была приурочена к

восьмидесятилетию Галины Вишневской. В первой комнате воссоздавалась эпоха, в которой жила и набиралась мастерства знаменитая певица: фильм, документы и фотографии в витринах рассказывали о блокадном детстве, учебе, концертной деятельности певицы и ее мужа Мстислава Леопольдовича Ростроповича, об изгнании их из Союза и жизни за рубежом. В центре второго большого зала за стеклом были представлены костюмы оперной дивы из многочисленных спектаклей, сыгранных на сценах театров Европы и Америки. Аида и Кармен, Катерина Измайлова и Татьяна, Тоска и Чио-Чио-сан – платья одно роскошней другого! Осмотр туалетов сопровождался звучанием оперной музыки из многих спетых Вишневской спектаклей: музыка неслась из телевизора, где в течение пары часов демонстрировался фильм, составленный из оперных отрывков.

Я некоторое время практически одна наслаждалась красивым сильным голосом удивительной женщины. Наблюдая на экране ее метаморфозу во времени, вспомнила два случая, когда мне довелось видеть Галину Павловну воочию. Первый раз это было в детстве – на эстрадном концерте, куда меня привела тетушка. Тетя работала администратором Ленинградской областной филармонии, а крашеная блондинка Галочка исполняла легкомысленные песенки. Второй раз все было иначе. Я стояла на Дворцовой площади в стотысячной толпе, а Галина Павловна с высокой трибуны вслед за Собчаком звала народ под знамена демократии. Кажется, это было в 1991-м. Величественная, в черном одеянии, волосы цвета воронова крыла, с горящими глазами и звучным резким голосом, Вишневская казалась олицетворением свободы. Ленинградцы поддержали справедливо озлобленную на советскую власть женщину. Ее призывам громить врагов демократии, ее личных давнишних врагов, лишивших их с мужем советского гражданства и на долгое время изгнавших из страны, аплодировали, наверно, не меньше, чем по окончании спектакля в «Ла Скала» или «Метрополитен-опера». Совершать неординарные поступки – это было в ее стиле, как и в стиле ее мужа. Одним из таких поступков была и покупка в родном городе Ленинграде, теперь уже Санкт Петербурге, части особняка на Кутузовской набережной рядом с истоком Фонтанки. Вишневская и Ростропович там, похоже, не бывали, просто привели апартаменты в порядок и расположили в них часть богатой коллекции предметов искусства, которую собирали в годы изгнания.

Мужа Галины Павловны, великого Растроповича, мне довелось увидеть в последний год его жизни на одном из мероприятий в рамках традиционных «Вечеров в Политехническом». Метко определила Мстислава Леопольдовича

другая героиня того концерта – популярная эстрадная актриса Клара Новикова, когда во втором отделении вышла к зрителям: «Я встретила у входа Ростроповича и поздоровалась с ним, а он так посмотрел на меня, как будто никогда не видел, и кивнул. Конечно, когда он меня мог видеть? Кто я такая для этого небожителя?» Сам небожитель вел себя очень демократично, хохмил, рассказывал про свое тяжелое детство, про сверхподвижную старость. Студенты и преподаватели живо реагировали на забавные рассказы, от души смеялись.

– Я когда услышал, что в Москве началась заварушка, когда увидел сидящих за столом гэкачепистов с трясущимися руками, понял: надо лететь. Позвонил Гале, она была в Лондоне, сказал, что хочу лететь. Она меня не поняла: «Ты с ума сошел, не смей, убьют!» Прямого рейса на Москву не было, я взял билет до Токио через Москву, а в «Домодедово» вышел. Визы российской у меня не было, но так как я без вещей летел, прошел спокойно мимо паспортного контроля – пропустили. Взял такси и в Белый дом, там тоже пустили, к моему удивлению. Что буду делать, не знал, сел на стул, а рядом со мной устроился солдат с ружьем, привалился и заснул. Так нас и сфотографировали. А когда Берлинскую стену разрушили, я понял, что мне надо туда лететь. Позвонил другу, немецкому музыканту, у него свой самолет есть, он мне его дал долететь до Берлина. С собой я почему-то взял виолончель, подошел тогда к разрушенной стене, и так захотелось сыграть. Из соседнего дома принесли табурет, я сел и начал играть что-то, народ собрался, слушали...

Словом, Мстислав Леопольдович был прелесть, неугомонный до последнего дня.

Музыка в усадьбе Шереметевых в начале XX в. связана была с именем графа Александра Дмитриевича, флигель-адъютанта императора Николая II и начальника придворной певческой капеллы. Это он в 1898 г. на свои средства основал хор и оркестр и организовал так называемые общедоступные и бесплатные концерты, которые с 1909 г. стали проходить в зале Дворянского собрания, нынешнем Большом зале Филармонии. Последний концерт был дан 12 февраля 1917 г. «Из родовой аристократии всего мира единственный А. Д. Шереметев держит теперь хор и великолепный оркестр, не извлекая из них личной выгоды» (газета «Новое время», 1909 г.). Умер А. Д. Шереметев в Париже в 1931 г.

Спустя век традицию общедоступных концертов продолжил дирижер Николай Корнев, по инициативе которого и при финансовой поддержке таких богатых организаций, как торговый дом «Северо-Запад Ойл», в Филармонии с 2004 года каждый сезон стали проводиться подобные концерты.

Дешевые билеты стоимостью пять-десять рублей (смешные цены!) не продаются, а распространяются в музыкальных обществах или централизованно в Доме Кочневой. За час до начала концерта культурный народ, преимущественно старшего возраста, выстраивается в очередь к администратору и получает оставшиеся билеты.

Надо сказать, что общедоступные концерты в наш меркантильный век пользуются популярностью не только из-за финансовой доступности. Партер, ложи, диванчики и хоры заполняют слушатели — большие ценители духовной музыки, ведь каждый концерт включает, как правило, оратории, кантаты или реквиемы в исполнении Государственного симфонического оркестра и Петербургского камерного хора, которыми уже тридцать лет руководит Корнев. Невероятно плодовитый, если так можно сказать о дирижере, он имеет в багаже более 350 концертных программ, музыка каждый раз выбирается редко исполняемая, но обязательно эмоциональная, не оставляющая слушателей равнодушными. Чего стоила, например, оратория Шумана «Рай и Пери» («Как сладостно духам в садах Эдема вдыхать аромат вечно юных цветов!»). Или оратория Антона Рубинштейна «Потерянный рай», где голосу сатаны: «Все будет разрушено невидимо и неслышно, и помощь ада поведет вас через необъятные просторы» отвечают мятежники: «Для нас небо непобедимо, поэтому целью и наградой борьбы будет мир, который бог сейчас создает и которому хочет придать божественную сущность». Музыкальные сольные и хоровые партии полны страстей, то лирических, то взволнованно бурных, певцы у Корнева обладают красивыми сильными голосами, особенно хороша непременная сопрано Наталия Корнева, видимо жена дирижера. На концерте народ заряжается положительной энергией и выходит, переживая только что услышанное и обсуждая программу следующего вечера, которую сообщает перед началом лектор — комментирующий программу профессор Федосеев.

Но вернемся в Шереметевский дворец. Рассказ о нем немыслим без рассказа об Анне Андреевне Ахматовой, прожившей в Фонтанном доме (внутреннем флигеле дворца) с 1924 по 1952 годы.

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в дому твоём живу.

Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?
Шереметевские липы...
Перекличка домовых...

Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко приникает
Черный шепоток беды —

И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
«Ты уюта захотела,
Знаешь, где он — твой уют?»

1936

Комнаты, где жила Анна Андреевна, в 1989 году превращены в музей, который стал базой для целого культурно-просветительного комплекса. В Фонтанном доме кипит культурная жизнь: выставки художников, встречи с творческими людьми, памятные вечера, концерты современной музыки, рождественские вечера... Вокруг Музея Ахматовой собираются не только любители творчества великих русских поэтов (да простит меня любимый Пушкин!), но вообще культурная элита Петербурга.

Я тоже не раз присутствовала на интересных мероприятиях. Многие из них привлекают почитателей творчества Иосифа Бродского, который входил в молодое поэтическое окружение Мастера. Встреча с Евгением Рейном, поэтом, другом Бродского и тоже птенцом из гнезда Анны Андреевны, произвела неоднозначное впечатление. С одной стороны — уважение к автору отличных стихов, с другой стороны — ностальгия по пересекающимся годам юности, а в целом — неприятие снобистского поведения поэта во время встречи со слушателями. Будто он, нынешний москвич, забыл все хорошее, что связано с большим куском его жизни в Ленинграде, даже сидящие в зале его приятельницы не удостоились поэтической улыбки.

Совсем другие эмоции я испытала, когда пришлось пройти по залам музея в первый день выставки памяти Булата Окуджавы. Устроители постарались создать настроение, которое всегда вызывают добрые и умные стихи поэта.

Давайте говорить друг другу комплименты,
Ведь это все любви счастливые моменты.
Давайте понимать друг друга с полуслова,
Чтоб ошибившись раз, не ошибиться снова.

Чувствовалось, что организаторы выставки обладали большим вкусом, выставка делалась с любовью, о чем рассказала сопровождавшая нас директор музея. На стенах были развешаны фотографии Окуджавы и его друзей,

с экрана телевизора звучали песни, записанные на одном из концертов. Но самым интересным мне показался длинный деревянный стол в центре зала, имитирующий стол грузинского застолья (я на таких застольях не раз бывала в Грузии с бутылками вина и нехитрыми закусками, расставленными в произвольном порядке между раскиданных старых фотографий барда. У выхода из зала на экране телевизора шли кадры многочасовой церемонии прощания с Булатом Шалвовичем, снятые друзьями с одной точки. Люди подходили к гробу, скорбно смотрели, рукой касались гроба, плакали, отходили, и так один за другим, часов пять. Невозможно было покинуть залы, не простившись с поэтом, а после выхода из музея долго было невозможно забыть увиденное и услышанное.

«Белая ночь 24 июня 1942 года. Город в развалинах. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но, в общем тихо.

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен,
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.

1941

Поэма без героя. Эпилог

Дом № 36 — бывший Итальянский дворец, который в 1711 г. заложил Петр для дочери Анны (отсюда Итальянская улица). Дворцовый сад тянулся до Лиговки, остатки его сохранились у Мариинской (бывшей Куйбышевской) больницы и за магазином подписных изданий, что на Литейном проспекте. Дворец пустовал, ветшал и в 1804–1807 гг. был перестроен по проекту архитектора Кваренги для женского Екатерининского института, предназначенного для девушек из незнатных, но дворянских семей.

В первые послевоенные годы мы шествовали всем классом давать концерты перед ранеными в госпиталь, который находился в этом огромном здании. Тяжелораненые лежали в кроватях, а мы ходили по палатам, по очереди вставали в центр и читали стихи, пели или разыгрывали сценки из пьесы «Тимур и его команда». Так как школа наша была женская, всех мальчишек: и Тимура, и Колю Колокольчикова, и хулигана Мишку Квакина и даже дедушку изображали девчонки. Актёрки, в кепочках и чьих-то больших подвязанных тесемками брючатах, глядя друг на друга, едва сдерживали смех. Зрители бурно аплодировали, у некоторых пожилых раненых на глазах блестели слезы, наверно, мы напоминали им собственных детей. Успех был полнейший! Много лет назад в это здание перевели некоторые отделы Публичной библиотеки, студенческие и журнальные залы, теперь здесь центр консервации библиотечных фондов.

Дом № 40. Во дворе этого «литературного дома», принадлежащего купцу Лопатину, квартировали многие литераторы. И. И. Панаев жил с женой А. Я. Панаевой (без Некрасова). Тургенев в 1854–1856 годах снимал квартиру в этом доме, Лев Николаевич Толстой останавливался у него, когда приезжал в Петербург, а потом на несколько месяцев зимой 1855/6 года поселился в соседнем доме № 38. Маленькую квартиру из двух комнаток по черной лестнице с 1842 по 1846 годы занимал Белинский. Эта квартира выходила окнами на конюшни и навозные кучи. «Неистовый Виссарион занимает невеселые довольно сырые комнаты» — писал Тургенев. Удобством для слабого здоровьем критика была близость аптеки, правда, на противоположном берегу Фонтанки: на лекарства он тратил почти все деньги. В сырой квартире этого дома жил Добролюбов.

Для меня дом № 40, стоящий на углу набережной Фонтанки и Невского проспекта, знаменателен по нескольким причинам.

В этом здании, разрушенном бомбой и перестроенном после войны, находился районный совет депутатов трудящихся Куйбышевского района. Здесь я в деловой обстановке районного загса вступила в законный брак. Еще не было дворцов бракосочетаний, они появились позже, и записывали брачующихся, хоть юных, хоть старых, через неделю после подачи заявлений. Единственным запоминающимся моментом не очень торжественного действа был процесс выполнения советов подружки невесты, вышедшей замуж за несколько месяцев до того: «Олька, ты должна первой перешагнуть порог загса, наступить на ногу жениху и стащить ручку, которой распишетесь». Так 22-летняя невеста и сделала.

В глубине узкого ленинградского двора-колодца дома № 40, где гробил здоровье бедняга Белинский, располагалась детская поликлиника, к которой

были приписаны дети ближайшего микрорайона. После рождения дочки почти ежедневно по набережной Фонтанки из дома № 54 через Невский проспект мы ездили с коляской в эту поликлинику. Приятных воспоминаний прогулки в поликлинику у молодой мамы не оставили.

И, наконец, угловой этот дом пользовался известностью у молодежи, тусовавшейся на Невском, или, как раньше говорили, прогуливавшейся по Броду. Ленинградский Бродвей занимал кусок четной стороны Невского от угла Литейного до Московского вокзала. На этом длинном пути единственным местом, где можно было удовлетворить одну из главных естественных потребностей, а именно сделать пи-пи, были туалеты напротив коней Клодта. Думаю, что находились они тут сотню лет и в отличие от туалетов на Малой Садовой, где сновали подозрительные дамочки и шла бойкая торговля ширпотребом, пользовались приличной репутацией. В туалетах у Аничкова всегда был аншлаг.

Много лет в этом большом здании располагалась налоговая служба — учреждение серьезное учреждение, с таким шуточки плохи. Одна из моих приятельниц несколько месяцев доказывала инспекторам, что машина, разбитая и брошенная ее сыном лет пятнадцать назад, не должна облагаться налогом. Другая перед отъездом из страны на постоянное место жительства в другую собирала в инспекцию кучу справок, удостоверяющих, что у нее нет никакой собственности в виде земли, дома или дачи, которую бы она увозила с собой. Тоже нешуточное дело. В прошлом году налоговая служба переехала в современное здание на Лермонтовском проспекте, которое построил инвестор, пожелавший устроить в доме на Невском, 68 гостиницу. Сейчас в этом здании ведутся ремонтные работы.

Со стороны набережной в доме множатся бары и кафе. Самое забавное, что в помещениях подвального этажа, где были знаменитые общественные туалеты, открылись заведения общественного питания, то есть эвакуацию пищи заменил прием пищи. И как, вы думаете, называли ресторанчик на месте «М»? «ЛЕНИН@жив!» Pub-Restaurant. Предлагаются уютная обстановка, пиво разных стран мира, европейская кухня и трансляция спортивных передач. Ну что ж, каждому времени свое! Например, в пятидесятых годах при переезде Гидрометеорологического института в здание юридического факультета Ленинградского госуниверситета в одном большом красивом туалете сделали кабинет генерала, начальника военной кафедры. Тоже неплохо!

Правый берег Фонтанки от моста Белинского до Невского проспекта застроен особняками. Близость Невского определяет использование первых и полуподвальных этажей этих разных по возрасту и значимости зданий в качестве ресторанчиков и модных салонов. Но обо всем по порядку.

Дом № 7 принадлежал известной меценатке – миллионерше графине Паниной, активному члену ЦК партии кадетов, товарищу (заместителю) министра во Временном правительстве Керенского. В доме часто устраивались музыкальные вечера, пел Шаляпин. Сама Панина жила на Сергиевской улице (Чайковского), а после ее эмиграции в доме помещались Дом работников печати, Дом обороны, Камерная филармония.

Дом № 11: в квартире на третьем этаже в 1900–1904 гг. находилась редакция журнала «Мир искусства», центр художественного объединения, куда входили Серов, Врубель, Нестеров, Рерих, Головин, А. Н. Бенуа, Сомов, Добужинский и ряд других выдающихся художников. Этажом выше, как значится на мемориальной доске, «с 1900 по 1906 годы жил и работал выдающийся деятель русской культуры Сергей Павлович Дягилев».

В доме № 15, построенном в стиле пролеткульта, сегодня расположились Русский христианский гуманитарный институт (ныне Русская христианская гуманитарная академия). В период возрождения в России интереса (пусть даже внешнего – дань моде) к религии, особенно к христианству, в первую очередь – к православию, появление подобных институтов вполне объяснимо. Так же, как объяснима и небывалая скорость смены идолов у деятелей большевистского движения. Нравственные ценности вроде бы одни: не убий, не укради, не возжелай, не... А где демонстрировать народу приверженность ценностям – в божьем (церковь) или большевистском (обком, ЦК) храме, какая разница? Наверно, поэтому и возникает у некоторых современных нуворишей желание прилюдно осенять себя крестом, молиться, целовать руки посредникам Всевышнего – смотрите, мол, на меня и поступайте так же. Метко охарактеризовал подобных «деятелей» Михаил Сергеевич Горбачев – «подсвечники». Хорошо бы, чтобы от призывов следовать общечеловеческим ценностям (бог у каждого должен жить в душе!) перешли бы эти деятели к действиям во благо не только свое. От де-юре к де-факто!

В доме № 19 – на углу Итальянской улицы, где пять лет в собственной квартире жил Чайковский, – сегодня первый этаж занимает арт-центр «Валенсия», один из множества художественных салонов, появившихся на набережной в последнее время. В салон с уклоном к Гименею, что в соседнем доме по Итальянской, как-то вошли мы – бабушка, дочка и внучка.

– Вам свадебное платье? – менеджер по продажам, а по-старому – продавщица, обратилась к компании. – Для стройной девушки у нас есть интересные образцы. Смотрите, брюссельские кружева, в меру открыто.

– Нет, нам не юной особе.

– Ну, для молодой женщины к рыжей головке могу предложить экстравагантный наряд. И чудную шляпку в придачу. Не пожалеете.

— Извините, но нам нужен головной убор на золотую свадьбу для дамы солидного возраста.

— О, простите! Девочки, не улыбайтесь, на золотой свадьбе вот с этими цветочками на головке Вы, мадам, будете неотразимы.

Она оказалась права. В парикмахерской элегантные гирлянды с белыми цветочками мне удачно встроили в прическу, которая хорошо сочеталась с золотистой блузкой. На завтра мадам, то бишь я, поразила гостей на собственной золотой свадьбе. Так что художественные салоны у нас не хуже европейских!

«Тысяча девятьсот шестого года ноября 15 дня Санкт-Петербургская городская управа заключила сей контракт с крестьянкой Наталией Михайловной Шадринной в том, что отдала ей, Шадринной, в арендное содержание место на реке Фонтанке между Симеоновским мостом и Итальянскою улицею, Спасской части, для устройства катка для катания на льду на коньках, сроком на три зимы 1906/7, 1907/8, 1908/9 гг. из платежа в доход города по одной тысяче ста руб. (1100 руб.) за каждую зиму» («Известия СПб городской Думы», № 47, 1906 г.).

Дом № 21. Место на углу Итальянской пустовало до 1795 г., когда по проекту Кваренги был построен особняк, ставший собственностью вельможи Нарышкина, в начале 1820 г. к нему пристроили корпус с белоколонным залом на втором этаже. В 1840 г. дворец перешел к дочери Нарышкина, по мужу Шуваловой. Фасад здания был несколько перестроен. Появилась парадная лестница с колоннадами на втором этаже, красная, синяя и золотая гостиные, рыцарский зал с рельефными изображениями сцен рыцарских турниров. В 1918 г. дворец был национализирован и превращен в музей быта, который просуществовал до 1923 г.

Дворец пострадал во время войны, был восстановлен и реставрирован. Дом дружбы и мира с народами зарубежных стран до последних лет отвечал своему главному предназначению развитием дружеских отношений с многочисленными народами и странами, населяющими землю. Каких только мероприятий здесь не проводилось: языковых (кружки, клубы и встречи), музыкальных, информационных и всяких разных! Моя подруга несколько лет ходила в итальянский клуб, а потом — так ей понравилась — и в английский. Помню, у меня было приглашение посетить во дворце Праздник чая. Все помещения были отданы чаю — презентации, дегустации, концерты, лекции... Общее впечатление: шум, музыка, толпы сытых и «начаяных» (не отчаянных!) посетителей. Всесоюзный НИИ гидротехники, где я тружусь, проводил однажды в этом дворце Всесоюзное совещание по энергетике — с докладами, семинарами нескольких секций, кофе-брейками, банкетами, концертами.

Четко организованное мероприятие проходило в красивейших залах, многие его участники до сих пор вспоминают подробности. Жаль, что ныне Дом дружбы оттуда выселен, а новый хозяин задумал серьезную реставрацию, которой не видно конца.

Здание под № 23 принадлежало семейству Абазы – русского дворянского рода молдавского происхождения. Художественный салон Юлии Абазы посещали Чайковский и Рубинштейн.

В доме № 25 второй этаж заняла приехавшая из Москвы с большой семьей попечителя московского Университета Е. Ф. Муравьева. В третьем (верхнем) этаже в 1816 г. поселился литератор и ученый Николай Михайлович Карамзин. Он приехал в Петербург, чтобы испросить санкцию императора Александра I на издание первых восьми томов «Истории Государства Российского». Царь наградил историка орденом св. Анны и выдал 60 тысяч на издание. В 1818 г. тома вышли большим тиражом – 3000 экз. и были распроданы за 25 дней (петербургская цена была 50 руб. за восемь томов в обыкновенном переплете, в Москве продавали за 58, в провинции и того дороже). Карамзин жил здесь до 1823 г., освободил квартиру для сына хозяйки Никиты, который собирался жениться. Никита работал здесь над программой Северного общества декабристов, названной им «Конституцией», которая была менее радикальна, чем конституция Пестеля (Южное общество). Дом Муравьевых стал центром декабристского движения. После поражения восстания и ссылки сыновей Муравьева продала дом и переехала в Москву.

Дом № 29/66 на углу Невского проспекта несколько раз перестраивался. Сегодняшний облик приобрел после перестройки в 1878 году для сдачи квартир в наем. В угловой части дома на втором этаже находилась знаменитая аптека, потом ее перенесли на первый. В эту аптеку частенько заходил за лекарствами нездоровый Белинский, а живущие в центре представители поколения моих родителей, мои сверстники, наши дети считали аптеку у Аничкова чем-то незыблемым – как Зимний, или Адмиралтейство, или Медный всадник. Она не только радовала граждан интерьерами и вежливостью провизоров, но и поддерживала их здоровье. Правда, тогда аптек в каждом доме не было, они не конкурировали друг с другом. Эта являлась главной и единственной на этой половине Невского проспекта – от Садовой улицы до Восстания. Главной на другой половине была аптека на углу улицы Конюшенной.

И вот, к изумлению ленинградцев-петербуржцев, недавно в Аничковой аптеке появился ресторан суши – явление новое в Северной столице, далекой от японских островов. Они вывесили воззвание: «Требуются сушисты со

знанием языков народов Юго-Восточной Азии!» У нас средний возраст вкушающих суши и роллы – девятнадцать с половиной лет, их в процентном отношении меньше, чем пользователей аптеки в возрасте от нуля до ста лет. Сушисты, правда, могут возразить, что аптеки в городе растут как грибы. Их оппоненты резонно ответят: «Зачем уничтожать аптечных долгожителей, занесенных в Красную книгу Северной столицы? Чем они вам помешали?» Резюме: да поможет Аничкова аптека им в деле освоения суши! ШЕЛ САША ПО ШОССЕ, СОСАЛ САША СУШИ!

Интересно, какой модный салон (магазин, ресторан...) займет и так уже усеченное помещение «Книжной лавки писателей» в доме № 29/66? Тоже ведь анахронизм (для некоторых)!

Целое десятилетие после войны мои родители приносили из «Лавки писателей» пакеты, перевязанные бечевкой: мама в двух руках, папа – в одной. Единственной. Утраченная в годы блокады профессорская библиотека восстанавливалась с помощью директора этого богоугодного заведения, одного из папиных пациентов. Дома пакеты развязывались, оттуда извлекались книги по медицине, искусству, подписные издания, детские книги, детективы... Несметное богатство того времени! Мама читала больше всех, папа – только новинки медицины, я не успевала даже просматривать такое количество книгопечатной продукции. Друзья дома брали ненадолго – кто что, но подчас забывали отдавать.

Я уверена, что близость «Книжной лавки писателей» явилась причиной серьезного увлечения книгами одной из моих ближайших школьных подруг Нонночки, много лет проживавшей на последнем этаже этого дома. Дом, как и практически весь жилой фонд Ленинграда, состоял из коммунальных квартир. Подруга с больной мамой занимала комнату в большой коммунальной квартире, где еще две комнаты занимали их родственники. В одной жила с мамой двоюродная сестра Нонны – Кира, изящная милая девушка, отец которой, генерал Красной Армии, в 1937 году был расстрелян. Отец второй их сестры Маечки, тоже очаровательного нежного создания, принимал участие в строительстве «Большого дома» в Ленинграде, а позже был комендантом Кремля.

В одной из комнат коммунальной квартиры с несколькими собачками жила мужеподобная Софья Николаевна – с грубым голосом и темными усами. Сразу после войны она завезла из Германии очаровательного фоксика, развела в Ленинграде эту породу и возглавила городской клуб фокстерьеров. С любимым ее песиком Мунькой мы старались в коридоре не встречаться, уж очень он был голосистый. В ближайшей от входной двери комнате жила пара эстрадных артистов: жена выступала в разговорном жанре, а муж, помнится,

играл на гавайской гитаре. В пятидесятые годы музыкальный инструмент с сочным, чуть дребезжащим звуком был популярен, в наши дни его заменили электрогитары. Ноннина квартира всегда была полна звуков, особенно, если приходила еще и наша веселая компания одноклассниц. Надо заметить, что все жильцы пережили блокаду и мирно соседствовали в первоначальном, даже в увеличенном за счет молодых мужей составе до самого расселения в семидесятые годы.

Нонна, по натуре просветитель, после окончания библиотечного института поступила на работу в скромную библиотеку и вскоре сделала ее не только центром притяжения населения соседних микрорайонов, но и форпостом культуры, известным далеко за их пределами. Когда бы я ни приходила к подруге поменять книгу или просто поболтать на животрепещущие темы, она сидела в окружении читателей, больше читательниц, солидного возраста. Пенсионеры любовно обращались: «Нонночка, к Вам поступил журнал с ...?» или «Вы приобрели уже книгу ...?». Звучали названия популярных, пользующихся невероятным спросом журналов «Новый мир» или «Октябрь», фамилии авторов-«шестидесятников», издающихся официально. Вопросы, касавшиеся самиздатовских книг, задавались, естественно, шепотом.

Тяга к печатному слову росла тогда в геометрической прогрессии, а Нонна всегда была в курсе новых поступлений, могла пару слов сказать и о новых именах. Она просматривала публикации от корки до корки, самые интересные прочитывала, после чего создавала читательскую очередь, но особо близким и быстро читающим можно было надеяться на получение «по благу». На встречах в тесной библиотеке рассаживались на самостоятельно расставленных стульях, читали стихи, обсуждали новинки литературы. Иногда Нонна приглашала в библиотеку друзей поэтов, а одного из них — молодого, талантливого худого Шурали она особенно опекала и подкармливала. Вечера бардовской песни проходили не только в домах культуры, клубах и библиотеках, но и в частных домах. В нашей квартире не без участия подруги звучали магнитофонные записи всех самодельных авторов. На эти вечера Нонна приходила с мужем, большим поклонником авторской песни. Мы самозабвенно слушали не всегда хорошего качества пленки, внимали, подпевали, повторяли, заучивали, чтобы потом пропеть кое-что хором и соло, у костра и на кухне.

Да, отличное было время, и Нонночка всегда находилась в центре событий, легко и естественно несла знамя просветительства. В последние десятилетия, когда заглох интерес к духовной жизни, уступив место интересу к материальным благам, она сникла, почувствовала себя на обочине большой

дороги. Именно в эти тяжелые годы судьба занесла мою подругу в Берлин, где она живет вблизи детей и внуков. И там опять...

— Недавно меня просил Александр Городницкий, с которым мы были когда-то знакомы, помочь распространить его книгу воспоминаний о Ленинграде среди русскоязычных берлинцев. Интерес к мемуарной литературе сейчас вырос, я ему обещала, но для начала попросила прислать пару экземпляров бесплатно, чтобы ознакомить людей. Вдруг не понравится? Он обещал, но пока не прислал. Жду.

Ленинградское землячество устраивало вечер ко Дню снятия блокады. Нонну пригласили принять посильное участие в написании сценария. Люди оказались симпатичные, было человек тридцать-сорок, вечер получился прекрасный, такой домашний, уютный. С тех пор собираются регулярно, примерно раз в месяц, подруга отвечает за программу — ну не одна, естественно, помогает глава сообщества и активисты. Когда темой встречи были «Прогулки по Невскому проспекту», каждый подготовил рассказ о каком-нибудь доме: его история, архитектура, то, что было в нем, что в соседних... Подруга рассказывала о своем доме № 66, историю «Книжной лавки писателей» и немного об Аничковом дворце, который стоит как раз напротив. Уходить никто не хотел.

— Мне стало интересно жить. Хочется что-то придумать, удивить народ, рассказать о том, чего не знают, или напомнить о давно забытом. Я тебе показывала в Берлине район, где в двадцатые годы жили эмигранты Серебряного века? Помнишь улицы, по которым ходили Цветаева и Ходасевич, Эренбург и Иванов? Мечтаю сделать вечер о них, почитать стихи. Встречи можно проводить не только в помещении. Знаешь, какие замечательные прогулки мы совершаем по каналам Берлина или по озерам и рекам Потсдама! Почти как по Фонтанке. Слушай, а не сделать ли Фонтанку и Шпрее реками-побратимами?

— Вот я закончу свой труд о Фонтанке, устрою у вас презентацию, тогда и выступим с инициативой.

— А что? Мысль интересная!

*Первый деревянный мост через Фонтанку по приказу Петра в створе нынешней Итальянской улицы перекинул в 1713 г. рабочий батальон подполковника Аничкова. Мост вскоре обветшал и был перестроен в 1726 г. рядом на «Перспективной дороге» (как тогда назывался Невский проспект). **Аничков** деревянный мост пропускал только одну подводу, в 1782–1787 гг. был заменен на каменный в три пролета, средний из которых поднимался. В связи с усилившимся движением*

по Невскому проспекту мост капитально перестроен в 1839–1841 гг., расширен, огражден чугунной художественной решеткой и украшен скульптурами Клодта. Петр Карлович Клодт закончил артиллерийское училище, но вскоре его увлекло искусство ваяния, и он поступил в Академию художеств. Кони были его страстью, он наблюдал за ними повсюду и лепил их в разных позах. Два изваяния «Конь с возничим» были высоко оценены Академией и рекомендованы для украшения Аничкова моста. На торжественном открытии моста 22 ноября 1841 г. довольный император Николай I хлопнул по плечу скульптора со словами: «Ну, Клодт, ты лошадей делаешь лучше, чем жеребец!»

Будучи на экскурсии в Неаполе, я вздрогнула, увидев на набережной залива наших клодтовских коней. Что они здесь делают? Неужели кто-то так удачно скопировал фигуры?! Нет. Скульптурные группы имели такой успех, что в этом же 1841 году две группы коней были подарены прусскому королю, а две подарены в Неаполь. Только в 1850 году Клодт отлил те группы коней с укротителями, которые стоят и поныне на Аничковом мосту.

Судьба была безжалостна к этому доброму и бескорыстному человеку, он все свои доходы раздавал неимущим и постоянно бедствовал. После смерти среди его вещей с трудом отыскали 50 рублей.

Аничков мост со скульптурами вздыбленных укрощаемых коней один из самых красивых не только в Петербурге. Для меня и мост, и кони — это что-то родное, привычное и незыблемое с раннего детства. Группы убрали надолго только в годы войны, зарыли в саду Дворца пионеров. Когда не так давно коней по одному снимали на реставрацию (или помывку), показалось, что город опустел, случилось что-то непоправимое. Хорошо, что они вскоре вернулись. Не из-за этих ли замечательных животных я в юности полюбила верховую езду и несколько лет общалась с умными и благородными лошадами? Лишь серьезное падение с одной ни в чем не повинной кобылки, споткнувшейся на неровном покрытии, прекратило нашу дружбу.

А как удобно было встречаться на Аничковом мосту с девчонками или позже назначать свидания у их копыт юношам! Кстати, одна из наших бесшабашных школьниц сиганула с коня в речку, вытащили ее милиционеры.

Когда с 2000 года в Петербурге в последний выходной мая стали проводиться карнавалы — подарок городу на его день рождения, мы с двумя институтскими подругами ежегодно встречались в 14 часов у бронзового коня, что на солнечной стороне Невского — у бывшего райсовета. В течение часа мы стояли в шеренге таких же любопытных горожан, любовались красивыми колоннами, облаченными в маскарадные костюмы людьми, слушали марши сопровождающих их оркестров. И каждый раз отмечали, как хороши наши

длинноногие девушки в высоких сапогах, с полуобнаженными бюстами и развевающимися на ветру волосами. Кого бы красавицы не представляли — петровских фрейлин, кавалерист-девиц или сказочных балерин, — они завораживали нас, низкорослых представительниц военного поколения, казались пришельцами из другого мира, раскрепощенного и свободного. Наверно, так и есть. Мужская часть праздничных колонн, худосочная и не столь привлекательная, явно проигрывала современным валькириям.

Гламурные журналы, заполонившие сегодня прилавки газетных киосков, учат девушек ухаживать за своим лицом и телом. Не без воздействия масс-медиа в современном обществе выделился определенный тип высоких худосочных блондинок с длинными ногами и ухоженными волосами. Если на телевизионном экране вижу героиню фильма — маленькую полную брюнетку с ямочками, удивляюсь: как она затесалась здесь? Требуются исключительно рост 180 и 90–60–90! Смотрится здорово! Вот бы на каждого из коней на Аничковом мосту да посадить по гламурной красавице! А остальные пусть ждут своей очереди.

Дом № 42 на углу набережной и Невского проспекта был приобретен в 1797 г. князем Александром Михайловичем Белосельским-Белозерским, потомком Владимира Мономаха, почетным членом Академии наук, Академии художеств и действительным членом Российской Академии. В начале 1800 г. князь заказал перестроить принадлежащий ему дворец архитектору Тома де Томону.

Дочь князя, по мужу Зинаида Волконская, была известной просветительницей и одной из подруг Пушкина. Брат Зинаиды, Эспер Александрович, участвовал в Турецкой войне, умер во время эпидемии тифа в 1846 г., инспектируя больных рабочих Октябрьской железной дороги. Владелицей дворца стала его жена, обер-гофмейстерина императрицы, княгиня Елена Павловна, падчерица Бенкендорфа. После смерти князя Эспера по ее настоянию дворец был перестроен знаменитым петербургским архитектором Штакеншнейдером. В роскошной зале, украшенной щегольской мебелью и цветами, проводились благотворительные спектакли в пользу школ Женского Патриотического общества. Главная заслуга ее сына, князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского, выдающегося спортсмена и генерал-адъютанта в свите Его Величества Николая II, в том, что он сохранял великолепную коллекцию гравюр и картин, собранную предками, и предоставлял ее для знакомства широкой публике.

Это история давняя, а во времена моей юности во дворце Белосельских-Белозерских располагались комитеты КПСС и ВЛКСМ Куйбышевского района.

В одном из них был отмечен очередной этап взросления: нас, первую группу семиклассниц средней женской школы № 218 в торжественной обстановке принимали в комсомол. Со мной, правда, произошел досадный казус. Во время собеседования с секретарями райкома я зарыдала и не ответила ни на один их вопрос, даже на самый простейший: ни кто секретарь Ленинградского обкома, ни где я буду носить комсомольский билет. Комсомольские вожди сами чуть не в слезах от жалости давали напутствие юной плаксе, а плаксу тем же вечером увезли по «скорой» в больницу и вырезали полный гноя аппендикс.

В Зеркальном зале дворца часто проходили концерты для партийного и комсомольского актива. Меня туда несколько раз приводил дядя Миша, друг семьи, который обычно вел программу и заполнял паузы — не только веселыми репризами, но и отличной игрой на саксофоне. В антракте я сидела за кулисами и наблюдала артистов, при звуке третьего звонка выходила сбоку в зал и садилась на приставной стул.

Несколько десятилетий я не посещала дворец, не было надобности. Свое политическое значение он утратил, но в Зеркальном зале, который открыли для широкой публики, дают симфонические концерты. Меня симфоническую музыку в этот зал ну никак не тянет слушать. Не нравится акустика с провалами звука в центре зала, расстояния между рядами маленькие, кажется, что кресла наклонены назад, не хватает воздуха, давит что-то. Это как в Англии: есть клуб, который британец посещает, а есть клуб, который он игнорирует. Словом, не то!

В последнее десятилетие во дворце к прочим просветительским объектам прибавился Музей становления демократии в современной России имени Собчака. Музей вырос из выставки о жизни и деятельности первого мэра города Санкт-Петербурга Анатолия Александровича Собчака, которая была организована сразу же после его смерти. К Собчаку я относилась с пиететом: он в первые годы демократических преобразований в СССР показал себя незаурядным политиком, а в голодном Ленинграде конца восьмидесятых, стремясь наладить нормальную жизнь, принимал смелые решения. Не забуду его пламенную речь на митинге на Дворцовой площади в 1991 году, другие не менее яркие выступления в критические моменты истории по Пятому каналу телевидения. Все, что происходило потом и с Собчаком, и с демократическим движением в городе и стране, в том числе сворачивание первых достижений, обрастание лидеров прилипами и хапугами, было неприятно, но, пожалуй, это типично для любой демократии.

Как трудно было Собчаку в сложившейся обстановке, я поняла случайно в день выборов мэра в 1996 году. Анатолий Александрович жил в доме № 31 по набережной реки Мойки, мимо которого я ходила два раза в день к

больной сестре в дом № 55. За пару дней до выборов состоялись теледебаты между действующим мэром и его заместителем и конкурентом Владимиром Яковлевым. Яковлев обвинял шефа во всех грехах (будто его самого рядом в эти годы не было). Собчак к такому предательству не был готов, отвечал «сам дурак», в результате оба выглядели гнусно. Зрители, сочувствующие ранее уважаемому доктору юридических наук, были разочарованы, что сказалось на небольшом перевесе голосов в пользу нахального прораба. Отдав свой голос Собчаку, я разочарованная и расстроенная медленно брела к сестре. У дома № 31 остановилась легковая машина, из нее вслед за двумя амбалами охранниками согнувшись, надвинув головной убор по самые глаза, быстрым шагом к своей парадной пробежал Собчак. Перед дверью он зыркнул влево и вправо, после чего быстро скрылся. Только тут я осознала, на какую жизнь он обрек себя в последний год, вспомнила грязные слухи о взятках, приписках, покупках квартир им и его окружением, постоянную слезку за каждым шагом, травлю со стороны московской власти. Стало жалко некогда смелого политика, раздавленного чужой и собственной властью. Вот так, наверно, любой самый честный человек у властного пирога моментально оттесняется от порядочных, окружается сволочами и становится их добычей.

Печален был конец мэра — больница, бегство из страны, возвращение, внезапная смерть. Когда по телевизору в вечерних новостях 19 февраля 1999 года передали сообщение о смерти Анатолия Александровича, моим первым желанием было пойти к его дому и постоять там. Видимо, я была не одинока в своем желании: к темному дому с открытой парадной дверью подходили прохожие и молча брали последние книжки, написанные Собчаком (их выносили из дома). В книгах подробно рассказывалось о вовсе не счастливом времени правления первого санкт-петербургского мэра. Прощание с ним бывших ленинградцев, а теперь его усилиями — петербуржцев, проходило в Таврическом дворце. Длинная, по периметру дворца растянувшаяся на несколько часов очередь была свидетельством выражения искренних теплых чувств.

У гроба сидели жена и скромная школьница, дочь мэра. Сегодня, когда я вижу, что стало с этой девицей, мне кажется, что я понимаю, что двигало и продолжает двигать ею. Тогда, у гроба отца, она подобно графу Монте Кристо поклялась отомстить всему свету за последние годы травли отца и его подозрительную смерть, больше похожую на убийство. Честолюбивый человек, Ксения решила на новом витке российской истории стать властителем дум, лидером молодого поколения. Она заставит их подражать ей, человеку с сильным характером! Собчак — будет звучать гордо! Но не поднимать их до себя, умной, — не дождутся! Наоборот, эпатируя, опустить их, серых, до пояса и ниже. Пусть знают наших!

Участок дома № 44 в 1718 году был подарен Петром I Александро-Невскому монастырю (будущей Лавре), возникший здесь дом был, видимо, первым домом на берегу ерика, позже он перешел к Троице-Сергиевскому монастырю. Рядом размещалось подворье с общежитием для монахов, сам монастырь находился в Стрельне. За подворьем в первые десятилетия XVIII века шумел лес, клацали зубами и накидывались на людей голодные волки! Бррр!. Лесная тропинка застраивалась домами и постепенно превратилась в улицу, которую по названию монастыря окрестили Троицкой. И только в 1929 году в связи со столетием рождения композитора Антона Григорьевича Рубинштейна, жившего несколько лет на Троицкой, улица была переименована.

Рядом с монастырским подворьем во время правления Анны Иоанновны участок земли был выпрошен Бироном, братом всесильного временщика, но после воцарения на троне Елизаветы усадьба была у Бирона отобрана и подарена духовнику императрицы Василию Дубянскому, умному и хитрому царедворцу, отличавшемуся среди белого духовенства редкой ученостью. С 1742 г. дом под № 46 находился во владении семьи Дубянских-Зиновьевых. Сестра Дубянского, фрейлина Екатерины II, породнилась с представителем знатного рода Зиновьевых – камергером Василием Николаевичем, просветителем и путешественником. Сын Василия Николаевича, Николай Васильевич, был воспитателем детей будущего императора Александра II. Последний представитель славного семейства не оставил потомства, и в 1895 г. особняк купил герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий, внук великого князя Михаила Павловича. Он позволил себе только установить герб на фронтоне и обновить зимний сад со стороны двора и, кроме того, в специально пристроенный флигель перенес богатейшую библиотеку с уникальной коллекцией французских литографий. Главной особенностью дома стали блестящие музыкальные вечера, в которых принимали участие Глазунов, Танеев, Скрябин, Зилотти, а созданный графом Мекленбургским популярный квартет камерной музыки давал концерты в Англии, Германии, Франции. 5 сентября 1777 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано объявление о том, что в доме Дубянского на Фонтанке близ Троицкого подворья открыта выдача на дом русских и иностранных книг учителем Августом Вицианом».

Общедоступная библиотека! Прошло более ста пятидесяти лет, и в 1939 году в доме № 44 была открыта Центральная городская библиотека им. Маяковского с особо выделенной частью – отделом иностранной литературы, который разместился в доме № 46.

У моих родителей была хорошая библиотека, тем не менее я, конечно, пользовалась общедоступными книгохранилищами. Регулярно ходила знакомиться с научными и техническими публикациями в «Публичку», брала книги из библиотеки, которой заведовала школьная подруга, из библиотеки института, в котором тружусь, наконец, из районной библиотеки им. Лермонтова. И мне очень стыдно, что до настоящего времени я не являюсь читателем замечательной библиотеки иностранной литературы. Мало того, я даже не знала, что попасть в нее можно со двора, а не с набережной.

— Ты не продлишь мои английские книжки? Буду тебе очень признательна, — как-то попросила меня приятельница, сломавшая за месяц до того ногу, а потому надолго прикованная к дому.

— Конечно, дорогая, нет ничего проще. Я как раз буду идти по Фонтанке домой, продлю.

Поднявшись по лестнице, я направилась к ближайшему библиотекарю и предъявила читательский билет.

— А Вы давно у нас были? Я что-то формуляр найти не могу.

— Думаю, что месяц назад. Это не мой билет, но дама — ваша аккуратная читательница, регулярно меняет книги. Ищите как следует. Он не мог потеряться.

Две женщины минут десять искали формуляр, а я укоряла их за непорядок. Наконец, одна из них догадалась спросить:

— А Вам, случайно, не в иностранный отдел?

— Конечно, а у вас какой?

— Русскоязычный. Надо быть более внимательной, дама. У них вход со двора.

Пройдя во двор, обнаружила на задней стороне здания широкое крыльцо. Поднялась на него, вошла и... остановилась подобно витязю на распутье. Направо или налево? Подниматься по лестнице вверх или пройти по первому этажу вперед? Оказалось, что читательский абонемент находится на первом этаже — налево. На втором этаже (тоже для меня открытие!) находится мемориальная библиотека Георгия Владимировича Голицына. Есть еще на втором этаже информационный отдел, медиатека и концертный зал, в котором можно послушать бесплатные концерты. Посещение знаменитой библиотеки князя, где собраны русские книги, изданные в дальнем зарубежье, я оставила на потом, быстро сдала книги подруги в относительно малолюдном иностранном отделе и ушла.

В долгие застойные семидесятые — восьмидесятые годы, когда кроме самиздата и классики читать было нечего, а с английским языком я была «на

ты», предпочитала открывать для себя шедевры современной англоязычной литературы, пользуясь домашними библиотеками переводчиц из моего Всесоюзного НИИ гидротехники им. Б. Е. Веденеева. В период бурного развития гидроэнергетики и широких связей со специалистами из разных стран работы у них было предостаточно и по переводам статей и докладов, и по синхронным переводам на приемах гостей или во время выездов за рубеж с руководством института и министерства. Но они нашли время, чтобы составить для меня длинный список книг, которые должен был прочесть культурный человек; они же из своих личных запасов давали читать Фолкнера, Апдайка, Вулф, Грина, Сэллинджера и многих других. Я читала с удовольствием, одну книгу за другой: интересно было открывать для себя психологию людей, не отягощенных идеологическими шорами, со свободным взглядом на мораль и сексуальную раскрепощенность. У нас, как вы помните, в прямом телевизионном эфире на вопрос: «Как Вы относитесь к сексу?» гордая советская женщина отвечала так: «В Советском Союзе секса нет и быть не может!» Уникальный ответ!

Меня потряс роман Апдайка «Cupples» — открытость интимной жизни героев, употребление героями в разговоре тайных для нас терминов из области сексуальной. Мы такое не только на страницах книг не видели, но и друг другу говорить стеснялись. А у них слова произносились просто и легко, интимные подробности и действия назывались своими именами без вуали, без флера. «Dear, fuck my! O, what a sweet cock!» Сегодня в дешевых любовных романах подобные диалоги сплошь и рядом, но я их уже не читаю. Время вышло.

Мой сексуальный интерес зародился в школьные годы — как раз на территории бывшего монастырского подворья. В доме № 48 (там, где сейчас ЗАО «ЮниКредит Банк») в середине прошлого века находилась мужская школа № 214, или, как ее называли, «школа лордов», — одна из первых, а может первая, в Ленинграде с преподаванием некоторых предметов на английском языке. К ученикам школы попроще — № 219, что на другой стороне Графского (раньше Пролетарского) переулка, мы, комсомолки-старшеклассницы из женской школы № 218, ходили на совместные комсомольские собрания, а к «лордам», как и положено, — на вечера танцев. Там я в основном стояла у стенки и следила за успехом красивых «стройноногих» подруг и еще наблюдала за хорошо одетыми мальчиками, маменькими сынками. В душе, конечно, я девчонкам завидовала, но внешне это выражалось язвительными замечаниями в адрес понравившихся им мальчишек. Кстати, мальчишки тоже мало танцевали, больше что-то обсуждали. С ребятами из совместной комсогруппы было проще, общение шло на равных, они не выпендривались. Дружба с ними

продолжалась и после окончания школы, а одна из одноклассниц даже вышла замуж за комсомольца.

К многочисленным литературным достопримечательностям набережной Фонтанки следует отнести и дом № 50, длинный желтый дом, начинавшийся от Графского переулка. Вплоть до XIX века он был занят квартирами духовенства, служившего в Аничковом дворце. В этом здании в квартире № 26 в 1924–1932 годы помещалось Ленинградское отделение Союза писателей, по субботам устраивались вечера и выступали Зощенко и Алексей Толстой. 29 декабря 1925 года здесь проходило прощание с телом Есенина, гроб стоял в одной из комнат. Мемориальные доски свидетельствуют о том, что здесь жили писатель и художник Евгений Иванович Чарушин (1948–1965) и дирижер Карл Ильич Элиасберг (1975–1978). Это именно он в зиму 1941/42 годов собрал голодных изможденных оркестрантов симфонического оркестра Ленинградского радио и начал репетировать присланную в блокадный город симфонию Шостаковича. Эта потрясающая седьмая симфония, обессмертившая как автора, так и город-герой, 9 августа 1942 года прозвучала в зале Ленинградской филармонии.

В 1957 году сбылась мечта моих родителей: мы переехали из коммунальной квартиры в доме № 23 по улице Рубинштейна в отдельную – в один из красивейших домов Ленинграда, построенный известным петербургским архитектором Лидвалем в начале XX века между улицей Рубинштейна (№ 15/17) и набережной Фонтанки (№ 54). Шестиэтажный серого камня доходный домина своими широкими проходными дворами, протянувшимися от улицы Рубинштейна до набережной Фонтанки (или наоборот), по аналогии с Росси, известен как «улицазодчего Лидваля». А так как дом принадлежал графу М. П. Толстому, то в честь домохозяина называется «Толстовский». В трех дворах находится много парадных с квартирами различной планировки: двух-, трех-, четырех- и многокомнатные, есть подъезды с коридорной системой квартир. В тридцатые годы отдельные квартиры были удачно превращены в коммунальные, после этого жильцов стало великое множество – несколько тысяч человек.

Когда мы с родителями переехали в этот дом, его населяли инженеры и артисты балета, врачи и художники, писатели и просто домохозяйки. Театральный критик Раиса Беняш, балерина Ирина Колпакова, знаменитая еще с блокадных времен певица Ольга Нестерова, любимец публики Эдуард Хиль жили – кто в отдельной, а кто и в коммунальной квартире. А уж детей в доме было видимо-невидимо! Здесь жили мои одноклассницы: две сестренки Мира и Мара, обе Марианны. Мара – маленькая, как куколка, девочка с командирским

характером, Мира — крупнее, но менее решительная, находилась под влиянием сестры. Мария Давидовна, мама, была в доме уважаемым человеком, начальствовала над всеми дворниками. Отец другой одноклассницы, Тамары, представлял собой еще более значительную фигуру — был нашим участковым милиционером. Его боялись все ребята, он разгонял игравших в лапту и рисовавших «классики» на асфальте.

Образец модерна с прекрасными темно-серыми сводами, подвешенными к ним фонарями из кованого железа, декоративными деталями, овальными окнами и лоджиями на верхних этажах любили и до сих пор любят киношники. Сколько фильмов снималось в этих симпатичных дворах! Когда в кинотеатре во время показа фильма «Зимняя вишня» я вдруг узнала наш с фонтаном второй двор и парадную с вывеской «Детский сад», инстинктивно завопила на весь зрительный зал: «Это в моем доме! В моем доме!» Как-то прочла в воспоминаниях Аркадия Райкина, что на массивные чугунные ворота дома он любил взбираться с друзьями-школьниками по решетке, в этот момент они представляли себя революционными матросами, штурмующими Зимний.

Сегодня дом так же красив и величественен, но играющих детей во дворах заменили чинные иномарки, а будки у закрытых на кодовые замки парадных кричат о том, что квартиры стали собственностью «крутого» народа, к такому «народу» в гости зайти не хочется. Где жильцы — мои современники? «Одних уж нет, а те — далече...» И не обязательно «за бугром», просто разъехались в «отдельные апартаменты» по всему городу без окраин — Санкт-Петербургу.

Щербаков переулок, разделявший дома № 58 и 60 по набережной Фонтанки, в начале XX в. представлял татарскую колонию. Татарская беднота имела здесь лавочки, торговали национальными продуктами (например, конским мясом) и предметами.

Я, честно сказать, лавочек никаких не помню. В переулок выходили задворки громадных доходных домов: с одной стороны — Толстовского, с другой — № 23 по улице Рубинштейна. Гордостью и достопримечательностью переулка были бани. Раз в неделю наш женский класс почти в полном составе шел на помывку в любимые всеми жителями микрорайона Щербаковские бани, что в десятках метров от набережной. В баню, место наших тусовок, мы сговаривались идти всем классом. Первые девочки занимали очередь, остальные подходили попозже и пристраивались впереди. Стояли в очереди около часа и в это время обсуждали, кто и как отвечал на уроках, что предпримем в ближайшие дни, сочиняли стишки или песенки в стенгазету и, конечно, шепотом делились тайнами. Позже, лет через тридцать, мой муж так охарактеризовал наши с дочкой девчачьи секреты:

А я люблю выпытывать
Девчачьи секреты.
Выпытывать и впитывать
Девчачьи секреты.
Я не потешаюсь,
Я тихо утешаюсь
И сам вздыхаю с ними,
С девчонками своими.
Я так люблю их слушать,
Примостившись возле!
У нас таких секретов
Не бывает вовсе.
Страдательных, щемящих
И вместе с тем — щенячьих.
Попросту — девчачьих,
Попросту — девчачьих.

Так, беседуя и шепчась, мы входили в мыльню. И там уж в полный голос: «Ох, я забыла мочалку!» — «А я — мыло!» — «А я — полотенце!» — «Девчонки, я не взяла чистые штаны!!!» Рекорды побивала Таня, которая умудрялась не взять полотенце, мыло, мочалку и чистое белье. Мы над ней хохотали, но сами-то понимали, что в бане главное не мытье, а общение. Можно было просто стоять рядом с шайкой и обсуждать, ходить или нет на собрание совместной с мальчишками комсогруппы, с которыми нас недавно объединили. Главными авторитетами в отношениях с таинственным полом считалась коммуникабельная Галка, критикесса Инка и рассудительная Марина. Инкин рейтинг вырос после того, как однажды в банной раздевалке выяснилось, что у нее «ножки-бутылочки» (самая красивая форма) в отличие от моих «колесиков». Взрослые тетki учили меня бороться с этим дефектом: «Ставь пятки вместе, носки врозь, как балерина, выправишь свои кривые ножки!»

Сколько интересного можно было вообще познать в бане! Например, оказывается беременные женщины бывают уродливые и красивые. Или еще: лучше быть толстой или тощей? Неясно. А какие сиреневые штаны до колен и «самодельные бюстгальтеры» носили советские женщины после войны! Современные девушки в бикини и топах даже в страшном сне не увидят чулки в резинку, подвязанные под коленями веревкой, в каких повседневно ходили простые тетki. Как хорошо, что и мы почти забыли гардероб тех лет! Пусть он больше не возвращается, да и не «к лицу» подобное «великолепие» сегодняшним саунам, пришедшим на смену общественным баням. Вот и на месте Щербаковских бань вырос красивый современный дом.

Еще одна школа на набережной Фонтанки — да не просто еще одна, а самая известная в районе — № 206, находилась и по сию пору существует в доме № 62. Петровское училище Санкт-Петербургского купеческого общества, а позже солидной репутации Петровская школа № 23 была построена в 1882–1883 годах. В школе традиционно сохраняется первоклассный преподавательский состав, ее закончили поэт Николай Тихонов и писатель-фантаст Иван Ефремов, в ней учился гений театра Аркадий Райкин. В книге воспоминаний он много интересного рассказал о школе и ее традициях, о педагогах, которые после революции продолжали заниматься привычным делом — воспитанием юношества. Главными предметами в школе были математика, химия и, конечно, физика, которую преподавал директор Трояновский. Он пользовался известностью как автор учебников по физике и серьезный ученый, а главное, был обладателем замысловато разветвленной бороды, которую ребята прозвали «двуспальной». Относились к директору с почтением, а ученики других школ специально приходили посмотреть на бороду. Трояновский напоминал генерала на смотре войск и делал все, чтобы влюбить учеников в свой предмет. Педагоги совмещали занятия в школе с чтениями лекций и научными исследованиями, учебные кабинеты были превосходно оснащены. Одноклассник Аркадия Исааковича, Яков Зельдович увлекся химией и в возрасте чуть за тридцать стал членом-корреспондентом Академии наук.

В этой школе в годы войны училась Ольга Николаевна Носова, мой научный руководитель, очаровательная женщина, гидротехник, имевшая редкое для «слабого пола» звание доктора технических наук. В первую блокадную зиму ученица седьмого класса Олечка Носова вела дневник. Вот несколько страниц из него.

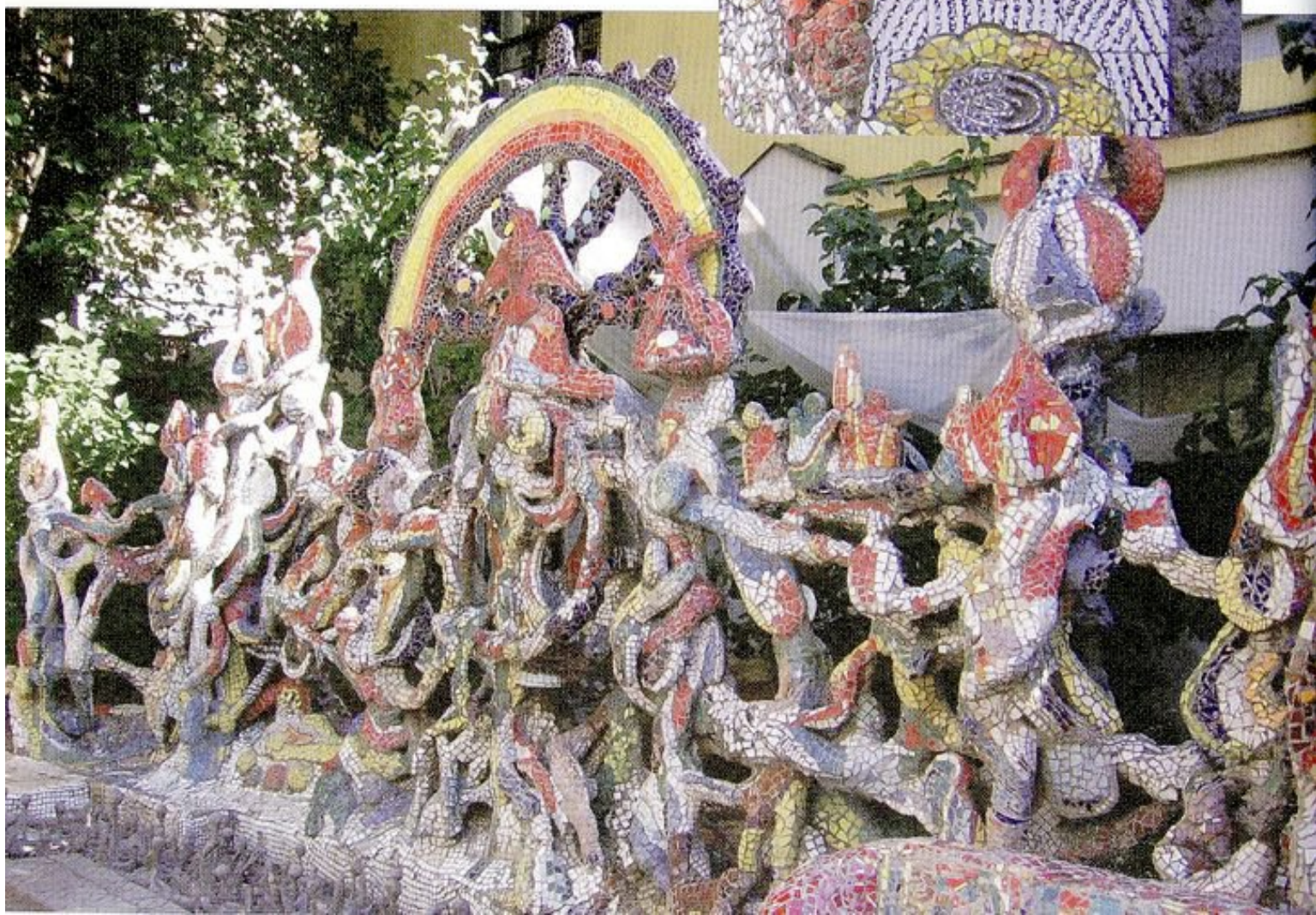
26.X.41 г.

...Ой, забыла самое главное: официально объявлено о начале занятий 3 ноября. 31-го мед. осмотр. Я решила пока не заниматься, а кончить «12 год». Мне действительно хочется устроить тематическое чтение. Сперва Михайловский, потом Тарле, «Война и мир», ну и что еще попадетсЯ. Мне очень жаль, что нет Эрмитажа. Правда мы с Линой довольно детально осмотрели галерею 12 года, но все лица у меня из головы улетучились, а теперь, получив об их действиях представление, мне бы очень хотелось их посмотреть. Например, каковы должны быть граф Виттенштейн, Кульнев, Ридигер, Тормасов, граф Пален? К сожалению, хотя мне сейчас все равно, в галерее 12 года нет портретов французских маршалов и военачальников. Хочу посмотреть Сен-Сира, Груши, Удино, Нея. Вообще, из французов больше всех мне нравятся Даву и Мюрат. У меня к ним определенно какая-то тайная симпатия.

Исток Фонтанки у Летнего сада

Малая Академия искусств (д. 2)

б. Училище правоведения (д. 6)

П. И. Чайковский

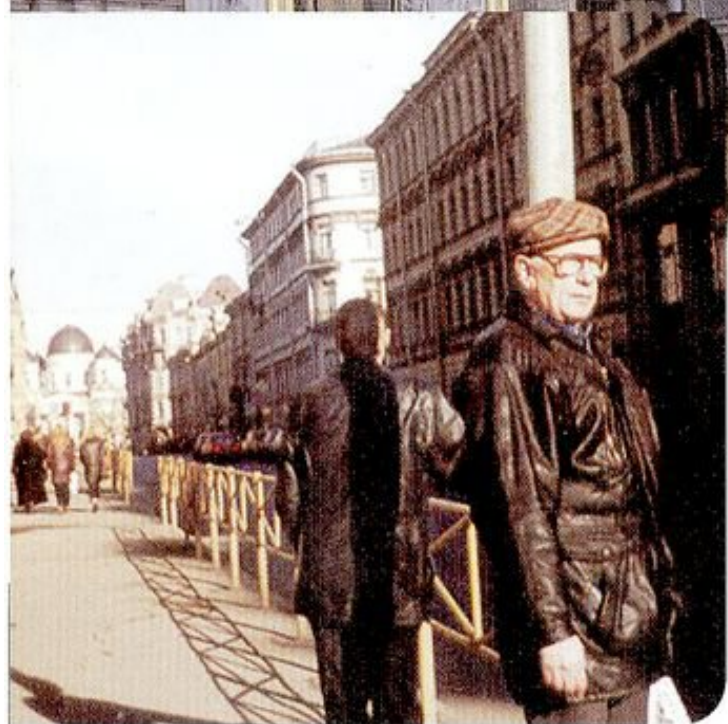

Соляной городок (д. 10-12)

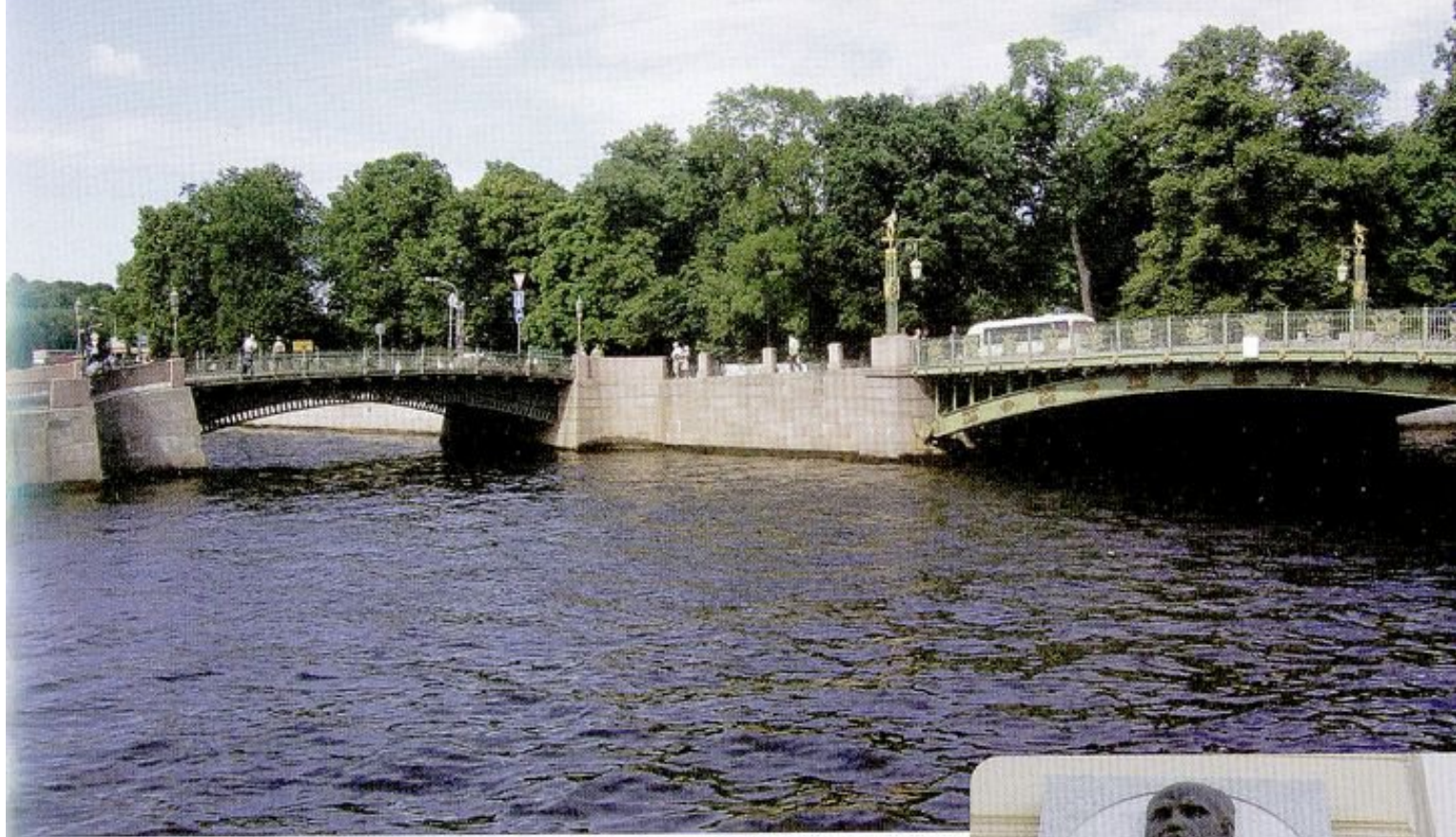
Художественно-промышленное
училище барона Штиглица

Муж автора книги

Музей обороны Ленинграда

Пантелеймоновский мост

Граф Бенкендорф

Особняки (д. 14-18)

Пантелеймоновский мост

Чижик-пыжик

Летний сад

Михайловский замок – со стороны Летнего сада

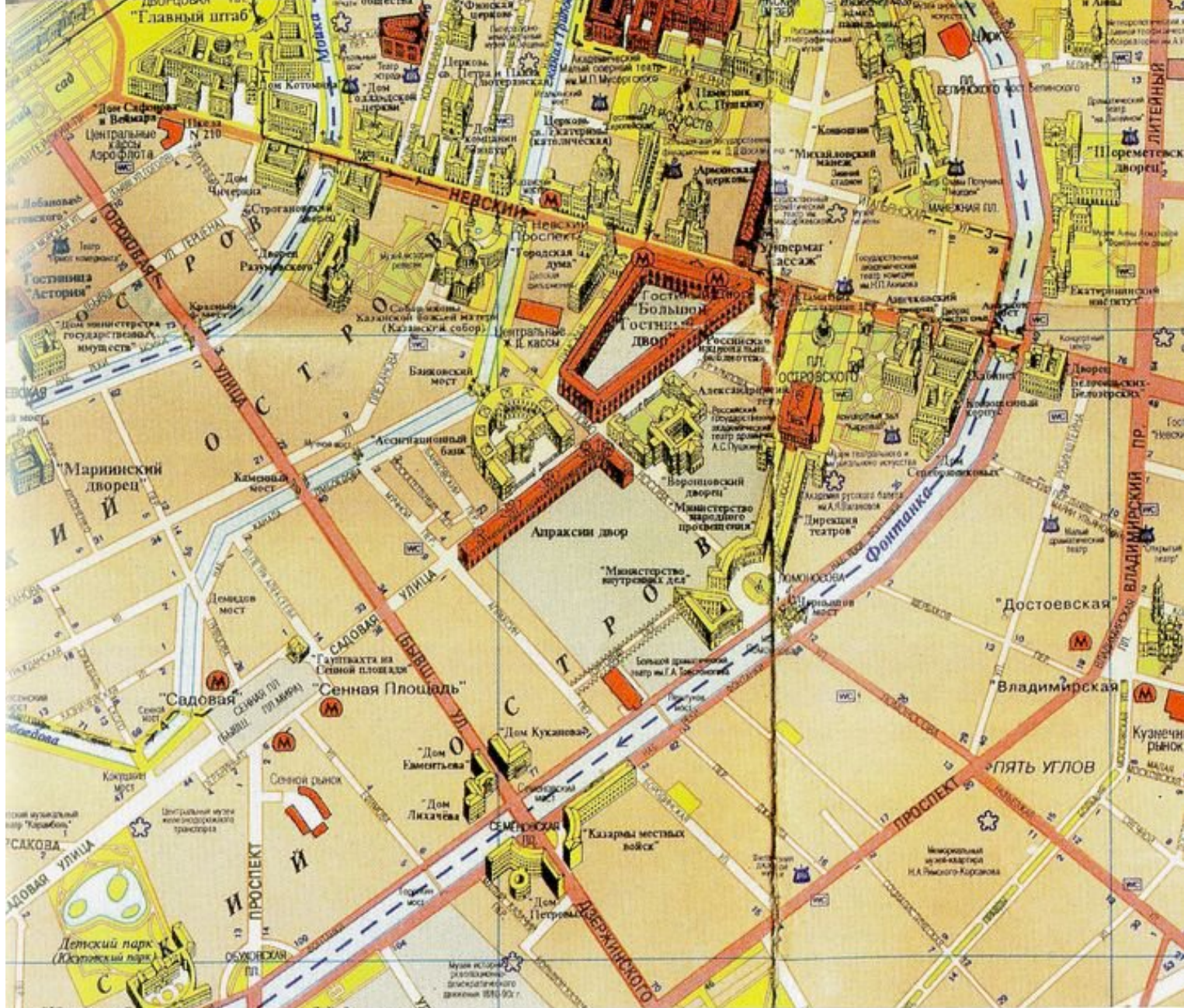

Михайловский замок - фасад

Цирк Чинизелли на Фонтанке

Часть вторая

Фонтанка моего детства

Аничков дворец

Кони Клодта

Дворец Белосельских-
Белозерских (д. 42)

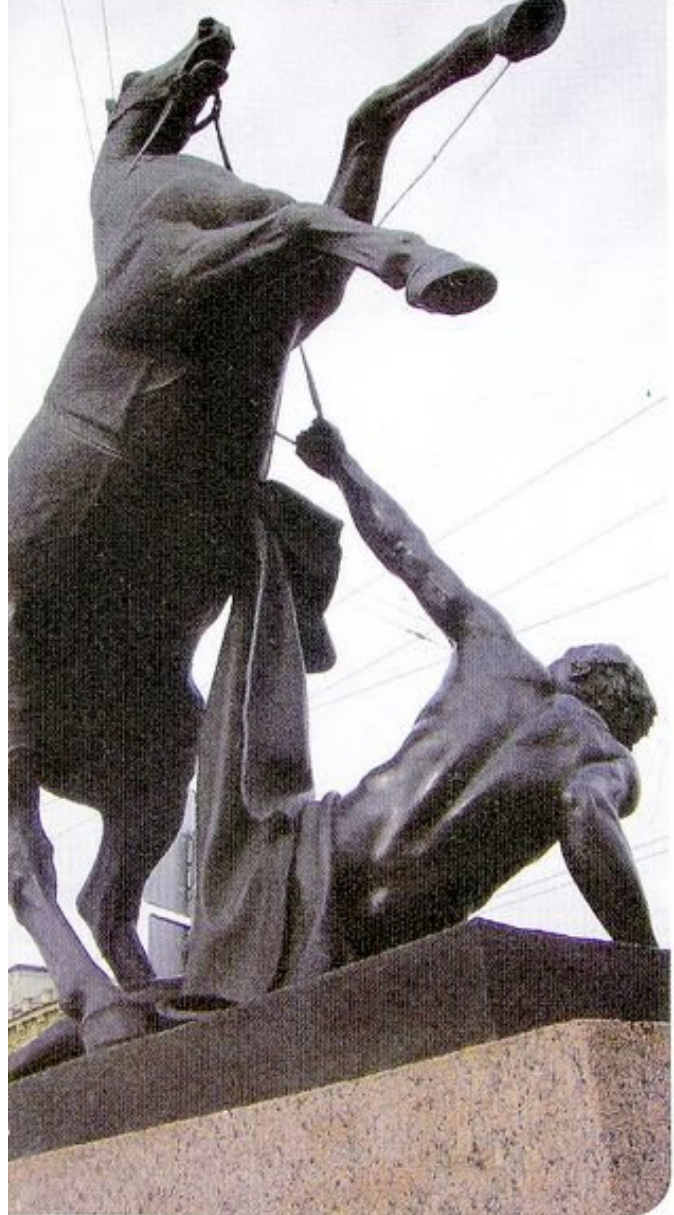

Дома на углу Фонтанки и
Невского с аптекой (д. 29)

ЗАГС (Фонтанка д. 40)

на Аничковом мосту – кони Клодта

Праздник День города

Шереметевский дворец (д. 34)

В саду дворца – Жемчугова и Ахматова

Церковь Симеона и Анны

Б. Итальянский дворец (Рос. Гос. Библиотека) (д. 36)

Библиотека им. Маяковского (д. 44)

Дом Толстого (д. 54)

Мемориальная доска
С. Довлатову на доме № 23
по Рубинштейна, где жил
и автор книги

Центральная библиотека иностранной литературы (д. 46)

Школа № 206 (д. 62)

Часть третья

Вверх от нуля

Коломенская пожарная часть- последнее здание по набережной (д. 201)

Старо-Калинкин мост

Адмиралтейские верфи

Жилые дома у Английского моста

д. 185 – где в 1817-1820 гг. у родителей жил А. С Пушкин

Крюков канал у р. Фонтанки

Египетский мост

д. 131 – здесь долгие годы жил В. П. Соловьев-Седой

б. Министерство путей сообщения (д. 117)

д. № 97-101, где жил А. Н. Оленин

Больница б. Урицкого (д. 148)

Юсуповский дворец (д. 111)

Мемориальная доска
академику Графтио

«Госзнак» (д. 142)

Усадьба – музей Державина (д. 118)

Набережная Фонтанки, 106

Сегодня на исходе 127-ой день войны. Когда это кончится? У меня почему-то предчувствие, мне кажется, что еще немного, и мы немцев погоним. Я сейчас читаю, и остается только поражаться, как была богата Россия. Какие колоссальные сборы хлеба, мяса, овощей и пр. давались без заметного ущерба. Неужели правда, что все в мире делается хуже?

Какое было чудное время, когда люди верили, боролись за счастье потомков? Что может быть благороднее борьбы за других? Сколько свежести, силы было во всех политических подпольных организациях! Как счастливы люди, у которых есть идея, есть цель!

«Дар напрасный, дар случайный. / Жизнь, зачем ты мне дана? / Иль зачем судьбою тайной / Ты на казнь осуждена... / Цели нет передо мною: / Сердце пусто, празден ум, / И томит меня тоскою / Однозначной жизни шум».

Хотя Мережковский говорит, что Пушкин пишет это стихотворение как бы мимоходом, но оно на меня всегда производило, производит, будет производить большое впечатление. Это именно то, что я хотела бы сказать.

27.X. Сколько интересных книг! Мне кажется, что никогда не смогу их прочесть. И Салтыков-Щедрин все время манит, но «12 год» больше всего интересует. Я считаю (наверно, людям, понимающим в военном деле, покажется смешным), что надо было ударить Барклаю-де-Толли на Наполеона в Вильне, когда Даву, Груши были посланы наперерез 2-й армии, или, вернее, именно на Даву и Груши.

Заходила к Нелли, пошли гулять и встретили Д. И. Оказывается, сегодня в школе начались занятия. Мы с Нелли в одном классе, заниматься будем через день. Потом в книжном магазине встретили Иру, Киру и Розиту. Они были в школе. Было три урока: литература, математика и химия. У Розиты и Нелли нет учебников, поэтому мы дошли до Дома книги, но началась такая стрельба, что мы вернулись назад. Нелли пищала и трусила, Розита – тоже, а Ира и Кира ничего.

Заходили с Нелли в булочную: мне нужно было купить, потому что мама взяла весь хлеб. Как действуют на нервы все эти просьбы хлеба. Только выходишь, так над ухом и зашелестят голоса: «Кусочек хлеба дай!» Ни к кому, я не замечала, так приставали, как ко мне. Я уж теперь не всегда даю: ведь самим не хватает. Но сегодня какой-то мальчугашка накинулся на меня, даже из булочной вышел и уверял, что не ел уже два дня и просил хоть корочку отломить. Ну, уж ему я дала. Впрочем, я подаю совсем не потому, что я такая хорошая, а просто инстинкт самозащиты: мне кажется, что или я или близкий мне человек будет просить милостыню.

31.X. Раньше, когда бежишь в школу, то по Щербакову целая толпа ребят несется, малыши только мешками машут, и все обыкновенно бегут, а

теперь все пусто. Только солидные граждане спешат на службу, да домохозяйки бегут на рынок. Из мальчиков у нас в классе почти никого не осталось. После школы ходили в кино.

6.XI. В столовую нам выдали пропуска. Кормят нас водой. Происходит это потому (я думаю), что в столовых воруют, и разбавленный суп приносят нам, а нашим официанткам обидно: в столовой и не попользоваться. Ну, и они тоже стараются, а в результате мы получаем жиры, невооруженным глазом неразличимые. Вчера была основательная бомбежка, и, как видно, поэтому много ребят не пришло. Когда я из подворотни (ходим через какие-то дома) вылезла во двор, то Розитка и Ира закричали, что разбомбили нашу школу. Я пошла посмотреть, разворотило садик, но стекла почти не вылетели. После уроков пошли в кино, на «Маскарад» не попали, отправились в «Октябрь» на «Возвращение». Понравилось. Получила повестку, в которой меня извещали, что я должна явиться в жакт. Спустилась вниз и выяснила, что меня просят в чрезвычайно вежливой форме завтра дежурить, на что я великодушно согласилась.

8.XI. Второй урок был. Нас заставили спуститься вниз, а потом выяснилось, что химии не будет, а будет военное дело. После уроков пошли в кино, но не попали, а потому расстались на углу. Мы с Гертой отправились по Московской, потом по Правде, и по Разъезжей, и в базу, но все безрезультатно, пока, наконец, на углу на нас не налетела какая-то женщина и не закричала, что мы сумасшедшие, что всюду свищут снаряды, что район обстреливается, а мы стоим, да еще на углу. Тогда мы расстались, потом я побежала в столовую и даже по дороге струсила. Уж очень мало было народу, все бежали, а какая-то женщина даже плакала от страха. В столовой меня застала «тревога». Вчера был замечательный концерт. Я вернулась с дежурства, вдруг слышу увертюру из «Кармен». Я даже не поверила вначале. Потом ария то-реадора и вдруг Лемешев. Он пел каватину из «Князя Игоря» и «Тройку». Какой у него чудный голос! Словами не передать эту чарующую мелодию, тихие и плавные звуки аккомпанемента и чудный сильный голос.

21.XI. Опять долго не писала. Слишком много времени у меня занимает дневник. Тем более что опять читаю запоем, бессистемно, что подвернется. Жорж Занд «Консуэло» читала еще давно, но мне она совсем не понравилась. Сейчас она произвела большое впечатление, особенно ярко рисуется образ Альберта Родольштадтского. Я себе его даже ясно представляю (это со мной очень редко бывает): высокий, стройный, в бархатном камзоле, красивое гордое лицо. Тургенев. «Рудин». Стыдно сказать, сколько читала книг, а сознательно «Рудина» прочла в первый раз. Начало я знала почти наизусть, зато конец совсем не знала. Нравится только Леж-

нев, Рудин что-то мне не ясен. Гонкур «Братья Земганно». Пожалуй, я с ними согласна, но и в обратную сторону тоже. Собиралась прочесть, т. е. уже лежат на столе: «Обломов», «Накануне» и «Отцы и дети», «Робинзон Крузо», де Виньи, маркиз де Эффриа, Генрих Сен-Мар, Мария де Гонзаго, Бельфель, Лобардемон...

Не так давно убит Аркаша. Нашли только молнию от рубашки неизменившейся. Убит Валериан Андреевич. Наверно, убит Вася С. Во всяком случае, его никто не может найти, а он находился в столовой. У Юрки-певца выбит один глаз, а другой поврежден, переломан нос и что-то с челюстью. Как будто, убит Кузьма.

В последние военные годы (1944–1945) в девятом классе 206-й школы учился мой двоюродный брат, переехавший позже в Москву, а в параллельном с ним классе учился Лев Мархасев, с которым с тех пор они дружат. Лев закончил факультет журналистики ЛГУ и стал известным радиожурналистом и сценаристом документальных фильмов, почти полвека проработал на радио ГРК «Ленинград» («Петербург»). В частности, он автор очень популярной передачи «В легком жанре», озвучивал которую много лет народный артист Игорь Дмитриев; Мархасев является автором прекрасного фильма о Лидии Руслановой «Я помню чудное мгновение» и ряда других. Он издал около десяти книг, в основном о музыке и о деятелях культуры, сделал сто выпусков программы «С потолка» с Олегом Басилашвили. В книге «Белки в колесе» о Ленинградском радиокомитете и его людях одна глава, написанная с удивительной теплотой и любовью, посвящена диктору, нет, скорее актрисе радио – Марии Григорьевне Петровой.

Во время практики в библиотечном институте моя школьная подруга работала в школьной библиотеке этой мужской школы. Приобщая к чтению книг юных отпрысков, она так преуспела, что один из них не на шутку полюбил читать, стал ежедневно менять книги, обсуждать прочитанное с наставницей. Закончилась эта романтическая история разбитым сердцем юноши, он решил не расставаться ни с книгами, ни с любимой девушкой, попросил ее руки и сердца. Их свадьба состоялась в тот же год, что и моя.

Вспоминая судьбы воспитанников этой замечательной школы – людей, известных многим и известных только мне, хочется сделать обобщение. Аура, разлитая в классах и коридорах, у каждого юного существа пробуждала к жизни оба полушария мозга. Даже выбрав стезю техническую и достигнув больших высот, выпускники школы сохраняли способность мыслить образно, и в будущем многие все-таки становились гуманитариями. Так было с моим братом Сашей и другом Володей, поначалу инженерами: один из них

стал историком, другой – искусствоведом. Да и доктора технических наук, выходцы школы, обладали душами поэтическими, как Ольга Николаевна.

Дворами из школы № 206 можно попасть в знаменитый, тоже внушительный дом № 23 по улице Рубинштейна. В своей книге воспоминаний А. Райкин пишет, как он из этого дома, где жил с родителями после приезда в 1922 году в Петроград, черным ходом перемахивал через забор и оказывался в школьном дворе. «Забор был высоковат, к тому же покрыт колючей проволокой, зато я был ловок и цепок. И хотя, говоря по-спортивному, я „выступал“ в наилегчайшей весовой категории, ничто на свете, включая неоднократно испытанную опасность оставить на заборе кусок штанов, не могло бы заставить меня пренебречь кратчайшей дорогой». Заборы до наших дней сохранились, правда, без колючей проволоки. Через калитку и черный ход я недавно проникла в мой родной дом.

Со дня рождения и до переезда в 1957 году в Толстовский дом я провела детство и юность в коммунальной квартире № 8 на пятом этаже большого шестиэтажного буквой «П» доходного дома с башенкой-ротондой в торцевой части. Наших два окна с балконом выходили на улицу, а пять окон – во двор. Во время войны на башне был пост МПВО, где моя мама в противогазе дежурила по ночам. Однажды она скинула оттуда зажигательную бомбу – вот так руками в рукавицах взяла и сбросила. Высокие чугунные входные ворота запирали на ночь дворник дядя Гриша. Если кто-то приходил поздно, должен был позвонить в звонок дворнику. Тот, чертыхаясь, выходил и отпирал. Гриша жил в нашей парадной, с большим уважением относился к моим родителям и отпирал им и мне в любое время без звука.

Сегодня в доме нет ни башенки, ни всеми уважаемого дворника Гриши. Когда я иногда захожу в родную парадную, она мне кажется маленькой и замурзанной. Нет, не кажется, а так и есть. И квартиры коммунальные за последние пятьдесят лет практически не изменились, не ремонтировались с тех самых пор. А ведь в моем родном доме кроме Аркадия Исааковича Райкина жил с детства до эмиграции Сережа Довлатов, яркий красивый человек и талантливый писатель, любимец петербургской интеллигенции. Должно было пройти много лет жизни писателя в Америке, должно было прийти признание на родине, должна была случиться смерть на чужбине, чтобы, наконец, в сентябре 2007 года в день рождения Сергея Довлатова состоялось торжественное открытие мемориальной доски на том доме, где он прожил почти всю свою сознательную жизнь.

Я, случайно узнав об этом событии, с большим удовольствием и ностальгическим настроением постояла два часа вместе со многими другими интел-

лигентными людьми около своего бывшего дома. Во-первых, давно понимала, что подобная доска должна была появиться на стенах дома, и долго ждала, когда это случится, во-вторых, симпатичную доску прикрепили как раз под нашими окнами. Знакомых детства и юности среди присутствующих на церемонии не было, но публики было много. Жена и дочь Довлатова приехали из Америки, престарелый, но удивительно бодрый дядя Роман Довлатов сидел на стульчике, пришли и Сережины друзья – писатели, завсегдатаи «Сайгона»: Андрей Арьев, Валерий Попов, Яков Гордин, громкоголосая приятельница из Таллина – все говорили теплые слова о Сергее, вспоминали общую несвободную, но такую яркую юность. С живым словом вышла соседка по коммунальной квартире, посетовала на то, что их квартира до сих пор коммунальная, а дом стоит сто лет без ремонта, страшный, стыдно смотреть. Губернатор Петербурга Валентина Ивановна, без которой не обходится ни одно значимое культурное мероприятие, причислив Довлатова и Бродского (мемориальная доска которого висит неподалеку – на Литейном у улицы Пестеля) к лучшим представителям бронзового века (современники Пушкина – золотой век, Ахматовой – серебряный), пообещала отремонтировать обшарпанный с торчащими балками от балконов дом. Я, как бывшая жительница квартиры № 8, до начала митинга давала интервью журналистам какой-то телекомпании: о той послевоенной жизни, о знакомстве с матерью Довлатова – Норой Сергеевной, о совместном проживании в поселке Комарово с будущим писателем.

Самое интересное, что губернатор выполнила обещание, фасад дома № 23 отремонтирован, перед гражданами он предстал во всем блеске. Осталось ремонтным бригадам войти внутрь.

Красивый крашеного кирпича дом **№ 64** по набережной Фонтанки, декорированный хорошенькими женскими головками, над которыми множатся, пугая прохожих, головы медузы, был построен для купцов Елисеевых архитектором Барановским в конце XIX века. Дом рассчитан на состоятельных жильцов, например, в нем одним из первых в городе был установлен лифт. Вообще-то купцом бывший ярославский крестьянин Петр Елисеев стал после войны 1812 года, когда сколотил артель грузчиков в питерском порту. Вскоре Елисеев стал владельцем столичных магазинов и торговых кораблей, которые ходили между Петербургом и Лондоном. Купцы отличались кроме предприимчивости большой честностью и благотворительностью. Вот бы нашим предпринимателям на них равняться! Сейчас в этом здании находится филиал ОАО «ОТП Банк».

Дальше по этой стороне набережной за улицей Ломоносова стоит ряд солидных зданий, построенных в начале XX века и принадлежавших мини-

стерству финансов. Сегодня они выполняют те же функции кровеносных сосудов экономической системы государства, только в современных условиях: Главное казначейство стало Главным управлением Центрального банка по Санкт-Петербургу с самым большим в городе операционным залом в 3000 квадратных метров и высотой 20 метров. Центральный банк России был до 1917 года Управлением сберегательных касс. Налоговая служба по Санкт-Петербургу, наверно, раньше тоже существовала.

Когда я в выходной день летом 2008 года шла по набережной вдоль этих строгих серого облицовочного камня зданий и сворачивала после каждого налево, в глубину безлюдного, но внушающего почтительность квартала, то вспоминала прогулки по Уолл-стрит или лондонскому Сити. Тогда я, советский человек, имеющий дело с одним сбербанком или, на худой конец, с «Промстройбанком», не могла взять в толк, зачем людям столько различных банков? Какие функции они выполняют? А вот, гляди-ка, у нас этих денежных хранилищ стало еще больше!

Аничков дворец строился в 1741–1751 гг., подарен был императрицей Елизаветой фавориту Разумовскому, который в 1767 г. продал его в казну. После смерти Елизаветы императрица Екатерина подарила его своему фавориту Потемкину, который его продал купцу. Екатерина второй раз выкупила дворец и подарила Потемкину, он вскоре снова продал дворец – теперь уже в царскую казну. С участием архитектора Росси были достроены два боковых павильона и перестроено главное здание роскошного дворца. Здесь с 1816 г. жили российские императоры, особенно любил дворец Александр III. В наши дни во время прогулок и специальных экскурсий по дворцу можно посмотреть восстановленные в былом великолепии императорские покои.

С 1918-го по 1935-й во дворце находился музей истории города, а 12 февраля 1937 года здесь был открыт Дворец пионеров имени Жданова. В правом корпусе разместился отдел художественного воспитания, в левом – отдел техники. Для ленинградских ребят послевоенного поколения Дворец пионеров – второй, после школы, дом. Чем тут только не занимались! Дети учились играть на классической гитаре и в шахматы, в перерывах глотали книги в читальном зале с самым полным собранием детской литературы. Семьдесят юных музыкантов симфонического оркестра Дворца (среди них был и мой брат, который играл на скрипке), выступали даже в столице – на общесоюзных слетах не было им равных.

В пятом классе я увлеклась спортом, и наша учительница по физкультуре сагитировала меня записаться в секцию спортивной гимнастики

Дворца. Сказано — сделано. В то далекое время спортивной гимнастикой можно было заниматься детям с окрепшими костями и связками, то есть не раньше десяти лет. Несколько раз в неделю с большим энтузиазмом я перебегала Аничков мост и вбегала, запыхавшись, в двери спортивного корпуса, по дороге скидывая с себя школьную одежду. Не стесняясь кривых тощих ножек, я старательно прыгала фляки и сальто, с трудом удерживала равновесие на нелюбимом бревне и в приземлении с разновысоких брусьев. Самую острую радость мы, гимнастки, испытывали раскачиваясь на кольцах. Для безопасности тренер, правда, поддерживал всех за талию или чуть выше, чем приводил девиц в некоторое смятение. Я как-то даже на него рассердилась и попросила меня не трогать, но сразу же, будучи в самой задней точке кача, грохнулась на мат — отшибла легкие.

После нескольких лет занятий гимнастикой и получения второго разряда я поняла, что это предел, и с секцией гимнастики во Дворце было покончено. В компании с несколькими одноклассницами, любителями конькобежного спорта, я перешла в секцию скоростного бега на коньках. Всю осень до перехода температуры через ноль мы отрабатывали конькобежный шаг в саду за Аничковым дворцом. В рейтузах и кофтах, согнувшись со сцепленными за спиной руками, с глазами, устремленными вперед, мы двигали по очереди ногами: в сторону и назад — левую, в сторону и назад — правую... И так по очереди минут пятнадцать. В дождь и в мокрый снег, в темноте и при электрическом свете мы представляли себя выдающимися конькобежками.

Общественная комсомольская жизнь Дворца бурлила все мои школьные годы: пионерские слеты, отчетные концерты творческих кружков, комсомольские вечера с танцами, когда оркестр наверху, а ты у стенки или у колонны завидуешь тем девчонкам, кого мальчишки приглашают. Наконец, ой, он идет ко мне, и в вальсе кружишься не хуже других...

В летнем деревянном театре, что располагался в торцевой части сада, разодетая интеллигентная ленинградская публика слушала выступления любимых эстрадных солистов и ансамблей: Клавдию Шульженко с государственным оркестром и Леонида Утесова с его знаменитым большим джаз-оркестром («Дорогие ленинградцы, доброй ночи! Доброй вам ночи, вспоминайте нас!»). Позже, еще до открытия на Манежной площади Зимнего стадиона, мы слушали в этом зале и молодых певцов из разных городов и республик Союза, таких как ансамбль «Ореро» из Грузии, «Голубой джаз» из Польши... Однажды терпеливо ждали тогдашнюю звезду Глеба Романова, который около часа добирался с другого концерта, но все-таки добрался и потряс публику «Голубкой». В те годы звезд было меньше, но возникали и падали они с той же скоростью, что и сегодня.

Прошло немного—немало — около пятидесяти лет, когда судьба снова свела меня с Дворцом пионеров. По настоянию бабушки (то бишь меня), легкомыслие которой помешало получить музыкальное образование, внучка с малолетства посещала музыкальную школу. Там она семь лет из-под палки играла на скрипке, читала ноты, выступала в отчетных концертах соло и в оркестре, но душа ребенка была обращена к другому — душа жаждала походов, песен у костров, переправ через реки и восхождений на вершины. Что ж, видимо внучка решила пойти по стопам бабушки и мамы. Во всяком случае, в седьмом классе ребенок вдруг записался в туристский клуб Дворца пионеров (ныне это Дворец творчества юных). Юное создание с увлечением ходило на еженедельные занятия клуба, в выходные дни и в каникулы ребята с друзьями, с любимыми инструкторами и чьими-нибудь родителями ездили по стране, после чего готовились к отчетным вечерам и концертам.

Эти вечера и выступления я, бабушка — туристка со стажем, с большим удовольствием посещала. Я разглядывала на стенах газеты с цветными фотографиями, запечатлевшими походные впечатления, смотрела на сцене капустники молодых энтузиастов, слушала их новые песни и шутки, много смеялась, а главное, гордилась талантливыми друзьями внучки. В голову не приходило воскликнуть: «У нас было лучше!» — у них оказалось совсем не хуже, похоже на нас, но технически, конечно, более продвинуто. В новом Доме творчества юных, амфитеатром напоминающим Театр юного зрителя на Моховой, я побывала на выступлении детского театра, где художником-постановщиком спектакля была дочка наших друзей. И тоже получила удовольствие. Жизнь Дворца продолжается!

Территория на правом берегу за Аничковым дворцом между Фонтанкой, улицей зодчего Росси и площадью у Александринского театра застраивалась с XVIII века до наших дней постепенно. Здесь возникали помимо зданий общественных, среди которых «серьезное» Управление Октябрьской железной дороги, и жилые.

В одном из внутренних флигелей мы с мужем и годовалой дочерью в ожидании подхода очереди на собственное жилье на заводе, где трудился муж, сняли комнату в небольшой, однако коммунальной квартире. В комнату размером 16 квадратных метров перевезли впрок купленную мебель и за неимением свободного места водрузили ее сверху на шкаф и сервант. Получился маленький мебельный магазин. В соседней комнате обитала молодая чета, и двадцатилетняя соседка в те минуты, когда я появлялась на общей кухне, занималась моим просвещением.

— Оля, в твоём возрасте необходимо следить за кожей. Я уже регулярно делаю маски. Бери мазь и делай как я.

Розовую пахучую массу приносила ее мамаша, косметолог. Я отказывалась, считала, что в 24 года можно обойтись без масок. И вообще, мне было некогда заниматься такой ерундой.

Еще соседка учила меня «жить по любви». Пока ее первый муж служил в армии, одинокую женщину навещал его друг. В один прекрасный день она поняла, что не любит мужа, о чем ему написала, и стала жить с его лучшим другом.

— Оля, жить надо по любви. Делай как я!

Жизнь в ту зиму на площади Островского была полной и интересной. После работы я сменяла приходящую к дочке няньку, брала санки, сажала в них Катюшку и шла с ней гулять в Екатерининский садик. Иногда к нам присоединялись школьные подруги с малолетними детьми, дети выпадали из санок, мамы веселились, все хохотали. Довольно часто мы с молодым папой, оставив ребенка на няню или бабушку, которая любила приходить и рассказывать дитю веселые сказки, шли развлекаться. Ходили в театр или в Филармонию, благо все культурные заведения находились рядом. Запомнился забавный случай в Александринском театре. Я почему-то не занесла домой купленный в Елисеевском гастрономе пакетик с замороженным фаршем — так и пришла с ним в театр и сдала в гардероб вместе с пальто. Когда после спектакля стояла в очереди желающих получить свои вещи обратно, услышала неоднократно повторенный гневный вопрос гардеробщицы:

— Граждане, у кого кровь течет из пальто?!

Не догадываясь, что вопрос-то относится ко мне, слушала его с улыбкой. Когда же вспомнила, что именно из рукава моего пальто может капать красная жидкость и окрашивать верхнюю одежду других театралов, я похолодела от ужаса. Это мой фарш!.. Ох, как позорила бедную женщину гардеробщица! На весь театр! А женщина не знала, куда девать злополучный фарш, да и глаза от стыда. С тех пор с продуктами в театр не хожу.

Первую годовщину дочки праздновали в тесной комнате. Годовалая Катя гордо восседала на высоком стульчике, старшие друзья — двухлетний Ленья и трехлетний Алеша на обычных стульях вокруг большого круглого стола выпивали сок и закусывали пирожными. Школьные подруги — мамы веселились, глядя на шумную компанию. Потом все пошли кататься на санках в любимый садик.

Дом № 41 по набережной известен как дом Кочневой. Этот участок земли по соседству с Аничковым дворцом в декабре 1804 года был куплен

преуспевающим купцом первой гильдии Федором Ильиным. Купец Ильин, которому принадлежала дюжина лавок в Гостином дворе, пригласил проектировать и строить особняк знаменитого в Петербурге архитектора Луиджи Руска. В это время архитектор по повелению Александра I занимался переделкой для его любимой сестры Екатерины Павловны интерьеров Аничкова дворца. Один из выдающихся представителей классицизма – Руска за тридцать пять лет жизни и работы в Петербурге создал немало творений, которыми мог по праву гордиться. Портик у Гостиного двора, казармы гвардейских полков Измайловского, Гренадерского, церковь Всех Скорбящих на Шпалерной улице, интерьеры дворцов Зимнего, Шуваловского, Ольденбургских на Каменном острове, Александровского в Царском селе, Стрельнинского... К шедеврам принадлежит и особняк на Фонтанке, 41. Исходя из неправильной формы заболоченного участка, Руска спланировал его в форме буквы «Г», с парадным коротким фасадом по набережной и длинной стороной перпендикулярно ей. Строительные и отделочные материалы, камин, зеркала, мебель, печи, паркет, мрамор, люстры покупались за немалые деньги и в большом количестве с барок и других судов выгружались на пяти причалах Фонтанки. (Кстати, в 1807–1810 годах зодчий руководил еще и работами по устройству набережных между мостами Аничковым и Измайловским.) При скромном внешнем облике особняка в стиле классицизма интерьеры его и сегодня удивляют изысканной красотой. Для росписи стен и потолков архитектор пригласил соратников по дворцовым интерьерам – живописцев Скотти и Шлера, скульптурами особняк украсил знаменитый Опекушин.

Стыдно признаться, но я в особняке Кочневой раньше не была. Почти как англичанин, которого спрашивают о двух красивых зданиях, мимо которых проходят. Он отвечает: «Справа клуб, который я посещаю, слева – клуб, который я игнорирую». Вот и я долгие годы игнорировала концерты, которые довольно часто проводились и проводятся в этом здании, а зря. С 1964 года здесь располагался «Ленконцерт», а с 1993-го – «Петербург-концерт». В один из рождественских вечеров 2008 года, минуя фасад с большим количеством афиш, я вошла в неказистую дверь в подворотне дома № 41 и – обомлела. Скромная внизу лестница ко второму этажу расширилась за счет ажурной решетки, уходящих вдаль колонн, скульптур и пейзажей, наконец, купольного потолка вверху. Красивые в пастельных тонах плафоны, пейзажи и барельефы на античные сюжеты на стенах раздвинули пространство всех трех небольших залов, идущих вдоль Фонтанки. В первом от входа нарядном каминном зале (зеркальная гостиная) во времена Кочневых много и часто танцевали, а сегодня проходят концерты. Музыка Вивальди в исполнении ансамбля солистов под управлением Гантварга гармонировала с полуобнаженными

фигурами барельефа в верхней части стен «Встреча Аполлона с Афродитой», во время звучания Моцарта мой взгляд приковывали беломраморные каминны с орнаментом. Почему я, глупая, не посещала особняк раньше?! В соседнем кабинете, более мрачноватом, с камином из темно-зеленого мрамора, слушатели прогуливаются во время антракта и в хорошую погоду могут выйти на балкон, чтобы любоваться панорамой Фонтанки. В спальне, расписанной как и многие помещения особняка пастельными тонами в стиле гризайль, довольно пусто. Вот где надо устраивать танцы! Меня очаровал театральный зальчик со сценкой с кулисами и пятью рядами скамей для зрителей. По деревянной лестнице со второго этажа можно подняться в деловые кабинеты нынешнего «Петербург-концерта», а когда-то — в бывшие жилые комнаты третьего, последнего этажа.

Судьба владельцев этого особняка, как впрочем, многих петербургских дворцов и особняков, интересна. Внучки купца Ильина в 1889 году продали особняк купцу новой формации — лесопромышленнику Павлу Кочневу для его любимой жены Ольги Александровны, испросив разрешения проживать в особняке, что и продолжалось до 1918 года. С Ольгой Александровной Кочнев познакомился в Нарве, где она жила с родителями, а у него там имелся лесопильный завод. Владел лесопромышленник и одной из первых в России фанерных фабрик, находящейся в соседнем местечке — Усть-Нарве.

Кочневы прожили в счастливом браке двадцать шесть лет, имели трех детей, двух сыновей и дочь. Зимой они вели насыщенную культурную жизнь в особняке, летом выезжали в Эстонию в имение Удриас. Кочнев пользовался уважением среди деловых людей Петербурга, немало денег тратил на благотворительность, за что был удостоен звания Почетного гражданина — указ о том подписал Николай II. Скончался Павел Алексеевич в 1906 году, похоронен в Александро-Невской лавре.

После революции и национализации особняка Ольге Александровне с дочерью Ниной и домработницей оставили трехкомнатную квартиру в первом этаже дворового флигеля особняка. В остальных помещениях размещались последовательно разные организации: детский приют, «Красная газета» (будущий «Вечерний Ленинград»), сельскохозяйственный техникум и, до 1964 года, строительный проектный институт радиоэлектронной промышленности. В доме № 41 на Фонтанке Ольга Александровна Кочнева прожила до самой смерти в 1942 году. Она умерла в блокадном городе в возрасте восьмидесяти двух лет... Дочь ее, Нина Павловна Кочнева, красивая образованная девушка из-за физического недостатка не вышла замуж, посвятила себя науке. В 1912 году закончила Бестужевские медицинские курсы, продолжила образование в Лондоне, стала знаменитым ученым эндокринологом и онкологом,

доктором наук, профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР. Она более сорока трех лет проработала в ВИЭМе (Всесоюзный институт экспериментальной медицины), пережила блокаду и умерла в 1954 году.

Потомки Кочневых хранили и хранят до сих пор культурно-просветительские традиции своих предков, приходят вместе с другими слушателями в особняк и наслаждаются музыкой, пением и поэзией.

Участок земли в этой части Фонтанки от реки до улицы Садовой в XVIII в. принадлежал графу Чернышеву, будучи его загородной усадьбой. Планировку района осуществлял архитектор Росси. Улица Росси имеет длину 220 м, ширину и высоту зданий равной 22 м. После установки в центре сквера на площади Чернышова бюста великого русского ученого Ломоносова площадь стала называться его именем. О графе Чернышове напоминает лишь мост с гранитными башнями и цепями.

На длинном жилом доме № 55, примыкающем к улице Росси, прикреплено несколько памятных досок. На одной значится «Здесь жила актриса Александринского театра Корчагина-Александровская», на другой — «В квартире Красина в декабре 1905 года проходило совещание ЦК РСДРП с участием Ленина, обсуждался вопрос помощи Московскому вооруженному восстанию». В младших классах школы я часто ходила в любимый, почти семейный Александринский театр (многие его актеры и актрисы были папиными пациентами, а потому приглашения поступали на все премьерные спектакли). Когда видела двойную фамилию этой старейшей актрисы в программках, была уверена, что она жена Павки Корчагина. Что касается следов пребывания вождя мирового пролетариата, их в долине реки Фонтанки предостаточно. Из первой части этой книги вы уже узнали, что в третьем доме по улице Пестеля (Пантелеймоновской) Ленин и Надежда Константиновна некоторое время снимали квартиру в 1905 году, а в Соляном городке вождь готовил восстание. Часть памятных досок о пребывании в них Владимира Ильича не так давно была снята, а на доме № 55 осталась.

Если вам случалось проходить по набережной Фонтанки около Чернышева, Семеновского или Аничкова мостов, то обоняние ваше, наверно, поражалось сильным запахом рыбы, несшимся со своеобразного судна, известного под названием садка. Собственно, на этом судне идет только торговля рыбой и живут хозяева или приказчики, сама же рыба содержится в особого рода лодках, наполненных водой, и доставляется оттуда посредством сачков («Всемирная иллюстрация», 3 (15) августа 1874 г.).

По другую сторону моста на углу площади Ломоносова в доме № 57 при царях было министерство внутренних дел. Департамент полиции пред-

упреждал и раскрывал преступления, надзирал за русскими подданными за границей, за деятельность почты, телеграфа... После революции традиции обитателей здания продолжались, здесь разместился народный комиссариат внутренних дел РСФСР. В первом и подвальном этажах с 1862 г. размещалась типография. Рядом «Лениздат» (и в доме № 59).

Дальше за площадью Ломоносова начинается торговая часть города.

Посмотрите на Фонтанку: что за деятельность, что за жизнь! Начиная от Аничкова моста и до самого Обуховского она буквально запружена барками с яблоками, овсом, дровами, тесом, так что бывают минуты, когда можно перейти через нее по баркам безо всякого затруднения. По берегам ее сосредоточивается почти вся внутренняя торговля нашего города: Толкучий рынок, т. е. вся мелкая промышленность, дворы со строительными материалами, отличные рыбные садки, Сенная площадь, торговля растениями и фруктами – одним словом, на берегах скромной Фонтанки вы найдете все, что нужно для жизни {«С.-Петербургские ведомости», 3 (15) октября 1854 г.}.

Эти любопытнейшие выдержки из петербургских газет далекого времени опубликованы в одном из майских номеров 2009 года газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая, кстати, освещает городские новости с 1728 года. Согласитесь, очень интересно! А главное, как современно! Торговля по-прежнему сосредоточена на правом берегу, правда, доставляются яблоки и киви, вагонка и сайдинг не на барках по реке, а по КАД на большегрузных фурах.

Торговый переулок соединяет Фонтанку с Апраксиным двором. Род Апраксиных происходил от ханов Золотой Орды (апракса – белый, тат.). Граф Апраксин при Петре I получил чин генерал-адмирала, один из его наследников – генерал-лейтенанта и 9,1 га земли. В XIX в. на этом участке земли образовался один из крупнейших рынков Санкт-Петербурга, на территории которого до 1917 г. насчитывалось около 40 корпусов и 650 лавок.

Не считала, сколько корпусов и лавок в нашей знаменитой Апрашке, но, конечно, до сего дня числом их вряд ли стало меньше. Пишу «до сего дня», потому что именно в эти дни, к расстройству многих и радости немногих, замечательный торговый центр города решено перенести далеко на север города в специально организованное место. Я в Апрашку езжу (скорее – хожу) несколько раз в год, предпочитаю зайти с Садовой, пройти рынок насквозь и выйти на набережную, а оттуда уже пешком до дома. Сегодня обилием товаров никого не удивишь, но здесь, в знаменитой Апрашке, можно купить все, что

продается в магазинах города, да ещё и значительно дешевле. Люди среднего достатка, а мои подруги – пенсионерки практически все принадлежат к ним, в дом и на дачу приносят из лавок Апрашки утварь и посуду, спортивные костюмы и постельное белье, косметику и сумки. Последняя моя покупка – кожаное пальто, блендер и пачка кофе-капучино. Все покупки, как обычно, были удачными. Оживленная торговля в длинных уличных рядах, тесно прижатых друг к другу, сопровождаемая разноязычным криком, примерками на глазах у всех, копаньем в глубоких корзинах с почти даровыми мелкими предметами, – все это напоминало мне базары южных городов бывшего Союза. Да, впрочем, торговцы и есть представители ближнего зарубежья, приехавшие на время или насовсем в наш внешне европейский город и снизившие уровень его европейскости (или всё же приподнявшие – до уровня турецкого Берлина или арабского Лондона?). Селятся торговцы Апрашки на центральных, близь расположенных улицах, покупают магазины шаговой доступности и торгуют там, вытесняя привычных для нас белолицых.

Иногда около входа в магазинчики рынка к покупателям пристают лохотронщики, непременный аксессуар такой лихой торговли. Однажды и я включилась в начальный этап борьбы за какой-то бытовой электроприбор:

– Женщина, мы можем вам совсем даром отдать чайник, в придачу кофемолку... Подходите!

Я подошла и чуть не влипла в аферу, с трудом ноги унесла. В другой раз пока ходила по лавкам, прорезали сумочку, а заметила дефект только дома. К радости, не украли кошелек, вообще ничего не вынули, не успели справиться с подкладкой. Нельзя терять бдительность на подобных рынках! Но это издержки. Вообще-то, в последние годы корпуса Апрашки, битком забитые товарами, постепенно принимали благопристойный вид. Что касается уличной торговли, ее можно было тоже облагородить, но городские власти решили убрать срам из исторического центра, как-то упустив из виду, что этот торговый центр является историческим объектом.

Закрывает рынок со стороны набережной внушительное здание Академического Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова (дом № 61).

Театр был построен в 1870-х гг., в 1901 г. сгорел и был восстановлен. В 1919 г. по инициативе Горького, М. Ф. Андреевой и Луначарского театр было решено формировать как героико-романтический. Литературной частью театра руководил Александр Блок, художественное оформление спектаклей осуществляли Добужинский и А. Н. Бенуа. «Дон Карлос», «Разбойники» и «Макбет» – в 1919 г., «Разлом», «Клоп» и

«Баня» — в 20-е гг., «Аристократы», «Человек с ружьем» и «Мещане» — в 30-е гг., «Русский вопрос» и «Бесприданница» — в 40-е.

БДТ всегда славился своим актерским ансамблем: Ю. Юрьев и Монахов — на заре его романтической юности; Лариков и Полицеймако, Казико и Ольхина — их мое поколение видело в классических пьесах Островского и Горького, имя которого было присвоено театру в 1932 году.

Самый яркий период в жизни БДТ, в культурной жизни Ленинграда, начался с 1956 года, когда в БДТ пришёл Георгий Александрович Товстоногов. Он не только был выдающимся режиссером, но и собрал под свое знамя труппу удивительных, талантливых людей, единомышленников, и стал их бесспорным лидером. В эпоху возрождения («квадраченто») российской культуры, пришедшуюся на шестидесятые годы XX века, поэзия Вознесенского и Рождественского, песни Окуджавы и Галича, БДТ с Юрским и Капеляном, симфонии Шостаковича, проза Рыбакова и Солженицына открывали тайны, будоражили, заставляли думать и надеяться, словом, повернули нашу жизнь на сто восемьдесят градусов. Я, как и очень многие ровесники, старалась ничего не упустить, читала, слушала, смотрела товстоноговские спектакли, хотя поклонницей кого-то из молодых талантливых актеров не была в силу уравновешенного своего характера. Сегодня, пожалуй, пальму первенства я бы отдала выдающемуся лицедею того времени Олегу Борисову, а из играющих ныне актеров — его тезке — Олегу Басилашвили, или Басику, как мы его с любовью зовем. Басик хорош и на сцене, и в кино, и на телевизионном экране, и на политической трибуне. А главное, ему всегда веришь! Побольше бы таких людей!

Многие актеры БДТ жили на другом берегу Фонтанки, на Бородинской улице у Загородного проспекта. В последних классах школы я ходила в этот дом заниматься английским языком в актерскую семью, правда не драматическую, а опереточную (населяли известный дом актеры разных театров). Комнаты отдельной квартиры, что было редкостью в 1950-е годы, были меблированы красивой старинной мебелью, полки забиты книгами, а стены увешены фотографиями хозяев. Хозяина квартиры, знаменитого опереточного героя-любовника, уже не было в живых, о нем напоминали многочисленные фотографии, на которых он был запечатлен в разных ролях. На всех фотографиях он был, как выражалась подруга, хорош до безумия. Пожилая матрона — жена его, иногда появлялась в расписном японском халате, кивала нам, улыбалась и уходила в свои апартаменты. Мы с подругой занимались с ее дочерью, приятной веселой дамой, преподавательницей какого-то вуза.

Занятия проходили интересно, мы не просто втроем беседовали по-английски и обсуждали книги — мы разучивали роли и готовились к

выступлению в домашнем концерте, он был приурочен к Новому году. Помню, я с трудом запоминала текст и писклявым голосом произносила фразы склочной героини из «Школы злословия» Теккерей, а подруга в роли сварливого мужа отвечала на мои реплики басом с ужасным произношением, после чего мы втроем хохотали. Кроме нас к концерту готовилась молодая пара, тоже ученики милой teather, муж читал стихи, жена пела. Концерт проходил в их квартире, где собрались приглашенные друзья и ученики, проходил успешно: мы, в самодельных забавных костюмах, вовремя подавали реплики, ничего не забыли, даже вошли во вкус и под конец разыгрались, правдоподобно ругались по-английски. Не помню, почему, но занятия прекратились – кажется семья переехала в Москву, – а жаль.

На углу набережной и Апраксина переулка в последние годы обосновался ресторан «Тритон», который привлекает посетителей, особенно в вечернее время, расцвеченными витринами – аквариумами с диковинными обитателями моря. Я не любитель проводить время в подобных экзотических местах (видимо, сказывается советское воспитание), но однажды довелось посидеть в «Тритоне», о чем нисколько не жалею. Сын школьной подруги, «крутой» бизнесмен, решил отметить юбилейную годовщину маминого рождения в необычной обстановке.

– Мамуля, зачем тебе надо в день своего рождения покупать продукты, стоять у плиты, потом мыть гору посуды, в результате устать как последняя собака? Все, решено. Звони гостям, приглашай их в «Тритон», я снял на вечер отдельный кабинет.

– Ты что, сынок?! Это же дорого! Гостей не меньше семнадцати человек, ты из-за меня вылетишь в трубу.

– Успокойся, выдержи. На Западе все отмечают торжественные дни в ресторанах, привыкай, ты же современная женщина. И друзья твои тоже не с печки свалились. Тем более что ресторан рядом с домом, пусть все думают, что ты расширила квартиру.

Так мы с мужем, не свалившиеся с печки, пришли в назначенное время к освещенным тритонам, шевелящимся за стеклом. Сын с «крутым» другом встречали у входа и направляли внутрь, советуя не пугаться интерьера. Юбилярша в холле извинялась за несвойственную для нее роскошь внутренних помещений, при этом советовала посмотреть их непременно. Я, женщина любознательная, последовала ее совету. Под ногами (а двигались вглубь ресторана мы по расписному стеклу) в зарослях плавали рыбки; по стенам отдельных, но просматриваемых издали кабинетов также просвечивали аквариумы. Но главное ожидало посетителей впереди.

— Скорей зайди в туалет! Умрешь! — шепнула одна из подруг.

В комнате, декорированной цветами, бачок унитаза представлял собой маленький аквариум с золотыми рыбками. Казалось, они кричали: «Не сливайте нашу воду, мы умрем!» Ну, дают, ребята! Я охнула. Да, туалет оказался поинтереснее, чем когда-то поразившее меня обилием живых цветов общественное заведение в курзале Австрийского горнолыжного курорта.

Интерьеры, на мой вкус, уступали угощению. Дело в том, что дары моря рассчитаны на любителя, а здесь, естественно, только ими и потчевали. На столе, на высокой этажерке громоздились чудища с клешнями, черные раковины, розовые моллюски, еще какая-то всячина, а соусы стояли вокруг. Непонятно было, как брать некоторых обитателей моря, где у них мясо, каким соусом их сдабривать, поэтому я экзотическое ассорти проигнорировала. Микроскопические кусочки чего-то вкусного без клешней и раковин, что разносили мальчишки-официанты, съелось мгновенно. В результате после кофе и десерта я чувствовала себя в полном соответствии с рекомендацией гурманов-французов выходить из-за стола с легким чувством голода. Но чувство юмора, как известно, у нас не пропадает ни в каких ситуациях, а традиционное изобилие напитков помогло нашей компании веселиться с присущей россиянам раскованностью. Словом, ресторан запомнился надолго.

Ничем непримечательный жилой дом № 73 по набережной Фонтанки, несколькими флигелями и дворами уходящий вглубь квартала, в последние десятилетия стал для нашей семьи примечательным очень. Дело в том, что родители моего зятя, жители Мурманска, уйдя на заслуженный отдых, решили переехать в Ленинград поближе к сыну и внукам. Долго искали район, который бы максимально отвечал запросам. Наконец, после рассмотрения множества вариантов, совершенно случайно выбор пал на этот дом.

Через год Сергей Иванович, человек прямой и большой любитель резать правду-матку, в сердцах высказывал мне свое мнение о жизни на новом месте:

— Я со своим Беком хожу по три раза в день, пока он не устанет. У нас на Фонтанке гулять противно, зелени нет, пописать собаке и то негде, машины мешают, грязью поливают. Ненавижу эту набережную, да и вообще не нравится мне Петербург — грязный город, все засрано. Может, когда-то он был столичным и красивым, но сегодня не нахожу этого, особенно у нас возле Апрашки, где бандиты и ворье разное ошивается. Народ мрачный, неприветливый, не объяснят приезжему, как куда пройти. Нет, не убедишь, что прекрасен Петербург, зря мы сюда переехали.

Сергей Иванович, не просто любитель природы — знаток и хозяин природы, родившийся и проводящий любую свободную минуту среди лесов, полей и

рек, заядлый охотник и рыбак вдруг на заслуженном отдыхе оказался в городе, да еще в таком месте.

А вот Женя, Евгения Ильинична, женщина городская до мозга костей, чувствует себя в торговом районе свободно, может быть, даже комфортно. Она с удовольствием вошла в общественную жизнь большого на три улицы выходящего дома, быстро разобралась с правами и обязанностями жильцов, после чего стала на равных спорить с главой администрации и со знанием юридических законов задавать вопросы губернатору, связанные с правами граждан и обязанностями чиновников жилкомсервиса.

Деловитость — одна из главных черт характера Евгении Ильиничны. Много лет моя сватья была одним главным технологом солидной организации под названием «Севрыба». Есть «Дальрыба», «Югрыба», «Ленрыба», «Запрыба», но «Севрыба», пожалуй, больше известна питерскому народу. Под началом главного технолога находилось все рыбное производство, то есть она придумывала, разрабатывала и доводила до ума изготовление продукции из даров моря. Крабовые палочки и красная икра, масло и семга, пресервы и консервы — это только часть ее разработок. Мы с удовольствием дегустировали рыбопродукты, которые мурманские родственники в виде увесистых посылок присылали нашему семейству в Ленинград в голодные восьмидесятые и девяностые годы. Друзья и коллеги по работе, угощаясь дарами, завидовали черной завистью:

— Счастливчики, опять вам «Севрыба» шлет гуманитарную помощь!

Женя часто через Ленинград ездила в столицу выбивать в министерских кабинетах нечто необходимое для Мурманска и возвращалась не с пустыми руками. А уж когда каждые пять лет в «Ленэкспо» устраивались международные выставки «Инрыбпром», можно было не только отведать вкусненькое, но и увидеть саму Евгению Ильиничну — энергичную хозяйку павильона «Севрыба» во главе делегации в окружении группы солидных мужчин. Она давала посетителям обстоятельные пояснения технологических процессов, например, нового производства полиенов из рыбьего жира, привлекала заказчиков из министерства здравоохранения, заключала договора, критиковала конкурентов и все делала легко, напористо, с улыбкой. Она выезжала делиться опытом и заключать сделки в Норвегию и Японию, Испанию и Латинскую Америку. И даже принимала у себя первого российского президента Михаила Горбачева.

— Первой вошла в выставочный зал Мурманского рыбного порта Раиса, а за ней уж Михаил Сергеевич. Раиса вела себя как хозяйка, вопросы задавала, перебивала. Я поясняла только ему, на нее старалась не смотреть. А он как раз милый дядька.

Сергей Иванович совершенно не похож на свою жену. Электротехника, которой он занимался много лет в Мурманском торговом порту, для него являлась только одним из интересных занятий в жизни. Мне казалось, что главным он занимался во внерабочее время. С тех пор, как в возрасте пятидесяти лет он ушел на заслуженный отдых, смог, наконец, предаться своим любимым занятиям полностью. Охота и рыбалка, моторная лодка и огород, эксперименты у плиты и чтение книг по истории и краеведению, прогулки по лесу с любимой собакой и застольные беседы с друзьями, починка любой бытовой техники и оказание первой медицинской помощи, строительные работы в городе и деревне и воспитание внука – вот еще не все интересы и дела Сергея Ивановича. Этот жизнерадостный и деятельный, типично русский человек мог бы стать героем сборника рассказов «Записки охотника нашего времени». Мне такой сборник не под силу, но несколько сохранившихся в памяти отрывков из наших бесед и его выступлений перед небольшой аудиторией вашему вниманию предложу.

– Слушай, зачем тебе эти дурацкие цветочки и говенная горка и газон? Я бы на твоём месте выровнял землю, распахал и посадил картошку, во всяком случае, от нее польза будет!

– Какой народ у нас вороватый! Представь, я, как идиот, месяц целый заготавливал дрова на зиму, сделал навес, аккуратно сложил дрова... Приезжаю через неделю – ни одного полешка нет. Сволочи, хоть бы на пару протопок оставили!

– Не жалко насоса, пусть пользуются, но зачем красть его? Паразиты!

– Подумай, наконец привезли машину навоза (чего мне стоило выбить ее!), а наши чистюли сраные не хотят его разбрасывать – пахнет им, видишь ли! А по-хорошему на наш участок нужно десять таких машин. Ничего, сам раскидаю, не барин.

– Неужели современные бизнесмены за свою жизнь не научились выращивать огурцы в парнике?! Черт знает, что это такое!

Или вот еще. Кто из мужчин может похвастаться успехами в кулинарии? Среди моих знакомых таких единицы. Хорошо помню застольные выступления Сережи.

– Обратите внимание на новое блюдо, рецепт вычитал в журнале «Приятного аппетита» и решил попробовать. Делается легко: сначала обжарить целую луковицу, туда положить сваренный не до готовности рис, добавить укроп, петрушку и потушенный на сковороде под крышкой помидор. Я еще прибавил специи и немного грибов и все это держал полчаса в духовке. Правда, интересно? Мне тоже понравилось. В следующий раз угощу вас другим блюдом, тоже по рецепту – его я посмотрел и записал в передаче у Макаревича. Люблю

экспериментировать у плиты. В Мурманске, пока Женя в своем кабинете проводила совещания, я готовил что-нибудь интересное и приглашал гостей. Когда она приходила, стол уже был накрыт, стояли закуски, сервизные тарелки, хрустальные рюмки и бокалы, а в печке шипело что-нибудь эдакое из оленины или лосятины. А иногда гости уже сидели — Женя-то частенько опаздывала, вот она радовалась! Ольга, помнишь, как ты с коллегой попала ко мне на прием? Вы тогда проездом на Серебрянские ГЭС были в Мурманске в первый раз, да? Женя была в командировке, а за столом сидели мои друзья кагебешники; один из них сейчас генерал в Калуге, Женька не даст соврать.

У Сергея, отличного товарища, было полно друзей. Некоторые мурманчане перебрались в Питер — к одному из них, заслуженному артисту республики, он ходил на премьеры. Другие перебрались подальше — и к другому он ездил в гости в Израиль.

— Евреи все делают для своих ветеранов и стариков, молодцы! Нашим засранцам, которые у власти, далеко до них. У них, конечно, много сволочей и бюрократов, а где их нет? Но ты видела их дома престарелых? Удовольствие там жить! Хоть комнатки небольшие, но каждый имеет кухонную нишу, душ, туалет, телевизор в комнате, а еще один есть в холле, его смотрят вместе. Прогулки в саду около дома, медсестры на каждом этаже...

Сергей Иванович стал водить машину уже в солидном возрасте и на дорогах между населенными пунктами в Карелии или, на худой конец, по шоссе между Питером и городом Сегежей, недалеко от которого лет десять назад купил дом с участком на берегу озера, чувствовал себя почти асом. Но на улицах миллионного города всегда нервничал, плохо ориентировался в переездах, держал руль с большим напряжением и даже несколько раз попадал в ДТП, из которых обычно его вызволял сын. Вот типичный случай (в пересказе самого участника):

— Ехал я по проспекту рано утром, никому не мешал. Специально выехал пораньше, чтобы не было пробок и транспорта было поменьше. Так нет! Откуда ни возьмись сволочь какая-то, прямо из-за угла в меня впилилась. Я не успел среагировать, он помял бок, и меня еще обвинил, что я виноват!

Друзьями и помощниками Сергея-охотника были собаки. Про своих четвероногих друзей, а их было за охотничью жизнь, кажется четверо, он мог вспоминать часами. Рассказывая, не забывал заодно учить и воспитывать нас, имеющих меньший опыт и меньше свободного времени.

Что бы ела наша собачка, если бы Сергей Иванович ее не подкармливал деликатесами со своего стола? У нас в семье безотходное производство, собачке из мясного и рыбного мало перепало. А он то сосисочку пришлет, то хрящик горбуши, то куриную кожу. Часто просто придет: «Ну-ка, давайте

собаку, пойду с ней гулять!» Мы были счастливы. А еще лучше, если в летнее время он оставлял Блэзи пожить с ним на даче. Все знали, что ей под присмотром Сергея Ивановича будет сытно и привольно.

Неугомонный человек после переезда в Питер взялся за переделку и перестройку квартиры, только завершив грубые строительные работы, вызвал из Мурманска любимую жену. На Женечкину долю осталось лишь устройство интерьеров. Чуть позже купили квартиру для любимого внука Славы – тоже на набережной, правда на противоположном берегу Фонтанки, около Толстовского дома. Недавно закончивший школу внук, со времени трагической смерти матери живший с бабушкой и дедом, как им казалось, требовал постоянной опеки, а потому должен был находиться в пределах досягаемости. Каждое утро, как прежде на работу, дедушка Сережа, взяв с собой сумку с инструментами, шел в новую квартиру и, пока ребенок сидел на лекциях, отделявал ее: настилал полы, менял электропроводку (все-таки электрик), перестраивал шкафчики, учил маляров тщательно красить и клеить обои. Мы и не догадывались, что именно тогда жизненный путь Сергея Ивановича вышел на финишную прямую. Домой он возвращался вечером уставший, силы таяли с каждым днем, страшная болезнь неотвратимо наступала, но он не сдавался, пытался ее перехитрить.

С Сережей мы часто обменивались впечатлениями от путешествий по горам и лесам, но он меня частенько забивал – перехватит инициативу и дальше говорит один:

– Твою Америку* мне читать неинтересно: подумаешь, самовлюбленные американцы! А вот про нашу богатую и дремучую Россию – совсем другое дело. Раньше плохо жил народ, после перестройки опять плохо живет, сволочей у нас всегда много, они и лезут в правительство. Страна воров и пьяниц, на том и стоим. Лучше всего были времена при царях. Мне Женя подарила книгу об истории государства российского, буду изучать подробно про Романовых, то, что в школе учил невнимательно и забыл.

Эту маленькую речь о пользе знания истории своей страны и о желании ее вспомнить тяжело больной Сергей произнес за неделю до смерти. Потрясающе!

От Семеновского моста, названного по имени Семеновского полка, квартировавшего рядом по четной стороне Фонтанки, и проложенного в створе улицы Гороховой, продолжается торговый район города. Через проходной двор дома № 97 можно пройти на знаменитый в городе Сенной рынок.

* Марголина О. Г. «Есть ли жизнь за бугром?» (СПб.: Алетейя, 2009).

На территории рынка раньше размещалась Вяземская лавра, названная по имени владельцев земли, князей Вяземских. Вообще лавра – это мужской монастырь высокого ранга, но эта была названа с иронией, так как порядки были отнюдь не монастырские. Проживали на ее территории более 10 тысяч обездоленных (как сейчас бы определили, бомжей – прим. авт.). Спали они вповалку на полу, на камнях, в грязи, голодали... И все это продолжалось до начала XX в. При обследовании одного из домов, где жили кустари, выяснилось, что в комнатах не было даже нар, спали на верстаках. Семья из трех-пяти человек спала на одной кровати. «Приют голодных и холодных людей города» (Крестовский. Петербургские трущобы).

Для меня Сенной рынок в детстве был связан с бабушкой, тетей и сестрой, которые долгое время жили в доме по Международному (Московскому) проспекту, стена которого выходила непосредственно на рынок. Коммунальная квартира, как и наша, была довольно густо населена, но народ, русско-еврейский, жил там весьма дружно: приглашали друг друга на праздники, угощали куличами и мацой. Моя родня занимала маленькую комнату, а на день рождения тети и сестры набивалось столько гостей, что все только и могли, что разместиться за столом – танцы и разговоры шли в коридоре или у соседей. Иногда соседка, владелица большой комнаты, разрешала устраивать застолья у себя, там как-то раз играли свадьбу сестры. У соседки же на ночлег останавливались друзья, приезжающие к сестре из других городов. Когда однажды молодая пара, заеденная клопами, сбежала, привычные к этому виду домашней фауны ленинградцы дружно выразили свое презрение.

Сегодня Сенной рынок красив и благообразен, его окружают современные супермаркеты из стекла и бетона. Торговля продуктами идет в чистом красивом корпусе, который полон покупателей, так как в центральной части Петербурга рынок считается самым дешёвым.

Дома № 97, 99, 101 – трехэтажные, с фронтонами и колоннами, внешне похожи, как три родных брата. Участок под один из домов директор придворной певческой капеллы выделил в приданое своей дочери, которая вышла замуж за А. Н. Оленина – выдающегося деятеля русской культуры, с 1811 г. директора Публичной библиотеки, с 1817-го – президента Академии художеств. В его доме бывали Карамзин, Жуковский, Крылов, Брюллов, Стасов, многие архитекторы, писатели, ученые, поэты. Весной 1819 г. юный Пушкин встретился здесь с племянницей жены Оленина – Анной Керн, которая приехала в столицу со стариком мужем – генералом. Поэт не произвел впечатления на музу. Да и он в то вре-

мя был влюблен в дочь хозяина дома Аннет, ей посвятил несколько стихотворений, среди которых «Я Вас любил, любовь еще, быть может...», «Вы избалованы судьбой...». Через несколько лет он сделал предложение, Аннет отказала ему, а много позже написала в своем альбоме: «Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых, или, лучше сказать, в стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому же ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава, природного и принужденного, и неограниченное самолюбие – вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия».

В описываемых домах сейчас живут наши современники, и ничто, кроме памятной доски, не напоминает о прошлых жильцах. Если кто-нибудь хочет представить обстановку тех далеких лет, оживить в памяти лица хозяев Олениных и всех их талантливых гостей, поезжайте в Приютино, что около Всеволожска, не пожалеете! Когда я забрела туда через сто пятьдесят лет после того, как те места покинули знатные хозяева, усадьба была безлюдна и довольно заброшена. Но прежние обитатели и гости дома смотрели с портретов, о них напоминали вещи, поэтический дух того далекого времени витал в комнатах, завораживал... В голове сами собой родились стишки.

В Приютинской усадьбе тишина,
В Приютинской усадьбе – ни души.
В дождливый день брожу я здесь одна
Вблизи от Ленинграда, но в глуши.

В кирпичном доме новые квартиры,
Где современники мои теперь живут.
А памятью Оленинского мира –
Две комнаты, их свято берегут.

Печать, шкатулка, тапочки – так мало
Свидетелей былых и славных дней.
Гостеприимство, знаем, отличало
Семью Олениных среди родных, друзей.

Вот банька, где ленивого Крылова
До ужина держали под замком,

Чтоб в новой басне метким словом
Изобразить он мог и стол, и дом.

А эту литографию на камне
В честь Коленьки, погибшего в войне,
Сложил друг дома – Гнедич славный,
Когда жил здесь, в Приютинё.

Ах, как в театр Оленины играли!
Глава семьи умел их вдохновить.
Когда ж Брюлловы декорации писали,
Вопрос не ставился, быть пьесе иль не быть.

А после, в честь удачного дебюта
Поев блинов – кто с рыбой, кто с икрой,
Усаживались в креслах поуютней,
Вели беседы до поры ночной

О музах, войнах и устройстве мира,
Читали древних, будущих светил,
В любви признанья делали кумирам
В стихах и прозе, кто как заслужил.

Среди гостей-поэтов – Пушкин Саша,
Поклонник он красавицы Аннет.
На предложение его руки однажды
Она ответила решительно: «Ну, нет!»

Любовь в душе его, быть может,
Угасла не совсем, но с этих пор
Олениных он больше не тревожит,
Сменил Приютино поэт на царский двор.

Друзей одних сослали в глушь Сибири,
Других безвременно прибрал к себе Творец.
Дом продали, красавец-пруд зарыли,
В столице доживал свой век отец.

И вот спустя сто тридцать в парке старом
Брожу я в дождь, услышанным полна.
И, как бывает, вдруг на звук гитары
В душе моей откликнулась струна.

Обуховский мост на продолжении Московского (бывшего Международного, имени Сталина) проспекта – одна из старейших переправ через Фонтанку. Здесь когда-то продолжалась торговая часть города и размещался

рынок — конный, потом толкучий, перенесенный позже к Малкову переулку. Я застала известную ленинградцам толкучку у Малкова, но особую — торговали жильем, квадратными метрами комнат. Нет, на многолюдном переулке и вокруг него в те годы не продавали недвижимость, здесь меняли, снимали, сдавали «жилплощадь», причем торговались довольно успешно. В период, когда мы с мужем часто перебирались из одной съемной комнаты в другую, пару раз приходили сюда проводить, как сейчас бы определили, маркетинг жилья.

Дом № 111 — полукруглое здание на площади, построенное в 1949 году на месте разрушенного в войну, занимает Петербургский государственный университет путей сообщения, одно из старейших учебных заведений России. Он основан манифестом императора Александра I в 1809 году, а памятные доски на фасаде свидетельствуют, что в этом вузе или учились, или работали выдающиеся люди России: академик П. П. Мельников — строитель железной дороги Петербург — Москва и первый министр путей сообщения; писатель Гарин-Михайловский — строитель Транссибирской магистрали; Я. М. Гаккель — создатель первых русских самолетов и тепловозов; наконец, Г. О. Графтио — академик, энергетик, создатель Волховской гидростанции.

Мне, гидротехнику со стажем, имя Графтио ближе среди других имен путейцев. Генрих Осипович закончил институт в 1896 году и до 1917 года, как и положено, проектировал и строил железные дороги, расширял трамвайный транспорт в Петербурге. Инженер с широчайшим кругозором, он занялся проектированием электрических станций в Крыму и Закавказье, в 1905 году — на Вуоксе, а с 1910 года приступил к проекту гидростанции на Волхове. Активный участник разработки плана электрификации России, Графтио был главным инженером во время строительства первенцев ГОЭЛРО — Волховской и Нижне-Свирской ГЭС, которая носит его имя. Энергетики особо почитают Генриха Осиповича, в поселках и городках гидростроителей обязательно есть улица его имени. Я жила на улицах Графтио у Нижне-Свирской и Камской ГЭС — чистых, зеленых, с рядом аккуратных веселеньких двухэтажных коттеджей — и представляла выдающегося инженера человеком не лишенным юмора и любви к прекрасному.

Институт инженеров железнодорожного транспорта, как еще недавно скромно именовалось учебное заведение, закончило много достойных людей и в советское время. Среди них чета хорошо знакомых мне людей. Выдержки из дневника юной Олечки, которые она вела и в блокадную ленинградскую зиму, на страницах этой книги приведены. Расскажу, что было дальше.

После окончания школы свое увлечение литературой и иностранными языками Ольга оставила до лучших времен и, как того требовало время и непростые обстоятельства жизни, поступила в технический вуз. С математикой и физикой жизнерадостная изящная девушка быстро перешла на ты, с легкостью училась, успешно закончила институт, но все-таки пошла не по железнодорожному пути. После поисков своего места в жизни и науке она решила идти по пути, начертанному академиком Графтио, и стала гидротехником. Если быть, то быть лидером! Ольга Николаевна прошла аспирантуру во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидротехники, там же стала кандидатом, а потом и доктором технических наук, одним из ведущих в стране специалистов в области фильтрации – взаимодействия воды с рукотворными сооружениями.

Муж Ольги Николаевны, тоже выпускник ЛИИЖТа, человек последовательный, даже консервативный, всю жизнь посвятил транспорту на паровой и электрической тяге. Борис Самуилович, практик с большим опытом, человек удивительно организованный, несколько последних десятилетий возглавлял отдел в трамвайно-троллейбусном управлении города, одной из сложнейших городских служб. Уже будучи в солидном пенсионном возрасте, он увлекся историей развития транспорта в Петербурге – Ленинграде – Петербурге и с коллективом таких же энтузиастов к 100-летию петербургского трамвая выпустил несколько толстых интересных книг.

Однокашники этой пары, разъехавшиеся кто куда более шестидесяти лет назад, все годы поддерживали связь друг с другом. Увы, их ряды поредели. После ухода из жизни Ольги Николаевны Борис Самуилович, такой же деятельный и в свои «за восемьдесят», каждое утро в семь часов выходил из дома и отправлялся в архив – для работы, без которой себя не мыслил:

– Мы еще не обо всем рассказали. Не знаю, хватит ли сил...

Планы, которые он строил, в частности, продолжение истории о людях, отдавших жизнь развитию транспорта в нашем замечательном городе, остались неосуществленными. Сил не хватило...

Петербургский государственный университет путей сообщения занимает кроме здания по Московскому проспекту и корпус, входящий в ансамбль дворца Юсупова.

Каменный дворец князей Юсуповых с садом, простирающимся до Садовой улицы, был сооружен в середине XVIII в. на месте деревянного. Дворец со стороны набережной при князе Николае Борисовиче был перестроен в 1790 г. по проекту Джакомо Кваренги в стиле классицизма с шестиколонным портиком, поддерживающим фронтон, галереями с

дорическими колоннами, украсившими другие фасады. Парадный двор со стороны набережной Кваренги обнес глухой стеной, которая прикрыла хозяйственные постройки со стороны ворот. В 1810 г. Юсуповы, имевшие великолепную усадьбу под Москвой – Архангельское и еще три дворца в Санкт-Петербурге, продали дворец на набережной Фонтанки казне, и в нем разместился корпус путей сообщения.

Кстати, дома № 117 и 119 также принадлежали министерству путей сообщения. И не просто принадлежали – в них располагался, как сейчас бы сказали, аппарат управления этими самыми путями. Как гласит памятная доска, первый министр путей сообщения России П. П. Мельников с 1962-го по 1969-й год работал именно здесь. Для меня же эти внушительные здания по набережной Фонтанки связаны совсем с другой личностью, о которой пойдет речь в третьей части книги.

Территорию на левом берегу Фонтанки между Семеновским и Обуховским мостами исторически занимали казармы. За Гороховой, недалеко от казарм Семеновского полка был расквартирован Московский полк. Московский лейб-гвардии полк сформировался лишь в 1811 году, назывался вначале он Литовским, за заслуги в операциях при защите Москвы полк переименовали. Прапорщик Пестель участвовал в компании 1812 года и был ранен у Бородина.

Мне показались интересными события, описанные в книге П. А. Канна.

В доме № 90 осенью 1825 г. в казармах собирались участники тайного Северного общества и пели сочиненную Рылеевым и Бестужевым песню:

*Вдоль Фонтанки реки квартируют полки. Слава!
Квартируют полки все гвардейские. Слава!
Их и учат, их и мучат ни свет ни заря. Слава!
Что ни свет ни заря для потехи царя. Слава!
Разве нет у них рук, чтоб избавить от мук? Слава!
Разве нет у них штыков на князьков-сопляков? Слава!
Разве нет у них свинца на тирана – подлеца? Слава!*

* Утром 14 декабря рота Михаила Бестужева под командованием его и брата Александра двинулась к выходу на Фонтанку, в воротах им преградил путь командир полка генерал-майор Фредерикс. «Отойдите прочь, генерал!» – А. Бестужев навел пистолет на генерала. «Прочь, прочь, убьем!» – подхватили солдаты. По узкому Семеновскому мосту полк ринулся на Сенатскую площадь. Так во дворе дома № 90 началось восстание декабристов.

Рядом с домом № 90 располагались загородные дачи, одна из них, кажется, принадлежала Екатерине Романовне Дашковой, подруге Екатерины Великой и президенту Российской Академии наук.

Сериал-киноэпопею о яркой жизни этой удивительной женщины, просветительницы и государственного деятеля, судьба которой мало кому известна из наших современников, в течение десяти лет создавала моя московская сестра, известный сценарист и кинорежиссер, академик Академии киноискусства. Сестра, перелиставшая сотни страниц исторических документов, утверждает, что у Дашковой не было дачи в Петербурге, она была незаслуженно обделена своей подругой, поэтому предпочитала жить в туманном Альбионе, где ее ценили по заслугам. А в конце жизни Великая сослала Малую (так называли Екатерину Романовну) в глушь России, в родовое имение.

— Посмотри внимательно все серии моего фильма и ты поймешь, что это за человек! Правда, где посмотреть фильм, на который я потратила столько сил и средств, кстати, государственных средств, не знаю. Фильм лежит под диваном, то есть пока что представляет собой недвижимость. На телевидении с удовольствием показывают глупые детективные сериалы, идиотские передачи типа «Аншлага», а история России, о любви к которой столько разговоров, никому сегодня не интересна. Даже канал «Культура» не может найти время в своей сетке, что просто не лезет ни в какие рамки! Придумали новое выражение — Вы «не в формате».

Мы спорим с сестрой по любому поводу, особенно если беседа заходит в область искусства, где она твердо стоит на верхней ступеньке пьедестала, в отличие от меня, технаря.

— Что ты можешь понимать «в формате» — «не в формате», глупая женщина? Конечно, мои фильмы «не в формате»! Они требуют мозговых усилий, сосредоточенности. Я воздействую на все органы чувств, которые у многих атрофированы, и у тебя в том числе.

— Зря за меня говоришь, я вполне понимаю, что ты хотела подчеркнуть.

На самом деле ее фильмы и про государственного деятеля XVIII века Дашкову, и про академика Ландау, и про «Красную Жизель» — балерину Спесивцеву, а еще раньше — про ансамбль великого танцовщика Моисеева и не менее великого режиссера Товстоногова и другие, заслужившие признание коллег и зрителей, сделаны необычно. Образы неординарных личностей, которые привлекают автора — режиссера неигрового кино и которые, по понятным причинам, отсутствуют, создаются посредством воспоминаний современников, потомков и при помощи уникальных архивных документов. Для усиления эффекта присутствия натурные съемки обязательно проводятся в местах жизни и деятельности героев, причем государственные

границы автора фильмов не останавливают. Отличная операторская работа (сестра – оператор по специальности, снимала первый свой фильм «Тихий Дон» у Герасимова) – будь то городской пейзаж, картина природы, сам интервьюируемый или только портрет героя на затемненной стене. Фильмы сопровождает тщательно отобранная музыка (сестра получила музыкальное образование), поясняющий текст за кадром (его читает актер) не заглушает естественные фоновые звуки – словом, все усиливает воздействие на зрителя.

– Зритель должен видеть, слышать, осязать, почти обонять, чувствовать – тогда он меня поймет. Ты, не специалист, меня не понимаешь.

Я в домашней обстановке посмотрела несколько серий «не в формате» сделанного девятисерийного фильма о Дашковой. Смотрела с большим интересом, не отрываясь, представляла себя рядом с героиней в той эпохе, хотя действие разворачивалось сразу в двух веках – в XVIII и в XXI. Например, на фоне кадров, в которых мы наблюдаем, как во время красочного празднования 300-летия Петербурга в 2003 году на Дворцовой площади о построении подразделения разводных солдат рапортует командир по фамилии Орлов (сестра специально приезжала на съемку), голос за кадром рассказывает о заговоре братьев Орловых, приятелях Екатерины Малой, которые привели на трон Екатерину Великую. И дальше: оркестры, марши, карнавальные костюмы шествующих по Невскому – все сближает эпохи. Потомок графов Воронцовых в Эдинбурге, типичный худощавый строгий англичанин, неторопливо рассказывает о посещении заботливой матерью Екатериной Романовной сына в университете. И так детально повествует о том, куда те ходили, где и как питались, так подробно перечисляет, что благодарная мать оставила учебному заведению, будто был свидетелем событий.

Мастерски снятые пейзажи Англии и Шотландии, описанные Дашковой во время путешествия, напомнили мое недавнее путешествие. Удивительные картины среднерусских перелесков и полей в местах последней ссылки героини сопровождались божественным хоровым пением (для озвучивания был специально приглашен ансамбль духовной музыки).

– Я понимаю твои фильмы. Во всяком случае, мне нравится. Так никто не делает кино.

– Поэтому я «не в формате». И не нравлюсь многим, хотя пользуюсь уважением.

По поводу проката последнего фильма я с сестрой не спорю. Действительно, по телевизионным каналам показывают рейтинговые передачи, зомбирующие молодое поколение, в них смех ниже пояса и кровь льется рекой. Неужели и дальше ничего не изменится?

12 августа 1811 года в одной из дач министра народного просвещения А. К. Разумовского, мальчики из обеспеченных семейств держали экзамен в открываемый Царскосельский лицей. Экзаменовали ребят сам Разумовский и директор лицея Малиновский. Среди экзаменующихся был юный Пушкин, он был принят и 9 октября того же года выехал в Царское село. (Со временем дома обветшали, на месте бывших садов разбили улицу и в год 75-летия знаменитой битвы назвали ее Бородинской.)

Интересно, что позже в соседнем доме № 92 – у Гороховой улицы жили родители Пушкина, которых он навещал после ссылки в 1827 году. Угловой «дом Петровых» славится внутренним круглым трехэтажным флигелем с круглым же внутренним двориком вокруг него. Правда, все дворы сегодня закрыты на кодовые замки, и мне пришлось подождать, пока кто-нибудь из жильцов выйдет, чтобы посмотреть на чудо архитектуры. Домик небольшой, любопытно, как спланированы в нем комнаты с криволинейными стенами.

Дом № 106 – участок между Введенским (засыпанным) каналом и Московским проспектом занимает Обуховская больница, одна из первых городских больниц императорского Петербурга. Она была построена на месте загородного дома министра Волынского, оговоренного недругами, которого Анна Иоанновна казнила за мнимое участие в заговоре. Открылась больница в 1779 г. для бедного «черного» люда и размещалась в шести деревянных домиках, отличавшихся антисанитарией. Больных обслуживал один врач и четверо помощников, в главном корпусе желтого цвета или, как его называли, желтом доме, лечили душевнобольных. Потом корпуса были перестроены: мужские – с набережной – по проекту с привлечением Кваренги, женские – с Загородного проспекта. В XIX в. здесь работали выдающиеся врачи – Майер, Арендт и знаменитый хирург Пирогов, которому впоследствии на территории больницы поставили памятник. С 1940-го по 1956-й здесь размещалась Военно-морская академия, а позже – часть Военно-медицинской академии.

Я приходила в больницу Военно-морской академии навещать после операции больную подругу, которая попала сюда, потому что трудилась в морском ведомстве.

С подругой Галей (за маленький рост ее прозвали Галей-Малей) мы вместе учились в институте. Как известно, у людей маленького роста комплекс неполноценности обычно возмещается бешеной энергией. Мужчины свою не востребовавшую сексуальную энергию сублимируют в

энергию разрушения или созидания, примерами тому в истории служили Наполеон, Ленин, Сталин. Маленькие женщины, которых я знала и знаю, во власть и политику особенно не стремятся, но завидной энергией обладают. Галя с детства была целеустремленным человеком, серьезно занималась науками и потом увлеченно работала в солидном военном заведении. Она занималась расчетами топлива для ракет, среди расчетчиков – мужчин слыла одной из тех, с кем можно идти в разведку и на испытания. Именно поэтому Галя-Маля проводила много времени в командировках на морях-океанах, окружающих Советский Союз со всех сторон. И к ракетам на подлодке «Курск» она тоже имела отношение, знала истинную причину ее гибели и унесла ее с собой в могилу.

В то время, когда наша подруга лежала на операции в Военно-морской академии, она была молода и еще не успела основательно угробить здоровье, что произошло позже. Для поддержания себя в спортивной форме Галина занималась... Ох, чем только эта маленькая женщина не занималась! Во-первых, что всех удивляло, баскетболом. При росте метр с кепкой (что-то около полутора метров), будучи страстной болельщицей институтской сборной по баскетболу, она заменяла выбывших за фолы девчонок: выбегала, пока не подходили опаздывающие члены команды, на поле, бегала наравне со всеми и даже передавала мячи на две головы длиннее ее девушкам. Мы в это время орали на трибунах: «Галка, давай! Жми!» И это при том, что наш институт выступал в высшей городской лиге среди вузов.

Галка участвовала в соревнованиях по лыжам, стрельбе и прыжкам в воду, делала заплывы на длинные дистанции на озере, реке или море. Помню, как-то мы вместе отдыхали. Я, проплыв пять минут, немного отдышавшись, ходила по берегу. Она появлялась из воды свежая, веселая, когда я собиралась домой.

– Ну что ты так быстро? Как здорово в воде! Так бы и плавала до вечера (или до утра).

На третьем курсе мы с Галей-Малей первый раз в жизни поехали в организованный туристский поход по Военно-Осетинской дороге. Не зная походных бытовых условий, положили в рюкзак по подушечке и одеяльцу – вместе с другими личными вещами, туристскими ботинками и снаряжением. Рюкзаки получились размером с нас. Когда на тропе я шла за Галей, то хохотала, несмотря на тяжесть за спиной, так как передо мной раскачивался мешок на тонких ножках, над которым в такт раскачивалась головка в панамке. Но зато этот такт выдерживался, Галя с ритма не сбивалась до самого перевала и дальше при спуске до следующего подъема. После летнего, так закалившего нас похода, мы решили поучаствовать в зимнем ночном ориентировании.

Оказалось, что за спиной тоже должен висеть рюкзак, но с грузом не менее двадцати килограмм. Так как у нас вещей не было, находчивые девушки со старшего курса посоветовали положить в качестве груза кирпичи из близлежащей кучи строительного мусора, что мы и сделали. Не знаю, что чувствовал древнегреческий мальчик, живот которого выедала лисица, но мы с Галей ощущали, что наши спины постепенно превращаются в кровавое месиво.

– Галка, я больше не могу, очень больно. Давай выбросим кирпичи.

– Мне тоже больно, но, может быть, потерпим? Скоро конец маршрута.

– Нет, ты как хочешь, я снимаю.

– Хорошо, но нас не будут презирать за слабость?

Еще через десять минут, в темноте не обсуждая больше, мы тихо сняли со спин пыточные мешки, вынули из них остроугольные куски кирпичей и вздохнули с облегчением. Все равно наша команда новичков не нашла ориентиры и плелась в хвосте. А Галка мне тогда напомнила Зою Космодемьянскую, героиню войны, которую фашисты гнали босиком по снегу. Пожалуй, всю дальнейшую жизнь она напоминала эту героиню.

В петровское время обширная территория от Московского проспекта и дальше вдоль реки представляла собой зеленый массив, ботанический сад, сады сохранились и до настоящего времени. Ближайший участок переходил от одного хозяина к другому. Сначала здесь был аптекарский ботанический сад, потом император Петр I подарил землю своему денщику, от которого она перешла к графу Зубову, и в конце XIX в. ее приобрел купец Тумпаков, который соорудил в маленьком, площадью 1,5 га саду с беседками и павильонами шутиливый театр (буфф).

В начале XX века здесь ставились оперетты Штрауса и Кальмана, слух услаждала знаменитая Вяльцева, не отставали от нее исполнители цыганских песен. В годы моего детства в переименованном саду – Измайловском блистали выдающиеся актеры Юрьев и Корчагина-Александровская, Утесов и Орлова. С 1980 года здесь работает Молодежный театр на Фонтанке, популярный и любимый не только молодым зрителем. Признаться, из-за неудобства с транспортом я была в этом театре только пару раз и удовольствие получала не только от искренней живой игры актеров, но и от прогулок перед началом и по окончании спектакля по аккуратным дорожкам сада к набережной, особенно в белые ночи. Сегодня большая часть садовой территории представляет строительную площадку. Справа, в центре и сзади возводятся какие-то громадные здания, думаю, что не имеющие отношение ни к саду, ни к театру «Буфф».

Из Измайловского сада можно попасть в следующий сад – усадьбы под № 118, принадлежащей с 1791 года Гавриле Романовичу Державину. Польско-

Державинский сад (так значится на табличке) с фонтанами и павильонами сегодня пытаются воссоздать: в саду живут и работают гастарбайтеры из Средней Азии, все перекопано, но есть надежда, что в недалеком будущем посетители особняка будут наслаждаться былой красотой цветников и фонтанов. В особняке, перед которым стоит памятник поэту, к 300-летию Петербурга устроен музей Державина. Восстановлены анфилады комнат первого и второго этажа главного здания, в боковых пристройках находится научно-просветительский отдел по истории русской литературы XVIII века.

Хочется напомнить читателю об удивительной, яркой жизни выдающегося поэта, учителя Пушкина («Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»), сегодня не очень читаемого. Если о литературных талантах учителя поэта вы слышаны, то о Державине — государственном деятеле, признайтесь, не очень. Я, по крайней мере, забыла.

Потомок одного из ханов Золотой Орды, владевшего когда-то землями и людьми, со временем обедневшего до нескольких деревушек с десятком крестьян около Казани, Гаврила Романович, сын небогатого офицера, получил хорошее образование, знал немецкий, хорошо рисовал, играл на скрипке. Когда он остался сиротой, был вызван в Петербург для прохождения службы в лейб-гвардии Преображенском полку. Только в тридцать три года после увольнения из армии началась его литературная и государственная карьера. Послужной список этого выдающегося деятеля был удивительным, ведь Державин служил при пяти императорах. Он застал Елизавету, служил Петру III, был в числе тех, кто привел на трон Екатерину, был оценен по заслугам и стал ее статс-секретарем. Он докладывал императрице о письмах, жалобах и судебных делах, которые подлежали обсуждению в Сенате, при этом давал советы, она противилась, но ценила его. Державин был назначен сначала губернатором Олонецкой губернии, потом Тамбовской. При Павле (молочном брате покойной жены Гаврилы Романовича) он заседал в Сенате, был государственным казначеем. При Александре I Державин, став министром юстиции, очень ретиво исполнял обязанности, позволял себе постоянно учить императора, за что был снят через год с этой высокой должности и отправлен на заслуженный отдых. Умер «отец русских поэтов» в возрасте семидесяти одного года в 1816 г.

Достройка купленного дома проходила при деятельном участии близкого друга Державина — архитектора Львова. Дружья были женаты на родных сестрах, и позже бездетные Державины выводили в свет трех дочерей Львовых. Поэт и его приятель адмирал Шишков в 1807 году организовали кружок «Беседа любителей русского слова», собрания которого проходили ежемесячно

в державинском особняке за громадным овальным столом. Среди прочего обсуждали проблему замены иностранных слов: аудитория – слушалище, оратор – краснослов, калоши – мокроступы, бильярд – шарокат... Вот бы их сейчас к нам, пусть бы разобрались с нашими провайдерами, менеджерами, дилерами, киллерами, брокерами и презентациями!

К особняку съезжались кареты, сверкали золотом мундиры... Особняк окружал красивый цветущий сад, который обихаживали последовательно две любимые жены поэта. Первая, Екатерина Яковлевна, моложе поэта на семнадцать лет, умерла молодой, уход за садом осуществляла практичная Мария Яковлевна. После смерти второй жены поэта (она пережила его на двадцать пять лет), так как прямых наследников у Державина не было, особняк был продан Римско-католической духовной коллегии, находившейся в глубине квартала.

В кабинете Гаврилы Романовича из его личных вещей сохранен большой темно-серый с тиснением кожаный портфель, подаренный статс-секретарю Императрицей Екатериной Великой. Из этого портфеля он извлекал бумаги ей на подпись, после чего передавал их в суд или Сенат. Интересный экспонат украшает стену кабинета: в раме висит большая картина «Река времен», где в виде рек разной длины и ширины, текущих параллельно друг другу, представлены различные государства.

Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы...

Стих остался незаконченным – это последние строки, написанные слабеющей рукой поэта. Мне, человеку, связавшую свою жизнь с реками, особенно близка и интересна река времен Державина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВВЕРХ ОТ УСТЬЯ

Свои последние метры Фонтанка делает по территории острова, занятого закрытым кораблестроительным объединением «Адмиралтейские верфи». Правый берег Фонтанки заканчивается бывшей Калинкиной деревней, там сейчас площадь Репина. Илья Ефимович, великий русский живописец, с 1882-го по 1895 год жил на площади в доме № 3/5. По просьбе художника в доме соорудили мансарду, в которой он писал «Ивана Грозного», «Запорожцев», «Крестный ход», «Арест пропагандиста» и другие известные полотна. В его квартире проходили заседания правления «Товарищества передвижных художественных выставок».

Последнее здание по набережной у Старо-Калинкиного моста – кирпичное, с башней Коломенской пожарной части – мрачное и сегодня. Когда-то в нем размещалась полицейская часть. Гулять по набережным нижнего течения Фонтанки довольно скучно.

Весь левый берег Фонтанки в XVIII в. делился на три предместья: от Невы – Александро-Невское, от Невской перспективы – Московское, от Измайловского полка до залива – Лифляндское. У устья селилась сволочь (сволоченные со всей Руси работные люди).

На самом деле жилых зданий в этой части набережной почти нет, здесь все больше располагаются больничные корпуса различных медицинских учреждений.

Дом № 166. Уже в первые годы существования Петербурга сифилис и гонорея, или, как тогда говорили «перелой», получили такое распространение, что Петр I приказал полиции вылавливать в городе «гулящих девок» и заключать их в так называемые прядильные дома, где они занимались прядением. Один из них близ впадения реки Фонтанки в Финский залив был превращен при Елизавете Петровне в лечебное заведение – Калинкинскую больницу (от названия деревни Кальюла или Каллина). С самого начала больница была учреждена как полицейско-исправительное заведение для «непотребных жен и девок». Из-за ветхости строений и острой необходимости увеличить число коек в 1832 году на месте старых корпусов было построено по проекту архитектора Л. И. Шарлеманя здание, которое сохранилось до наших дней (сейчас здесь бизнес-центр, а совсем недавно в этом здании находился Научно-исследовательский технологический институт антибиотиков и ферментов медицинского назначения. прим. авт.). В числе пациенток этой больницы были и проститутки из борделей всех разрядов. В

1922 году больнице было присвоено имя В. М. Тарновского, организатора первого в мире сифилидологического и дерматологического научного врачебного общества в Петербурге.

На углу Фонтанки и Старопетергофского проспекта находится Военно-морской госпиталь – первый в России. На стене здания укреплена мемориальная доска с надписью: «Императорская Адмиралтейская госпиталь, учрежденная Государем Петром Великим в 1715 г. ...Всякий изможденный служивый найдет себе помощь и успокоение, которого ему досель не было, дай только Бог, чтобы никогда многие не имели нужды сюда быть привезены».

Сегодня здесь может лечиться 10 тысяч ветеранов и воинов флота.

В доме № 154 находится Северо-Западный окружной медицинский центр Федерального агентства по здравоохранению. Во второй половине XIX века здесь размещалась Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях. Идея принадлежала Н. И. Пирогову, которого в начале Крымской войны поддержала великая княгиня Елена Павловна. Общину создали, и уже в октябре 1854 года 30 женщин изъявили согласие отправиться в Крым для оказания помощи (всего было отправлено 5 отрядов сестер).

В доме № 148 с 1787 года долгое время находился Повивальный институт на 20 коек, которому с 1828 года покровительствовала великая княгиня Елена Павловна. При институте была школа, в ней одновременно могли обучаться 22 воспитанницы. В 1845 году при этом же институте начала работу первая в России школа сельских повивальных бабок. Постепенно центр стал ведущим акушерским центром. Работу института возглавлял Д. О. Отто, который и стал инициатором постройки нового здания на Васильевском острове, специально приспособленного под нужды «родильного дома». В начале XX века институт переехал, и сейчас мы его знаем под именем НИИ акушерства и гинекологии РАМН им. Д. О. Отто.

Здание же на Фонтанке сохранило свое «лечебное» предназначение. После переезда в 1904 году «Собственного Ея Императорского Величества повивального института» со школой акушеров здесь поселилась Община сестер милосердия, которая развернула лазарет для раненых, – шла Русско-японская война. В советское время здесь размещалась больница имени Урицкого, в 1990-е годы преобразованная в городской гериатрический центр. О бывшем здесь когда-то Повивальном институте напоминает скульптурная композиция «Мать и дитя».

Лечебные заведения вдоль набережной разбавляют несколько корпусов внушительного вида. Почти до самого Египетского моста территорию занимает предприятие «Госзнак» (дом № 142), основанное в 1818 году как

«Экспедиция заготовления государственных бумаг», т. е. ассигнаций, облигаций займов и других важных бумаг. Предприятие занимает целый фабричный городок из 20–25 корпусов, павильонов и флигелей, соединенных между собой галереями или навесами и протянувшихся до Рижского проспекта. Длина фасада по Фонтанке достигает 200 сажен. Производительность Экспедиции – 270 миллионов печатных листов и до 80 тысяч пудов бумаги в год. Одних почтовых марок для писем печатается ежегодно около 300 миллионов и гербовых – до 150 миллионов (! – прим. авт.). Работающих в Экспедиции около 3700 человек. При Экспедиции имеется церковь на 2000 молящихся и хор из 80 человек, служащих в Экспедиции, школа, ясли, лазарет на 44 кровати, столовая на 600 человек, мелочная лавка для продажи служащим разных предметов потребления и, наконец, театр.

Потом снова идут больницы. Большую территорию (дом № 132) занимает заведение, известное с давних времен под именем Александровской больницы. «Больница для чернорабочих» была основана в память 19 февраля 1861 года, перед главным фасадом на постаменте установили бронзовый бюст Александра II. Потом случилась Великая Октябрьская, бюст сбросили в Фонтанку, больнице присвоили имя 25-го Октября и в советское время именно сюда свозили бомжей и пьяных. В 1992 году коллектив больницы переехал на проспект Солидарности, а в старые корпуса вселили психиатрическую больницу № 5 с улицы Лебедева. Во дворе больницы одиноко стоит постамент с выведенным на нем белой краской вопросом: «Кому будет памятник?», а вход в психиатрическую – с противоположной стороны.

Здесь обрело покой удивительное существо по имени Нэлли, жившее в моем доме в Соляном переулке, в квартире ниже этажом. Диалоги, которые проходили между неподвижно сидящей в открытых дверях квартиры женщиной и жильцами, поднимающимися по лестнице на своих двоих, стоило бы стенографировать. Иногда я оказывалась участницей диалогов, иногда – свидетелем. Некоторые из них, сохранившиеся в памяти, предлагаю читателю.

– «Скорую» вызывали?

– Да-а-а...

– На что жалоба?

– Ни на что. Ничего не болит, только не могу встать со стула.

– Давно здесь сидите?

– Пять дней уже. Ноги не ходят.

– А в туалет тоже не ходите?

– Нет, не могу, соседка мне ноги сломала.

– Как это сломала?

– Из вредности. Хочет убить меня.

Доктор, симпатичный молодой мужчина, к этой странной особе не приближался, вопросы задавал издали, стоя по другую сторону входной двери. Она же, улыбаясь, сидела непосредственно за дверью. От входа при тусклом свете лампочки просматривалась часть старого шкафа, два сломанных стула, грязная, не мытая, очевидно, в течение последних десяти лет газовая плита. Неприятный запах из квартиры и непосредственно от больной, видимо, испугал доктора, во всяком случае, желания коснуться ее неподвижной конечности не вызывал. Он продолжил спрашивать.

– У Вас вшей нет?

– Что Вы! Нет, конечно, – больная захихикала.

– А тараканы есть. Вон жирный какой по Вам ползет.

– Да, есть. И мыши у нас есть. Но сил моих не хватает с ними бороться. Это соседи развели, которые надо мной издеваются. Отравить хотят, вот и «скорую» долго не вызывали.

– Но вызвали все-таки. Давайте я давление измерю.

Он наклонился, перемотал резиновым жгутом руку поверх халата, взглянул на прибор, потом двумя пальцами поднял полу халата выше колена.

– Знаете, давление у Вас нормальное. Но дистрофию могу зафиксировать. А как Вы питаетесь?

– Никак. У меня деньги давно закончились.

– Неужели соседи не могут Вас покормить?

Доктор с осуждением посмотрел на меня, единственную представительницу соседей, стоявшую на лестнице перед дверью квартиры номер два.

– Вы знаете, доктор, последние двадцать лет она не работает и средств к существованию не имеет. Живет исключительно подачками жильцов. Все носят, кто что может.

– А родственники?

– Отказались.

– Не отказались, а не приезжают, потому что соседи им не хотят позвонить, – вступила Нэлли. – Мне через неделю пенсию должны платить, тогда деньги будут.

– Какую же пенсию будут Вам платить, если Вы не работали?

– По возрасту. Я перестала работать только в 1991 году, в перестройку. Мне тогда запретил КГБ – велели следить за жильцами и не выходить из дома. С тех пор я не выхожу.

– Все ясно. Она не по моей части. Надо вызывать психиатра.

– Зачем психиатра? Меня уже пытались упечь, не вышло. Мне нужна

Вирская, наш участковый, а она не хочет лечить. Говорит, что я дверь не открываю.

— Ну все, гражданка. Я помочь Вам не могу. У меня вызовы, больные ждут. Участковому вашему передам свои впечатления, она придет к Вам и вызовет специалиста, психиатра. А вы, соседи, все-таки носите больному человеку что-нибудь, чтобы она могла дойти до постели.

До переезда в прошлом году в новую квартиру я не представляла, что бывают такие особы. Нет, больных, нищих, пьяниц, бомжей — видела предостаточно, но подобный экземпляр...

С детских лет Нэлли жила с мамой и бабушкой в этой квартире. Жили, видимо, неплохо, во всяком случае имели приличную обстановку, даже предметы, представляющие антикварную ценность.

После школы Нэлли получила специальное образование и работала бухгалтером на заводе, потом перешла в какую-то небольшую фирму. В эти годы болела ее бабушка, лежала парализованная. Нэлли к ней не подходила, свое равнодушие объясняла большой занятостью. Мать Нэлли вела хозяйство, ухаживала за больной и кормила здоровую дочь. После смерти бабушки мать с дочерью постоянно ругались; как утверждали соседи, неправой стороной чаще бывала Нэлли. Особенно ругань усилилась в годы перестройки, когда сокращались многие производства и Нэлли оказалась без работы. Сильные и упорные старались найти себе место под солнцем, а слабые — сдавались. Дочь ничего не искала, перешла на иждивение матери, которая продавала фамильные ценности, а на вырученные деньги покупала нехитрую еду. После ее смерти Нэлли осталась одна. Родственники у нее были, но жили они в других районах города, и только ее дядька занимал комнату на последнем этаже по нашей лестнице. Прежде родственники помогали двум старушкам, но помогать молодой Нэлле, которая не желала о себе заботиться, принципиально отказались. Дядька, старый и больной, сам нуждался в опеке.

Итак, в дверях квартиры номер два, что под нами в бельэтаже, сидела худая стриженная блондинка с тонкими чертами лица и робким извиняющимся голосом просила позвонить ее родственникам и позвать их к ней. Иногда ее заменяла торчащая из двери записка. Или записка лежала перед дверью. Записок вообще было много. Они были адресованы к нам, жильцам квартиры над ней, к жильцам квартир верхних этажей, к проходящим по улице мимо окон. Обращения к народу просматривались сквозь немытые десятилетиями два окна. Однако при желании можно было разглядеть текст, написанный почти каллиграфическим почерком на тетрадных листках в клеточку красным фломастером.

«Соседям из 4-ой квартиры. Если вы сможете мне помочь, зайдите. При отказе оставьте эту записку где-нибудь на вашем этаже или верните мне, но дальше я, наверно, не выдержу».

«Надо обязательно дозвониться моим родственникам, Вете и Олегу. Олега легче застать в шесть-семь утра, его жена в этом отношении лицо бесполезное, с ней лучше не говорить».

Первый раз я откликнулась на просьбу.

— Здравствуйте, можно к телефону Олега?

— А кто его спрашивает?

— Я новая соседка Нэлли, мы с мужем переехали в квартиру над ней. Она не может ходить, телефон отключили, очень просила передать Вам, чтобы Вы пришли ее навестить и чтобы принесли продукты.

— Не завидую Вам. Она теперь Вас достанет, как достала нас с мужем и семью его брата. Вы знаете, что она значительно моложе нас и здоровее? Сколько лет могут нездоровые пожилые люди возить продукты молодой никчемной Нельке?! Надоело. Муж недавно перенес инфаркт, у меня больные ноги. Очень прошу Вас больше не звонить. Вам я сочувствую, а она пусть продает остатки прежней роскоши. Пенсию, думаю, она не получит, тем более что не пожелала поменять паспорт.

Хватит родственников решила я. И попыталась реагировать на другие записки.

«Мне надо вызвать врача. Может быть, с помощью работника собес или какого-нибудь благотворительного органа для умных людей это не проблема».

«Положение, при котором уничтожаются документы, долго существовать не может. Мне надо получить справку из поликлиники от Вирской о том, что я не могу выходить на улицу из-за повреждения ноги соседями. Запись о моем состоянии в 2003 году, сделанную в Мариинской больнице, надо сохранить несмотря на указания соседей».

После работы я пошла на вечерний прием к участковому врачу, отношения с которой за десятилетия нашего знакомства сложились самыми приятными. Она улыбнулась, увидев меня, но услышав просьбу прийти в квартиру номер два тут же изменилась в лице. Голос зазвучал резко и на высоких нотах, а спокойный взгляд заискрился молниями.

— И не просите! Не пойду к этой симулянтке! Я знаю ее давно и знаю, что у нее нет причин меня вызывать. Ходить она может, может прийти на прием. Довела себя до состояния бомжа, жилище — до помойки. К тому же она не открывает дверь, вызывает меня и лежит, а я должна стучать и по полчаса стоять под дверью.

«Больше я такого издевательства выносить не могу, с дистрофией и больной ногой! Если кто-нибудь придет, скажите, чтобы ломали дверь».

«Я не вижу смысла для людей в том, чтобы убить нас и признать себя холопами соседей, как этого требует их Сатана».

«Еще просьба: мне надо, чтобы кто-то принес продукты, для этого надо разменять деньги, которые у меня остались. Если кто-нибудь сможет, зайдите, когда я на кухне».

Я после работы тащила домой сумку с продуктами. Она оттягивала руки, ноги увязали в грязи и на последней части километровой дистанции еле передвигались, мне было жарко и хотелось есть. Но я помнила, что Нэлли надо принести два кило муки. Спрашивается, почему два? А если один? И не «Макфу», она отсутствовала в пяти магазинах, встретившихся по дороге. Нэлли сидела в дверях бодрая и приветливая в отличие от меня — загнанной и мрачной.

— Знаете, «Макфы» не было, я взяла Вам «Предпортовую».

— А я ем только «Макфу», другую не ем!

В хорошую летнюю погоду я рискнула дать Нэлли совет:

— Что, если Вы попробуете сделать пять шагов и выйдете из парадной во двор?

— Зачем? Меня ноги не держат.

— Попробуйте, может, выдержат! А я зачем хожу? А почему другие должны к Вам ходить?..

В ее квартиру, тем более в комнату — страшно было заглянуть. Сантехник Слава, который живет на четвертом этаже, человек привычный ко всякому, объяснил, что в сортир квартиры номер два он без респиратора заходить боится:

— Ох, Вы даже не представляете! Там все в дерьме и моче!

— Представляю.

Как-то я поинтересовалась у соседки:

— Нэлли, Вам не холодно сидеть перед входной дверью в морозы? Хотите, я принесу Вам свитерок?

— Спасибо, у меня теплый халат фланелевый, свитер я не смогу снять, если врач придет. А в комнате у меня не теплей. Они меня вымораживают, хотят уморить.

— Кто?

— Соседка, она травит меня какой-то гадостью. Ногу сломала, двери держит закрытыми, звонок срезала, телефон отключила.

Бедная соседка! Если бы я была на ее месте, давно придумала бы что-нибудь радикальное. Четырнадцать лет терпеть рядом человека, не желающего

пошевелить ни рукой, ни ногой, утопающего в грязи! Как мы раньше жили в коммуналках?! Но, наверно, раньше не было других, отдельных квартир. Коммунальные были нормой, а сегодня подобный бомжатник – отрывка прошлого. Соседка, та самая «дочь Сатаны», на самом деле приятная женщина чуть моложе Нэлли, мать двоих взрослых детей. Она была в ужасе от сложившейся ситуации.

– Вам в страшном сне не снилось, как я живу с ней. Дочь, слава богу, уехала к мужу, сын, студент, боится после института зайти в дом.

– А почему она только печет оладьи?

– Вбила в голову, что это полезно для здоровья. Вообразите: мука и вода, и так несколько лет почти каждый день, ничего больше. Думаете, не может выйти из квартиры? На первом этаже живем. Тоже вбила в голову, что ноги не ходят. Держит дверь открытой. Любой бомж и наркоман из тех, что живут во дворе, ночью открывает дверь и ходит по квартире. Если я ночую дома, боюсь уснуть: запираюсь и жду, вот сейчас шаги приблизятся к моей комнате, и кто-нибудь начнет ломиться. Или еще хуже: эта психическая устроит взрыв газа и сожжет себя, меня и Вас заодно.

По дороге домой от станции метро «Чернышевская» я представляю Нэлли, судьба которой меня постоянно волнует. Да, государственным органам до нее, человека без паспорта и средств к существованию, нет дела. Родственникам она надоела. К кому обратиться за помощью? В поликлинику? Не помогли. В собес – бессмысленно, скажут, что не их кадр. В церковь? Какую? В Спасо-Преображенский собор, он на нашей территории? К губернатору Матвиенко? Она может откликнуться и прислать какого-нибудь инспектора.

Я представляю закутанную в грязный халат тощую фигуру в дверях и чувствую свою бесполезность, перерастающую в злость. Почему я, человек старше ее почти на семнадцать лет, каждый день хожу на работу, в оба конца проделываю не очень здоровыми ногами ежедневно четыре километра, тащу сумки с продуктами, возвращаюсь уставшая и слышу в дверях: «Это Вы поставили мне на стол муку „Предпортовую“?!»

Тощая ручка протягивает мне бумажки, глаза умоляюще смотрят, рот робко изгибается в подобие улыбки.

– Я ее не могу есть. Возьмите, пожалуйста, шестнадцать рублей, мои последние деньги, и принесите, пожалуйста, «Макфу». И позвоните родственникам, может быть, они навестят меня.

«Боже правый! За что?!» – думаю я.

Прошло два месяца. Новая железная дверь отделяла обитателей квартиры от внешнего мира. За дверью было тихо, не появлялись записки, не слыша-

лись крики о помощи. О Нэлли напоминало лишь два мутных окна комнаты. Что с ней? Где бедное существо?

А «существо» соседка устроила в больницу. Потом по состоянию заболевания Нэлли перевели в другую, психиатрическую. А еще через месяц, когда соседка позвонила в больницу и справилась о ее здоровье, в справочном бюро ответили:

— Она неделю назад умерла. Труп лежит в морозильной камере, никто не забирает. Если хотите, забирайте. У нас таких бесхозных много, лежат месяцами.

— Ну уж нет! — рассказывала соседка. — Похоронила я Нэлли как положено и, между прочим, на свои деньги. Родственники хоронить отказались, но приехали за вещами покойной. Вы знаете, они вывезли пять машин вещей. В кучах хлама среди вонючих тряпок и трехдохлых мышей оказалось много антиквариата, золотых украшений, бриллиантовые серьги, броши, красивые штуки... Я даже не подозревала, какая она была богатая!

— А почему же она не могла продать и нормально питаться?

— Шизофрения и психоз, что Вы хотите!

В путеводителе 1843 года по Санкт-Петербургу написано следующее:

«Первая и вторая Адмиралтейская части как бы нарочно предназначены для жительства высшего класса общества. Присутственные места, канцелярии гражданского и военного управления, обширные магазины и лавки и лучшие кондитерские сосредотачиваются в первых двух Адмиралтейских частях. Оттого и квартиры здесь гораздо дороже, чем в других частях. Третья Адмиралтейская часть отличается большей численностью и может называться главным пунктом промышленной деятельности Санкт-Петербурга. Жители ее принадлежат к среднему и низшему классам общества, мещанам, крестьянам, производящим розничную торговлю. Внутренние помещения в домах, особенно дворы, малоудобны, тесны и даже отвратительны для глаз своей нечистотой».

А вот из повести Достоевского «Бедные люди»:

«Чтобы как-нибудь освежиться, вышел я походить по Фонтанке. Вечер был такой темный, сырой. Дождя не было, зато был туман, не хуже доброго дождя... Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабухонки в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, какой-нибудь испитой слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый... На мостах сидят бабы с мокрыми пряниками и гнилыми яблоками, и все такие грязные, мокрые бабы... Мокрый гранит под ногами, по бокам дома высокие, черные, закоптелые... Такой грустный, такой темный был вечер сегодня!»

В конце сороковых годов XX века у не восстановленного еще Египетского моста стояли шлюпки, штук двадцать шестивесельных ялов, принадлежавшие Первому Балтийскому высшему военно-морскому училищу, а службу на них нес в то время двадцатилетний курсант Виктор Конецкий. «Фонтанка в белую ночь была без всплеска тиха, набережная пустынна. Только изредка промчится „Скорая помощь“, разбрызгивая оставшиеся после короткого дождика лужи. Или пройдет хмурый милиционер. Кошка перебежит из парадного в подворотню четырехэтажного дома № 136, проходного, сквозь открытые ворота которого видны мусорная яма и поленицы дров. Или вдруг, на радость тебе, вылезет из подворотни собака – уж такого дворняжского вида, что дальше и ехать некуда: мокрая и испачканная...» (из рассказа «Под сенью русских сфинксов в Коломне»). Матрос Конецкий вылезал, чтобы размяться, из шлюпки, подходил к сфинксу – полуженщине-полульву, заглядывал в снарядную пробоину под ее левой грудью, кидал туда окурки и шел назад вдоль шлюпочного цуга дежурить дальше.

Не правда ли, за сто лет ничего не изменилось?

Египетский мост был построен в 1826 г. – цепной, висячий, однопролетный, богато оформленный. Колонны и балки украшали египетские иероглифы, на головах сфинксов при въезде укреплялись шестигранные фонари, архитектурные детали и решетки были вызолочены. 20 января 1906 г. на мост вступил третий эскадрон конногвардейского полка – 60 всадников. Раздался удар, крики, шум, ржание коней... Мост рухнул, не выдержав резонансного движения. Всадники не погибли, только искупались в ледяной воде, утонуло несколько лошадей. Мост перестроили в несколько упрощенном виде, но с прежними сфинксами.

Совсем нетипичное для этой унылой части набережной заведение я случайно обнаружила, разыскивая под дождем вход в психбольницу. В глубине одного из несимпатичных внутренних дворов притулился флигелек, над одной парадной которого красовалась яркая вывеска «Театр дождей». Надо же! Не была, не слышала, не знала о таком. А репертуар, между тем, включает «На дне», «Чайку», «Поминальную молитву» – не слабо! Надо будет посмотреть.

Для меня район в нижнем течении Фонтанки связан с именами двух людей, которые всю сознательную жизнь формировали мой духовный мир. Первый из них, далекий во времени, – Александр Сергеевич Пушкин. Второй, проживший бок о бок со мной более полувека, – муж Борис Марголин. Поэтому пусть не смущает читателя топографическая неразбериха, царящая на следующих страницах, – она кажущаяся. Композицию этой части опреде-

ляет не столько течение Фонтанки, сколько течение жизни этих двух людей. Расскажу сначала о первом, потом — о втором.

Да простят мне знатоки поэзии неоригинальность, но я считаю Александра Сергеевича Пушкина лучшим российским поэтом, величайшим из поэтов. Мне нравится не только его перечитывать в дни печали и радости. Особенное удовольствие доставляет брать знакомые строфы эпиграфами к своим прозаическим вещам или переделывать гениальные строчки на свой лад и дарить, что получилось, родным и друзьям по разным поводам. Успех я честно делю с Александром Сергеевичем, о чем регулярно признаюсь поэту в памятный день 10 февраля в его последней квартире на Мойке, 12 и, тому уже тридцать лет, когда иду мимо домика няни поэта в поселке Кобрино в свой дачный домик.

Пушкин после окончания лицея в течение трех лет (1817–1820) жил в семикомнатной квартире родителей в доме № 185 по набережной Фонтанки.

В этом же доме в начале 1840-х годов поселился Карл Иванович Росси. Великий зодчий, создатель аристократических кварталов столицы жил здесь, и именно в этот период его преследовали семейные горести. В 1846 году в Ревеле после длительной болезни умерла жена, в том же году в Италии от чахотки умер любимый старший сын. Карлу Росси шел семьдесят первый год, силы были на исходе, донимала нужда. 5 апреля 1879 года он почувствовал себя плохо и на следующее утро скончался...от холеры. Похоронили великого зодчего на лютеранском Волковом кладбище. Грустно!

Дом был трехэтажным, Пушкины жили на втором этаже. По свидетельству соседа с первого этажа: *«Дом их всегда был наизнанку: в одной комнате богатая старинная мебель, в другой — пустые стены или соломенный стул, многочисленная, но оборванная пьяная дворня с баснословной неопрятностью, ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег до последнего стакана».*

Александр занимал комнату окном во двор, где был небольшой сад. Сохранилось ее описание, сделанное переводчиком В. А. Эртелем: *«У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкою на голове. Возле постели на столе лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого. Здесь он писал поэму „Руслан и Людмила“».*

Пушкина я воспринимаю как своего хорошего знакомого — со всеми достоинствами и недостатками. Непоседливость его и живость, особенно в юные годы, понятны, сама была (говорят, и есть) такая. Интерес к противоположному полу, доходящий до половой распущенности, тоже можно понять,

принимая во внимание долгое воздержание в лице и африканские страсти, которые кипели в молодой крови.

После окончания лицея в 1817 году восемнадцатилетний Пушкин был зачислен в Коллегию иностранных дел, но... с головой погрузился в водоворот столичных развлечений, вознаграждая себя за скуку во время учебы.

Как пишут ближайшие друзья, вся его жизнь в Петербурге закручена каким-то вихрем, он отдыхает и предается литературному творчеству только, когда бывает болен. Князь Вяземский и Александр Иванович Тургенев постоянно переписывались между собой и осведомляли друг друга о младшем и самом многообещающем в «Арзамасе» собрате по перу Сверчке. Вот как они характеризовали его жизнь.

«Сверчок прыгает по бульвару и по бл...ям, но при всем беспутстве его он кончает четвертую песнь поэмы. Первая х... болезнь была и первую кормилицей его поэмы» (А. И. – В-му 18.12.1818).

«П. слег: старое пристало к новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься. Венера пригвоздила его к постели и к поэме» (В-ий 12.02.1819).

«П. простудился, дожидаясь у дверей одной бл...и, которая не пустила его в дождь к себе для того, чтобы не заразить его своей болезнью. Какая борьба великодушия, любви и разврата!» (лето 1819).

«Я стражду восемь дней / С лекарствами в желудке, / С Меркурием в крови, / С раскаянием в рассудке...». А это уже сам поэт.

Вращался Пушкин среди великосветской и гвардейской молодежи, которая увлекалась театральными интересами. *«Здоров ли ты, моя радость; весел ли, ты моя прелесть – помнишь ли нас, друзей (мужеского полу)? Мы не забыли тебя, и в семь часов с половиной каждый день вспоминаем тебя в театре рукоплесканиями, вздохами»* (А. П. – П. Б. Мансурову, гвардейскому офицеру, 27.10.1819).

В донжуанский список поэта в годы жизни на Фонтанке вошла под именем Катерины II знаменитая трагическая актриса Екатерина Семенова, которая действовала на юного поэта обаянием таланта. *«...Говоря о русской трагедии, говоришь о Семеновой и, может быть, только о ней. Одаренная талантом, красотой, чувством живым и верным, она образовалась сама собой. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения – все сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано... Семенова не имеет соперницы, она осталась единодержавною царицей трагической сцены»* (А. П.).

«Соперницей» в послелицейские годы была хозяйка одного из самых известных петербургских салонов княгиня Голицына, во всяком случае, она прочно поселилась в сердце поэта. При том, что она была старше поэта почти на двадцать лет, занимала первое место среди его петербургских увлечений. Ничего удивительного, что в свои сорок лет она поражала двадцатилетнего юношу красотой. И в ХХI веке сорокалетние дамы смотрятся очень молодо, успевая при этом трудиться, содержать дом (без прислуги!) и воспитывать мужа и детей.

Александр иногда навещал младшего брата — Льва и его приятеля Мишу Глинку, которые учились в благородном пансионе при главном Педагогическом институте. Пансион в 1817–1821 годах размещался неподалеку, на другом берегу Фонтанки в одном из последних зданий по набережной под № 164. А преподавателем русской словесности и латинского языка в нем служил лицейский друг Александра Сергеевича Пушкина — Кюхельбекер (Кюхля).

На набережной и улицах в нижнем течении Фонтанки проходила юность моего недавно ушедшего из жизни мужа и его школьных друзей. Пусть их рассказы, записи ближайшего друга Вовки и личные впечатления автора, прожившего здесь когда-то несколько месяцев, оживят унылые городские картины.

Во внутреннем флигеле дома № 137 в одной из комнат, выходящих в длинный коридор первого этажа, жили когда-то тетя с племянником. Тетушка появилась на свет, по ее собственному выражению, «на рубеже веков», а именно в 1900 году, в благополучной мещанской семье, проживающей в южном украинском городе Екатеринославле. Там она окончила школу, получить же высшее образование твердо решила в Петербургском университете, куда поступила в 1921 году на физико-математический факультет, на отделение биологии. Широчайший спектр наук от гистологии и анатомии до физиологии, генетики и рабочего законодательства читали серьезные ученые, а студенты тех лет были одержимы поглощением знаний в любых видах — лекции, семинары, практические занятия, лаборатории, общественные дисциплины, языки, медицинский практикум, биология растений, физиология высшей нервной деятельности... Друзья и подруги писали статьи, делали доклады, вели занятия с младшекурсниками, а через несколько лет защищали диссертации. Тетушка не могла себе позволить отстать от них, тоже собиралась защищаться.

Одновременно с занятиями наукой подруги по университету успевали заводить романы, выходить замуж, рожать детей, разводиться, снова выходить замуж. Личная жизнь у моей героини не сложилась. На старших курсах

она увлеклась своим сокурсником, человеком интересным и талантливым. Но он отдал предпочтение ее ближайшей подруге Тоне, обладательнице пышных форм и веселого нрава. После неудачи на любовном фронте серьезная девушка приняла решение обращать внимание на мужчин только как на коллег по науке. Они, надо сказать, тоже видели в ней товарища-физиолога, лишенного пола: то ли из-за сухости ее характера и полного отсутствия женственности, то ли из-за сильной близорукости, скрываемой за толстыми стеклами очков, то ли из-за постоянной папиросы во рту и худобы. Нет, скорее по причине безраздельной увлеченности наукой. Словом, в возрасте далеко за тридцать у нее не было серьезного претендента на руку и сердце, и всю себя она отдавала Ее Величеству науке. Жила ученая дама со старушкой мамой, но часто навещала семью брата, состоящую из его жены и сына, любимого племянника. Их она всем сердцем любила и о них постоянно думала, стоило отвлечься от проблем кроликов и мышей.

Когда началась война, брат, человек мирной профессии, бухгалтер, как тысячи ленинградцев, ушел в ополчение в первые же дни и больше не вернулся. В блокадном Ленинграде погибли мама и невестка, племянник со школой был эвакуирован в Ярославскую область, и нужно было срочно его найти. Тетя с трудом разыскала десятилетнего племянника, и с этого момента жизнь ее кардинально изменилась. С научными проблемами физиологии было покончено. Вместо них появились проблемы, связанные с юным племянником, которого надо было кормить, одевать, учить, воспитывать. Тетя устроилась врачом в санаторий, что кроме денег давало возможность подкармливать растущий организм с кухни общепита. Санаторий этот находился в горах Киргизии, куда они доехали в сорок первом году и где прожили три следующих военных года. Опыт и навыки в общении с мальчиком такого возраста с непростым характером, да еще оставшимся сиротой, у тети отсутствовали. Дабы племянник постоянно находился под присмотром, тетя Люся, или просто Люся, определила его в интернат, домой он приходил только на выходные. Три года той киргизской жизни в памяти уже взрослого мужчины навсегда остались годами, полными приключений и опасностей. В компании таких же предоставленных самим себе пацанов Боб сбегал с уроков на базар, что-то там добывал, покупал, продавал, тащил. Чему он только не обучился: драться, воровать, материться, курить, играть в карты, пить... Так закалялась сталь у детей военного поколения. Вот только разве интерес к физиологической сути полов не увлек этого не похожего на многих сверстников паренька. Его сексуальная энергия сублимировалась в многочасовое чтение книг и занятия спортом, причем любых видов.

По возвращении из эвакуации в родной полуразрушенный Ленинград сложностей не убавилось. Квартира, которую занимала Люся с мамой, как и

квартира брата, были заняты, пришлось хлопотать о жилье, о работе, об учебе. И становилось все сложнее с мальчиком, в котором тесно переплетались генетическая интеллигентность и приобретенные на улице хамство и разгильдяйство. Довольно сухая и к тому же не приспособленная к бытовым вопросам тетя справлялась с мальчишкой еле-еле, маму она, как ни старалась, заменить не могла.

С трудом они получили площадь в довольно обшарпанном флигеле доходного дома, выходившего фасадом на набережную реки Фонтанки (№ 137). Дом был построен в XIX веке специально для сдачи комнат внаем бедному петербургскому люду. Так этот люд и жил там с дореволюционных времен. Вроде каждый человек имел свою комнату, но жизненно важные помещения, а именно кухня и уборная в конце длинного узкого коридора, были общими. Комнат было шестнадцать, в каждой из них, площадью четырнадцать квадратных метров, обитало семейство числом от двух до четырех-пяти человек. В просторной кухне на коллектив из четырех десятков жильцов стояла пара газовых плит и висели две раковины, где стирали, мылись сами и мыли посуду. За кухней имелась уборная типа сортир «два очка», к которым в часы пик выстраивалась очередь.

В сообществе жильцов «дома барона Фредерикса» (так, по имени бывшего министра императорского двора, его называла Люся) она являла собой единственного представителя интеллигенции, даже с высшим образованием. Остальной люд был попроще: и по образованию, чаще среднему, и по профессиям — слесарь ЖЭКа, медсестра поликлиники, заводской техник, и по увлечениям — водка, матерщина, приходящие мужички... Зная четыре правила арифметики, соседи не умели считать доходы и расходы, поэтому регулярно в конце месяца стучались в дверь к «интеллигенции» и задавали один из главных в России вопросов: «Не дадите ли взаймы денег?» Люся тоже была не из богатых и даже получала меньше некоторых соседей, так как исследовала показатели здоровья трудящихся железнодорожников в лаборатории Управления Октябрьской железной дороги. Управление очень удачно находилось неподалеку, в доме № 117 по набережной. В силу умения экономно расходовать деньги она всегда откликалась на просьбу и подбрасывала неимущим. Благодарили доброго человека кто как мог: одна соседка мыла за нее пол в местах общего пользования, другая угощала только что испеченными пирожками, третья приносила молоко и хлеб из магазина, четвертая выключала сварившийся бульон или компот. Дело в том, что Люся, увлекшись чтением книги, регулярно забывала о том, что поставила на газ кастрюлю. Если в кухне никого не было, варево выкипало, после чего и кастрюлька могла расплавиться. А куриные бульоны и компоты из сухофруктов получались у нее как

раз вкусные. Будучи человеком в еде неприхотливым и к тому же не любя кулинарию, она особенно трапезу не разнообразила. Заглатывала что попало, глядя в четыре глаза в книгу и стоя коленками на стуле. Почему в такой странной позе? Потому что так было легче дышать. С возрастом легкие, подтачиваемые непрерывным курением, плохо справлялись со своей функцией. Вскоре развилась астма, перешедшая в эмфизему, и как результат – глубокий нутряной кашель, который раздирал легкие бедной женщины. Во время приступа из глаз лились слезы, а искусственные зубы плохо держались во рту. Облегчение наступало только в позе с упором на локти и коленки, таким способом она могла пребывать часами.

А как же в то время протекала жизнь юного племянника? Учиться Боб в 1946 году, вернувшись из Фрунзе (бывшего Пишпека и будущего Бишкека), пошел в 8-й класс ближайшей школы № 241. При школе был обширный двор с волейбольной и баскетбольной площадками, на которых ребята еще и в футбол играли, легко сооружая ворота из собранных в кучу портфелей. Но главным развлечением была игра трое на трое в одно баскетбольное кольцо футбольным или волейбольным мячом.

Все ребята-одноклассники, а их было двадцать пять, имели прозвища: Юрка – Курц унд Шмуциг, Левка – Козя, Юрка – Слива, Глеб – Булкин, Вовка – Пиня, Толя – Репина, Алик – Нидриг, Серж – Скунс, Вовка – Розен, Марк – Моня, Олег – Меркецум, Валя – Пичуга, Яшка – Молекула, Вовка – Берен, Лев – Лео, Володя – Пуля, Володя – Адмирал, Валя – Красавчик, Саша – Дева, Олег – Пилот, Толя – Пан, Борис – Боб. Прозвища еще троих, которые сразу после окончания школы сгинули, забылись. Обращались друг к другу до самых последних дней исключительно по детским прозвищам. Многие мальчишки военного времени при увлечении техническими дисциплинами, как того требовало время, не чужды были изящной словесности. Дружья выпускали литературные журналы, на страницах которых острили и насмешничали друг над другом и над любимыми педагогами в рифму, белым стихом и иронической прозой. Некоторые выдержки из школьных литературных журналов сохранились.

О, милый Глеб! Ты б столько миру
Мог дать прекраснейшего жиру,
Что целый год мы масло б ели
И Фролу дифирамбы пели.

К папаше Ф-ва

Любезный! Извините,
Не знаю я ни имени, ни отчества,
«Папашино Высочество».
Итак, я Вам даю совет,
Как сына Вашего исправить,
Как вывести его на свет,
Дорогой истины направить.
Во-первых, денег не давать,
По средам и субботам драть,
А если будет забывать,
То в воскресенье добавлять.

Угрюм Репина, молчалив,
Как филин древнего поверья.
Начнет стихи критиковать —
Летят с поэта пух и перья.
Прозаика начнет клевать —
Вперед ногами унесут.
Писатели? Когда ж Репину подобьют?
Приди! О, новый Робин Гуд!

Ты молод, весел и горяч,
Резвишься ты, как звонкий мяч.
Тебя, как мяч, об землю бьют,
Ты терпишь все, как старый шут.

На задней парте, как в аврал,
Сидит угрюмый адмирал.
Он полон сил, как старый пес
С копной седеющих волос.

О, Бебс! Твой нос, как слива,
Висящая в саду на диво!
Для всех прохожих и зевак —
Не заблуждайтесь! — это брак.

С толстой попой, с низким лбом.
Да и учится с трудом.
Он сидит всегда сердитый,
Волосатый и небритый.

Он быстро бегал по пампасам,
По прериям носился он.
Теперь сидит в десятом классе,
Имея прозвище Бизон.
Он дик, угрюм, как лютый зверь, –
Его на свой аршин не мерь.
И парта для него, как трон, –
Таков скалистых гор Бизон.

Ребята много читали, хорошо знали классическую поэзию. Здесь, по общему признанию одноклассников, мой будущий супруг, длинный Боб, верховодил, был непререкаемым авторитетом. Длинным он стал внезапно между девятым и десятым классом, вырос на одиннадцать сантиметров и сразу с левого фланга перешел на правый.

Там, где Крюков канал со Фонтанкой рекой,
Словно брат и сестра, обнимаются,
Там горят фонари от зари до зари,
Там студенты толпою шатаются,
Там Никола Морской с колокольни большой
На студентов глядит, ухмыляется,
Через тумбу, тумбу – раз, через тумбу, тумбу – два,
Через тумбу, тумбу – три спотыкается!

С большим энтузиазмом одноклассники Бориса, гуляя вечерами по Крюкову каналу, пели эту старинную студенческую песню. А гуляли они здесь частенько, благо их мужская школа находилась на углу проспекта Римского-Корсакова (бывшего Екатерингофского) и проспекта Майорова (бывшего и нынешнего Вознесенского), совсем рядом с каналом.

«С первых лет был здесь при Санкт-Петербурге знатный подрядчик посадский человек, прозванием Семен Крюков, которого государь Петр Великий знал довольно, и оный подрядчик вышеописанный канал делал, отчего и именование оное получил». Крюков канал с 1719 года прорыт был между Невой и Мойкой. После постройки Благовещенского

моста (Лейтенанта Шмидта) часть канала заключили в трубу и засыпали, в 1782–87 гг. канал продолжили до реки Фонтанки.

В погожие дни марта старшеклассники сбегали с уроков и шлялись по Крюкову каналу и Сенной площади, подставляя носы солнцу. В солнечные апрельские деньки отправлялись на пляж к Петропавловке, прижимая спины к прогретым крепостным стенам.

Проспект Майорова все школьные годы был Бродвеем этого района, по нему в белые ночи ежевечерне толпой ходили мальчишки от школы до набережной к Петруше — так панибратски назывался Медный всадник. Был период, когда у ног Всадника и в Сашкином садике (Александровском саду) одноклассник по прозвищу Нидриг, сын гинеколога, просвещал мальчишек сексуально. Просвещение выражалось в пересказе деталей из книги «Мужчина и женщина», упомянутой у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях». Первую книгу просветитель пересказывал без подробностей, из последней («Стулья») ребята в ответ цитировали куски наизусть.

Основным и любимым видом транспорта в послевоенные годы в Ленинграде был трамвай. Трамваем ребята добирались до Средней Рогатки и дальше шли на Пулковские высоты собирать патроны, порох и прочие военные трофеи. Летом 1947 года Берин с другом Бобом трамваем ездили на Елагин (бывший Кировский) остров в ЦПКО ловить колюшку со старого парохода. Как-то на обратном пути, на втором Елагином мосту, они подрались и попали в милицию. Через несколько дней родителям пришла квитанция на уплату штрафа за недосмотр драчливых детей. В другой раз зимой друзья рванули на Ватный остров, там случайно утопили калоши, после чего поехали за деньгами на новые калоши к родителям Берена в ГИПХ и снова здорово подрались — теперь в проходной института.

Трамваи ходили от Балтийского вокзала или Московского проспекта (бывшего Обуховского, Международного и имени Сталина) через **Измайловский мост** по проспекту Майорова (Вознесенскому) и дальше до Казанского собора. От Театральной площади, по мосту со стальными фермами через Фонтанку, также ходил трамвай, выворачивая на Измайловский проспект у моста. Остановки у Фонтанки не было, и перед мостом ребята соскакивали с подножки на ходу. Ездить по Майорова на подножках было их любимым занятием, поскольку двери трамваев тогда не закрывались. Иногда разнообразили это занятие поездками на грузовых трамваях, в частности, сидя на промасленных рельсах.

А какое удовольствие получали мальчишки от поездок на Крестовский остров — на стадион «Динамо» болеть за «Зенит». Особым шиком считалось

во время игры громко крикнуть: «Левин, иди спать, дай Когану поиграть!» Дело в том, что один из футбольных кумиров, полузащитник Левин-Коган, по прозвищу «дважды еврей Советского Союза», жил в том же доме, что и Берен, и часто слышал нахальные крики друзей. Он просто прятался от них. Когда билетов на футбол не было, они проникали на стадион через щели под забором и смотрели, как ворота «Динамо» защищал Виктор Набутов, прозванный балериной, блиставший тогда в питерском баскетболе и ставший потом лучшим спортивным комментатором.

По Садовой до Невского зимой на трамвае друзья ездили во Дворец пионеров в шахматный кружок, где, однако, не слишком преуспели: даже на четвертый разряд не наиграли.

На левом берегу Фонтанки напротив дома № 135 был проход на Троицкий рынок, где после войны устраивали городскую ярмарку, а школьники развлекались в различных аттракционах. Ярмарка под названием «вещевой рынок» функционирует и поныне.

Между Измайловским и Лермонтовским проспектами когда-то были расквартированы сначала в деревянных, а позже — в одно- и двухэтажных каменных казармах роты гвардейского Измайловского полка. Измайловский полк, созданный в 1732 г. по приказу Анны Иоанновны в Москве в селе Измайлово, формировался не из русских дворян, а из прибалтийских немцев — дабы не поддерживать дворцовых переворотов. После падения Бирона это правило не выполнялось.

Многие корпуса живы и сегодня, в начале XXI века. Те, что выходят на набережную и недавно подкрашены, выглядят неплохо, но в глубине кварталов и здания и дворы представляют довольно непрезентабельное зрелище. Госпиталь полка на углу набережной Фонтанки давно сгорел.

В память об Измайловском полке остался величественный собор на три тысячи человек, построенный по проекту архитектора В. П. Стасова в 1828–1835 годах с пятью куполами и колоннами портиков. В этом храме венчался Достоевский, а 6 ноября 1894 года отпевали А. Г. Рубинштейна. Удивительная судьба постигла собор Измайловского полка — он тоже горел, и уже в наше время, совсем недавно, в августе 2006 года. Загорелись леса, окружавшие главный купол, купол горел долго, к изумлению толпившегося вокруг народа пятьдесят пожарных расчетов и вертолет МЧС с трудом через несколько часов остановили огонь. На экране телевизора было видно, как полыхали и рушились детали купола, огнем охватило и боковые купола. Площадь возгорания была оценена в две тысячи квадратных метров, а стоимость восстановления — в сто сорок миллионов рублей. Сегодня внешний

вид обновленных синих боковых куполов почти также хорош, но главный купол в лесах, один бог лишь ведает, когда его восстановят в кризисное для страны время.

У Крюкова канала — пешеходный мост через Фонтанку, далее по правому берегу — Усачев переулоч (нынче Макаренко), в нем находились Усачевские бани, где дед Вовки Берена приобщал внука и его друга к парилке. На Лермонтовском, напротив Троицкого проспекта (тогда улицы 1-й Красноармейской), до строительства гостиницы «Советская» также была маленькая и очень уютная баня, в которую ходили, когда Усачевские бани не работали. Тогда и возникла у дедушкина внука любовь к парилке, сохранившаяся надолго, а вот друг его, длинный Боб, оказался к этому виду удовольствия равнодушным. Ему 5 декабря 1947-го исполнилось уже шестнадцать, и куда с большим интересом он бегал, и не один раз, вместо бани в кинотеатр «Ударник» на трофейный фильм «Девушка моей мечты» с ню Марики Рекк в бочке. «Девушку...» можно по праву считать первым и главным эротическим фильмом советских людей послевоенной эпохи.

Как сложилась судьба одноклассников моего мужа? Она показательна для того поколения. Если провести социологическое исследование их жизни и работы, обобщить его в цифрах, то получится следующая картина. Все мальчишки поступили в ленинградские технические вузы (военно-механический, электротехнический, кораблестроительный, горный, политехнический) или на естественные факультеты университета и гидрометеорологического института, стали инженерами, геологами, летчиками. Несколько человек устремились в науку, доросли до кандидатов и докторов наук; кто-то в качестве капитана дальнего плавания бороздил моря и океаны, кто-то водил эскадрилью; один пошел по общественной стезе — стал секретарем райкома комсомола, другой закончил институт иностранных языков и стал переводчиком, но командовал почтамтом... Из всего выпуска только Боб (мой будущий муж) после окончания ЛГМИ связал свою судьбу с вооруженными силами.

Волна эмиграции естественно коснулась класса, в составе которого было достаточное число еврейских мальчиков. Причем, интересно, что уезжали их практичные и рискованные дети, а отцы лишь через некоторое время устремлялись вслед за ними. Я в 1995 году к встрече моих школьных подруг переделала известную песню, в которой отражена эта тема, только по линии дочери-матери:

Мы рождены, подружки, в тридцать пятом,
И прожили в России много лет.
Умеем пить, курить, ругаться матом,
Душой богаты, денег только нет.

Припев: Все крепче, мудрее, красивей
С годами наш школьный союз.
В друзьях детства черпаем силы.
Не страшен нам возраста груз.

Мы встретились при звуках канонады,
Когда детьми ходили на ШП*.
И культ вождей нам объяснять не надо,
Ведь каждый раз по ним звучал Шопен.

Припев. Мы выросли в стране антисемитов,
Большевиков. Мужья у нас – совки.
Но славимся характером открытым.
Мы не рабы и уж – не дураки.

Припев. А наши дети смелы и активны
И не боятся слов, и дел, и стран.
Им нипочем и доллары, и гривны.
Не обольстит их ленинский дурман.

Припев. Нам не страшны болячки и напасти,
Безденежье и старости приход.
Полвека дружим мы, а это счастье.
Да будут встречи эти каждый год!

Припев.

Что касается болезней, напастей и встреч школьных друзей Бориса, то картина получается не очень веселая. Эмигрировали пять человек, на классные встречи, которые проводились каждые пять лет, ребят приходило, естественно, все меньше, по принципу «одних уж нет, а те далече». Далече – не обязательно за бугром, и в России одноклассники терялись, не выходили на связь.

Век мужчин в нашей стране до обидного короток, поколение, рожденное в тридцатые годы, грешило любовью к никотину и алкоголю и полным невниманием к здоровью. В результате, на последней, печальной встрече по поводу смерти «длинного Боба» собралось пять человек, в которых с трудом угадывались бодрые и энергичные школьники-выпускники 1949 года.

* Школьное питание.

Казалось, время шло и шло.
Тем временем оно бежало,
Стегало нас, уничтожало,
Ломало нас, не берегло.

И вот осталось мало.
Беречь его?

Еще чего!

Моя недолгая жизнь в доме № 137 по набережной Фонтанки проходила в период, когда дочке стукнуло шесть месяцев. В квартире родителей мы жить уже не могли. У папы случился инсульт, после которого он недвижимо лежал на диване в своем кабинете, мама во второй комнате двухкомнатной квартиры принимала врачей и сестер, мы с грудным ребенком в такой ситуации только мешали. Встал вопрос о срочном переезде, но куда? У молодой мамы кончился отпуск по уходу за дитем, надо было срочно найти няню, снять комнату и выходить на работу, так как дисциплина в те годы была строгая. Пока что в качестве временного пристанища решено было поселиться по месту прописки молодого папы с его тетушкой, которая как раз вышла на пенсию и могла приступить к выполнению новых функций бабушки.

В комнате размером четырнадцать квадратных метров несколько месяцев мы жили вчетвером. Нет, точнее сказать, вчетвером оказывались ночью, днем в комнате находилась бабушка с дитем и приходящей няней. Но что это были за ночи! Когда после долгого укачивания малютка засыпала и становилось тихо, бабушку начинал душить кашель. Дите тотчас просыпалось и принималось реветь в голос. После рева шел повторный процесс укачивания. Едва только ребенок замолкал, а его родители закрывали глаза, от нехватки воздуха просыпалась бабушка и принималась бороться с кашлем. Она садилась на кровати и, затыкая себе рот подушкой, кашляла. Ребенок кричал, и все начиналось снова. Так продолжалось до самого утра, когда на смену сонным родителям приходила выпавшаяся няня, а они, покормив ребенка, уходили на работу и там бодрствовали, в то время как бабушка и внучка отсыпались.

После работы мама, не в силах сидеть в душной комнате с кашляющей свекровью, хватала коляску и с удовольствием шла на прогулку по окрестным местам.

Из ближайших домов интерес представлял дом № 131, где с 1950 года жил известный композитор Василий Павлович Соловьев-Седой. Его песни военных лет: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...», «Вечер на рейде» («Споемте, друзья, пусть нам подпоет седой боевой капитан!...») – и многие другие пел весь народ. Правда, музыкальная фраза «Пришла и к нам на фронт

весна, солдатам стало не до сна...» один в один повторяла главную тему одной из рахманиновских сонат. Не буду бросать камень в Василия Павловича: композиторы часто заимствуют кусочки мелодий друг у друга. Тем более что я с ним в первое лето жизни маленькой дочки встречалась в доме творчества композиторов в Репино, когда гостила у отдохавшего там отца. Соловьев-Седой творил в закреплённом за ним коттедже. Однажды вышел подышать воздухом, увидел милое дите и решил взять его на руки. Трёхмесячное дите не возражало, не плакало, но, к ужасу бабушки и веселью мамы, пустило струйку на брюки мэтра. Композитор не рассердился, детей он любил. Всего Василий Павлович написал более четырехсот песен, шесть оперетт и музыку к пятидесяти кинофильмам. Самая известная песня композитора «Подмосковные вечера» стала неформальным гимном сначала Советского Союза, потом уже и России. В доме № 131 композитор жил до самой смерти в 1979 году.

Закончу рассказ о Фонтанке стихами Бориса Марголина, написанными в последнее десятилетие его жизни. Если одним словом обозначить главное увлечение этого неординарного человека, слово будет ПОЭЗИЯ. Стихи сопровождали моего мужа со школьных лет; стихи помогали из среды любителей поэзии выбирать друзей, и эти друзья становились друзьями на всю жизнь. Стихами более полувека назад Борис растопил мое ледяное сердце. Стихи возвратили вкус к радостям жизни, когда он, облученный на испытаниях первой в Советском Союзе атомной бомбы, лежал в уральском госпитале и обретал способность дышать в буквальном и переносном смысле. Вечером, вернувшись со своей непростой военной службы, муж обычно отдыхал в кресле с любимыми Самойловым, Левитанским, Окуджавой, Вознесенским, Мартыновым... Поэзия была единственным отвлекающим средством между сердечными приступами в последние дни.

Перелистывая книги знакомых авторов, Борис черпал вдохновение у одних, переделывал строки других, подражал третьим, дополнял четвертых. В результате у поэта-любителя рождались добрые, ироничные, но всегда талантливые строки, которые с удовольствием друзья и родные повторяли и заучивали.

Юного друга Мишку, который с детства пробовал сочинять стишки, старший товарищ напутствовал:

Пусть жизнь прекрасна, но при этом
В ней много всяческой тухли.
Мужчина должен быть поэтом.
Пиши стихи!

И если будет очень больно
Из-за какой-то чепухи,
Не говори: «С меня довольно!» —
Пиши стихи!

Стихов хороших нынче мало —
Все больше разной шелухи.
Не бойся, поднимай забрало —
Пиши стихи!

И пусть везет тебе не слишком,
И пусть дела твои плохи —
Пиши стихи! Ату их, Мишка!
Пиши стихи!

А этот стих был предназначен другу к юбилейной дате:

Твой жизненный запас — шагреновая кожа,
Огарок восковой оплавленной свечи...
Не надо унывать, у глаз морщинки множить.
Еще не кончен бал и музыка звучит!

Пока толкают нас любовные томленья
И мучает вопрос, ты счастлив или нет,
Горит, горит, горит минутное сомненье.
Еще не кончен бал и не потушен свет!

Пусть времени резец скользит по нашим лицам,
Мы в царствии теней не числимся пока.
Хоть искорка одна живая сохранится...
Еще не кончен бал и осень далека!

А нас еще осудят, а мы еще ответим,
А нас еще потреплют, а мы ряды сомкнем.
Ведь нынче годовщина, и мы ее отметим.
Не правда ли, как странно, как долго мы живем?

Мы так надежно помним мотив, нам данный богом,
Мы так легки в движеньях — взлетим того гляди.
Мы так неспешно ходим по нынешним дорогам,
Как будто не мгновенья, а вечность впереди.

Какие наши годы – такие наши песни,
А все, что с нами было, забудется легко,
А все, что с нами будет, начертано на перстне,
А перстень брошен в море, а море велико.

Мужайтесь же, о други, исполнившись усердья,
Творите, что хотите, покуда хватит дня.
А длительного счастья, покоя и бессмертья
Я дал бы вам с лихвою, но нету у меня.

Все, что с нами происходило, происходит и еще произойдет, тоже, наверно, начертано на перстне. Правда, брошен он не в море, а в воды коротенькой и не очень полноводной реки Фонтанки. Но река эта особенная: она протекает по красивейшему городу Санкт-Петербургу, равного которому нет.

Счастье и покой жителей города, пережившего революции и блокаду, относительны, а вот бессмертие им обеспечено – оно в бессмертии петербургских рек и каналов. И это доказано временем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не правда ли, удивительная речка Фонтанка? Недлинная, неширокая, неглубокая, а какие красивые здания на берегах! Сколько интересных людей населяло их! Сколько разных событий происходило вокруг!

Декабристы и Третье отделение, Михайловский замок и трущобы Сенного рынка, Летний сад и Апраксин двор! Евгений Онегин и Чижик-пыжик! Столыпин и Ленин, Гаврила Державин и Сергей Довлатов, Прасковья Жемчугова и Аркадий Райкин, Илья Ефимович и Анна Андреевна...

От истока до устья гулял, жил и творил бессмертное – бессмертный Пушкин.

Родители, родственники, друзья и знакомые автора книги, наконец, сам автор провели на берегах Фонтанки не худшие свои дни.

Река вдохновляла и до сих пор вдохновляет на творчество в любой сфере жизни живущих рядом с ней и тех, кто лишь изредка проходит по ее набережной и мостам.

По воде снуют прогулочные суденышки. Экскурсовод громко, но безучастно поясняет: «В этом особняке в XVIII веке... В Летнем саду в XIX веке...». А кто же расскажет о том, что происходило на этих берегах недавно, в XX веке, и что случается сейчас, в веке XXI? И я решила попробовать.

Фонтанка жива. Как вы поняли, здесь происходит много интересного и сегодня. Наверняка, и вы что-то знаете. Может, продолжите мой рассказ?

Литература

- Айзенштадт В. и М.* По Фонтанке. Страницы истории петербургской культуры. – 2007.
- Вересов А.* Фонтанный дом. – 1990.
- Гаврилова Н. Г., Голиков Ю. П.* Особняк Кочневой. Фонтанка 41. – 1999.
- Грекова Т. И., Голиков Ю. П.* Медицинский Петербург. – 2001.
- Канн П. Я.* Прогулки по Петербургу. – 1994.
- Куферштейн Е. З., Борисов К. М., Рубинчик О. Е.* Пантелеймоновская улица. – 1991.
- Матвеев Б. М., Краско А. В.* Фонтанный дом. – 1996.
- Микишатьев М.* Вокруг Литейного. – 2008.
- Синдаловский Н.* Пушкинский круг. Легенды и мифы. – 2008.
- Путеводитель по Санкт-Петербургу.* – 1903.

Оглавление

Вступление.....	5
У истоков	7
Фонтанка моего детства	37
Вверх от устья	99
Послесловие	125
Литература	126

Я — гидролог, гидролог по призванию, гидролог с рождения. Одна из любимых рек — петербургская Фонтанка. Вот уже более трехсот лет вдохновляет жителей великого города. На ее застроенных архитектурными шедеврами берегах жили и работали выдающиеся люди России.

Жизнь всех моих родственников, некоторых друзей и знакомых случайно или намеренно, связана с этой удивительной водной артерией города. С ней связана и моя жизнь. Детство и юность прошли в среднем течении реки, часть замужней жизни — в нижнем. Большая часть зрелости проходит в верхнем течении — у истока Фонтанки, в самой красивой, аристократической части Санкт-Петербурга.

Фонтанка — река моей судьбы и судьбы моих родных и друзей. К такому выводу я пришла недавно, о чем и хочу рассказать. Но все по порядку...